



В. И. Ленин (Lenin)

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин (Ульянов)

**Полное собрание
сочинений. Том 20.
Ноябрь 1910 ~ ноябрь 1911**

«Public Domain»

Ленин (Ульянов) В. И.

Полное собрание сочинений. Том 20. Ноябрь 1910 ~
ноябрь 1911 / В. И. Ленин (Ульянов) — «Public Domain»,
— (Полное собрание сочинений в 55-ти томах)

В двадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в период с ноября 1910 по ноябрь 1911 года.

Содержание

Предисловие	6
1910 г.	15
Не начало ли поворота?	15
О демонстрации по поводу смерти Муромцева	17
Два мира	20
Л. Н. Толстой	25
Открытое письмо ко всем социал-демократам партийцам	28
Л. Н. Толстой и современное рабочее движение {33}	35
Письмо в российскую коллегия ЦК РСДРП {35}	37
О положении дел в партии	40
Разногласия в европейском рабочем движении	48
I	48
Толстой и пролетарская борьба	53
Начало демонстраций	54
Что делается в деревне?	56
Иван Васильевич Бабушкин	57
О некоторых особенностях исторического развития марксизма	60
Герои «оговорочки»	63
1911 г.	66
О краске стыда у иудушки Троцкого	66
Карьера русского террориста	67
Л. Н. Толстой и его эпоха	69
В Центральный Комитет	72
Марксизм и «Наша заря» {55}	74
Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове)	77
I	77
II	80
III	81
IV	83
V	86
Кадеты о «Двух лагерях» и о «Разумном компромиссе»	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 20
Ноябрь 1910 ~ ноябрь 1911

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической Партии
Советского Союза

Предисловие

В двадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в период с ноября 1910 по ноябрь 1911 года.

1910–1911 годы были переломными в общественно-политической жизни России. Полоса господства черносотенной реакции, наступившая после поражения революции 1905–1907 гг., подходила к концу. В массах нарастало брожение, крепло сознание необходимости борьбы с самодержавием.

Существенные изменения наблюдались в эти годы в экономике страны. После длительной депрессии, продолжавшейся до 1909 года, началось оживление в промышленности, перешедшее в 1910 году в промышленный подъем. Росла продукция важнейших отраслей промышленности, увеличилась концентрация производства и капитала. Вместе с ростом численности пролетариата возрастала и сосредоточенность его на крупных предприятиях.

Однако экономическое развитие России по-прежнему тормозилось сильными пережитками крепостничества. Все это обостряло социально-экономические противоречия, усиливало нарастание нового революционного кризиса в стране.

Не могли спасти царизм от надвигавшейся революции шаги, сделанные им на пути превращения России в буржуазную монархию, его попытки таким образом решить задачи, выдвинутые всем ходом развития страны по капиталистическому пути. Не оправдала надежд самодержавия III Дума, где главенствовал блок октябристов и кадетов – представителей крупного помещичьего землевладения и верхов торгово-промышленного капитала. Результатом столыпинской аграрной политики было разорение, обнищание многомиллионных масс крестьянства. Неурожай 1911 года повлек за собой голод, который охватил около 30 миллионов крестьян и обострил положение в деревне.

В статьях «Кадеты о «двух лагерях» и о «разумном компромиссе»», «Кадеты и октябристы», «О значении кризиса», «Столыпин и революция» и др., включенных в настоящий том, Ленин дал анализ социально-экономических процессов, происходящих в стране. Обострение классовых противоречий, дальнейшее поправление либеральной буржуазии, нарастание протеста среди масс – все это говорило о том, что столыпинская политика потерпела полный крах. «Столыпин пытался, – писал Ленин, – в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, *последнем мыслимом* для царизма пути» (настоящий том, стр. 329).

Глухое брожение, которое нарастало в демократических слоях населения, в середине 1910 года стало переходить в открытую борьбу. Первым выступает против царизма рабочий класс. Уже летом появились явные признаки оживления рабочего движения – значительно возросло количество стачечников, сами стачки стали приобретать все более наступательный характер. В 1911 году число рабочих, участвовавших в стачках, составило свыше 100 тысяч, т. е. вдвое больше чем в 1910 году; в 1912 году бастовало уже более миллиона рабочих. Вслед за пролетариатом поднялось крестьянство, активно выступая против произвола помещиков и кулаков.

Ленин, находясь в эмиграции, в Париже, внимательно следил за всеми проявлениями политической активности рабочего класса, за нарастанием общедемократического подъема в России. Произведения Ленина проникнуты глубокой верой в силы рабочего класса, в силы народных масс, снова поднимающихся на борьбу с самодержавием. «Не начало ли поворота?» – так называется его статья, написанная в ноябре 1910 года, которой открывается настоящий том. В статье «Начало демонстраций» Ленин писал: «Первое же начало борьбы

показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции» (стр. 75).

Ленинский прогноз полностью оправдался – стачки и демонстрации 1910–1911 годов были началом нового мощного революционного подъема.

Перед партией рабочего класса стояла задача возглавить нарастающий революционный подъем, который должен был привести пролетариат в союзе с крестьянством к победе буржуазно-демократической революции в России. Новая обстановка выдвигала перед партией задачи практического руководства революционной борьбой рабочего класса против царизма – стачечным движением, митингами и демонстрациями, агитацией в массах в предстоящей избирательной кампании в IV Государственную думу. Осуществить эти задачи – широко использовать все легальные возможности для укрепления связей с массами, для борьбы за интересы масс – можно было только решительно сплотив все подлинно партийные элементы в нелегальных партийных организациях.

Между тем партия переживала тяжелый кризис. К концу 1910 года окончательно выяснилось, что решения Январского пленума ЦК не выполняются ни ликвидаторами-голосовцами, ни отзовистами-впередовцами. Фракционная газета меньшевиков-ликвидаторов «Голос Социал-Демократа» продолжала издаваться. Мартов и Дан, входившие в редакцию Центрального Органа партии газеты «Социал-Демократ», срывали работу редакции, препятствовали проведению ленинской линии. Свое преобладание в Заграничном бюро ЦК РСДРП ликвидаторы-голосовцы использовали для того, чтобы мешать большевикам наладить работу центральных учреждений партии.

В России ликвидаторы, так называемые независимцы-легалисты во главе с Потресовым, на страницах своих журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни» объявляли нелегальную партию несуществующей, а задачу ее укрепления – «реакционной утопией». Голосовцы выступали с открытой поддержкой независимцев-легалистов и тем самым окончательно скатились на позиции ликвидаторства.

Впередовцы создали антибольшевистский центр в так называемой партийной, а по существу фракционной школе в Болонье. Они заявляли, что отзовизм является «законным оттенком» в партии и проповедовали антимарксистские философские взгляды.

Троцкий открыто вступил на путь раскола партии. Он провел в группке троцкистов за границей резолюцию с призывом созвать «общепартийную» конференцию помимо и против ЦК. Фактически уже к этому времени Троцкий сколачивает антипартийный блок ликвидаторов, отзовистов, троцкистов, окончательно оформившийся в августе 1912 года и получивший название Августовского блока.

Ленин в своей заметке «О краске стыда у Иудушки Троцкого» и в статье «О положении дел в партии» характеризовал Троцкого как предателя интересов партии, а его позицию как авантюру и в смысле идейном – объединение всех врагов марксизма, и в смысле партийно-политическом – обман рабочих фразами о возможности «дружной работы» с голосовцами и впередовцами, и в смысле организационном – подготовка созыва антипартийной конференции.

Партия в этот период фактически оказалась без руководящего центра. Меньшевики-ликвидаторы, избранные в ЦК РСДРП на V (Лондонском) съезде, отказались работать в Русском бюро ЦК и даже объявили само существование ЦК вредным. В марте 1911 года в связи с арестами в России членов ЦК – большевиков Русское бюро ЦК перестало существовать.

В обстановке тяжелого кризиса, который переживала партия, только большевики во главе с Лениным сохранили верность партийному знамени, возглавили борьбу за подлинное единство всех партийных элементов на принципиальной основе. Впоследствии, характеризуя значение этого периода в жизни партии, Ленин писал: «Два года после пленума, которые

кажутся многим маловерам или дилетантам в социал-демократии, не желающим понять дьявольской трудности задачи, годами никчемных, безысходных, бессмысленных склок, распада и развала, были годами выведения на дорогу с.-д. партии из болота ликвидаторских и отзовистских шатаний» (Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 310–311).

В противовес беспринципному антипартийному блоку Троцкого с голосовцами и впередовцами Ленин выдвинул задачу укрепления блока большевиков с меньшевиками-партийцами.

С октября 1910 года в Париже начала выходить большевистская «Рабочая Газета», в которой принимали участие меньшевики-партийцы. Лениным был поставлен вопрос о необходимости возрождения легальной марксистской печати в России, развертывания на ее страницах борьбы за партию, против ликвидаторов, защиты идейных основ марксизма, В декабре 1910 года начали выходить – в Петербурге большевистская легальная газета «Звезда», в Москве – марксистский философский и общественно-экономический журнал «Мысль», Ленин из-за границы осуществлял идейное руководство этими органами. В них было опубликовано свыше 50 статей Ленина.

Оценка большевиками положения в партии дана Лениным во включенных в том «Открытом письме ко всем социал-демократам партийцам» от имени редакции «Рабочей Газеты», письмах в Российскую коллегию ЦК РСДРП, заявлении «В Центральный Комитет», в статье «О положении дел в партии» и др. Статья «О положении дел в партии» в целях широкого осведомления членов партии об антипартийных действиях ликвидаторов (голосовцев и независимых легалистов) и Троцкого была издана 23 или 24 декабря 1910 года (5 или 6 января 1911 года) отдельным оттиском из № 19 газеты «Социал-Демократ».

Ленин предпринимает решительные шаги по разоблачению фракционной, антипартийной политики голосовцев и впередовцев, по восстановлению центральных партийных учреждений. Большевики заявили, что они не считают больше себя связанными формальным единством с голосовцами и впередовцами, нарушившими решения Январского пленума ЦК. 22 ноября (5 декабря) 1910 года Ленин вместе с другими большевиками подал заявление в Заграничное бюро ЦК с требованием немедленного созыва пленума ЦК. Однако ликвидаторы, укрепившиеся в ЗБЦК, всячески противодействовали созыву пленума.

Полгода прошло в напряженной борьбе большевиков с ликвидаторами-голосовцами за созыв пленума. 28 мая – 4 июня (10–17 июня) 1911 года в Париже состоялось совещание членов ЦК РСДРП, находящихся за границей, созванное Лениным и другими большевиками помимо ликвидаторского ЗБЦК, сорвавшего созыв пленума. Из ленинского «Письма совещанию членов ЦК РСДРП за границей» видно, в какой напряженной обстановке оно созывалось, какую трудную борьбу по преодолению сопротивления ликвидаторов вынесли большевики. В документах, написанных перед совещанием, – «Конспекте (плане) доклада трех цекистов-беков частному совещанию девяти членов ЦК» и докладе о положении дел в партии (опубликован впервые в настоящем томе), Ленин показывает, что созыв совещания являлся единственно возможным и единственно правильным выходом из того тяжелого положения, к которому привела партию дезорганизаторская деятельность голосовцев, впередовцев и Троцкого. Задача партии, указывал Ленин, сплотить партийных рабочих в России для прямого выступления против независимцев-легалистов, для подготовки к выборам в IV Государственную думу и проведения в Думу кандидатур рабочих, сознающих опасность этого течения, начать немедленно работу по созданию Российской организационной комиссии для созыва общепартийной конференции.

В документах, связанных с работой совещания, отражена борьба Ленина за такое направление его работы, победа которого означала бы реальные шаги к объединению и сплочению партии. Материалы совещания в настоящем томе по сравнению с предыдущими изданиями Сочинений В. И. Ленина представлены значительно полнее. Впервые публикуются

в том же протокольные записи восьми выступлений Ленина по вопросам о конституировании совещания и о созыве пленума ЦК, в которых Ленин дал отпор попыткам бундовца и голосовца сорвать совещание. Впервые включены в собрание Сочинений опубликованные ранее в 1933 году в Ленинском сборнике XXV «Предложение к резолюции о созыве партийной конференции», в котором Ленин поставил вопрос о создании Российской организационной комиссии, и «Заявление» с протестом против допустимости участия голосовцев и впередовцев в Заграничной организационной комиссии по созыву конференции.

Июньское совещание членов ЦК РСДРП приняло решения, направленные на восстановление Центрального Комитета партии, осудило линию ликвидаторского Заграничного бюро ЦК и заявило о полном разрыве с ним, создало комиссию по созыву пленума ЦК, Организационную комиссию по созыву всероссийской конференции и Техническую комиссию для обслуживания партийного издательства, транспорта и т. п.

Совещание имело важное значение в жизни партии. Оценивая события в партии, происшедшие в июне – июле 1911 года, и прежде всего решения совещания, Ленин писал: «Принципиальная линия пленума (очистка рабочей партии от *буржуазных* течений ликвидаторства и отзовизма) освобождена теперь от скрывавших ее ликвидаторских центров» (стр. 301).

На основе решений июньского совещания большевики еще шире развернули работу по созданию настоящего единства всех партийных элементов, по сплочению нелегальных партийных организаций в России. Опытные партийные работники – большевики, направленные Лениным в Россию, опираясь на нелегальные партийные организации, провели работу по созданию Российской организационной комиссии (РОК), которая подготовила созыв в 1912 году VI (Пражской) партийной конференции.

Одной из мер, принятых Лениным для укрепления партии, было создание весной 1911 года партийной школы в Лонжюмо (местечко близ Парижа) в целях подготовки партийных кадров из рабочих. Для занятий в школе съехались представители партийных организаций важнейших пролетарских центров России. Ленин был идейным руководителем школы. Им было прочитано в школе 29 лекций по политэкономии, 12 – по аграрному вопросу, 12 – по теории и практике социализма в России. В том же впервые публикуется заявление, написанное Лениным 17 (30) июля 1911 года, с протестом против действий примиренцев, срывающих финансирование школы в Лонжюмо.

Ленин, придавая первостепенное значение укреплению российских партийных организаций, в то же время, сразу после июньского совещания членов ЦК, принимает меры к сплочению большевиков за границей. 18 июня (1 июля) 1911 года он участвует в собрании II Парижской группы РСДРП и вносит написанную им резолюцию о положении дел в партии. Собрание большинством голосов приняло ленинскую резолюцию, присоединившись к решениям июньского совещания членов ЦК. В этом документе, так же как и в предисловии к брошюре «Две партии» и в статье «Разговор легалиста с противником ликвидаторства», Ленин обращает особое внимание на то, что легалисты-независимцы и голосовцы не только выступают против нелегальной партии, но становятся на путь создания новой, открытой партии, которую Ленин называет столыпинской «рабочей» партией. Никакое соглашение с деятелями этой новой партии, писал Ленин, невозможно, оно может только «затормозить восстановление РСДРП, запутать ее в новую игру с голосовцами (или их лакеями вроде Троцкого), впередовцами и т. п.» (стр. 303–304).

Примиренчество явилось серьезным препятствием на пути к сплочению и укреплению партии. После июньского совещания членов ЦК примиренцы в комиссиях, созданных совещанием, проводили фракционную политику, отказывались подчиняться решениям Российской организационной комиссии, а в своих печатных изданиях обвиняли большевиков во фракционности и нетерпимости, оправдывали антипартийные действия ликвидаторов. В

статьях «Положение дел в партии», «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии (Посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям»)), «О новой фракции примиренцев или добродетельных» Ленин раскрыл опасность примиренчества и в особенности троцкизма, проповедовавшего соглашение между всеми и всяческими фракциями. Характеризуя Троцкого, как присяжного адвоката, лакея ликвидаторов, Ленин писал: «Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства» (стр. 320). Существенной разницы между группой парижских примиренцев и троцкистами не было. Примиренцы, говорил Ленин, являются просто непоследовательными троцкистами, простыми подголосками Троцкого.

Попытки ликвидаторов подвести теоретическую основу под свое отречение от революционных задач рабочего класса, ревизия философских основ марксизма, предпринятая российскими махистами из группы «Вперед», возросший в массах в период «переваривания» уроков революции 1905–1907 годов интерес к общетеоретическим основам марксизма, — все это выдвинуло перед партией задачу углубленного внимания к вопросам теории марксизма и к коренным основам тактики рабочего движения. «Теория марксизма, *«принципиальные основы»* всего нашего мирозерцания, всей нашей партийной программы и тактики, — писал Ленин, — не случайно, а неизбежно выдвинулись теперь на одно из первых мест во всей жизни партии» (стр. 58).

Защита основ марксистской теории от искажений ее оппортунизмом (ревизионизмом, реформизмом) и анархо-синдикализмом, своеобразным проявлением которых в России были ликвидаторство и отзовизм, являлась насущной задачей революционных марксистов. Поток ренегатских отступлений от марксизма, который лился со страниц газет и журналов западноевропейских и русских оппортунистов, Ленин противопоставил глубокий научный анализ корней оппортунизма, показал его опасность для рабочего движения.

В статьях «Марксизм и «Наша Заря»», «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)», «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве», «Полемические заметки», «Разговор легалиста с противником ликвидаторства», «О старых, но вечно новых истинах», «Манифест либеральной рабочей партии» Ленин показывает, что ликвидаторы пропагандируют буржуазно-либеральные идеи, ничего общего не имеющие с марксизмом, что они окончательно скатились на путь либеральной рабочей политики, на путь реформизма.

Источники, порождающие реформизм, Ленин особенно глубоко и всесторонне раскрыл в работе «Реформизм в русской социал-демократии». В связи с развитием капитализма и быстрым ростом рабочего движения, писал он, буржуазия перешла к новой тактике, выдвинув лозунг «реформы против революции». Ценой половинчатых уступок, небольших социальных реформ буржуазия стремится подорвать единство рабочего класса, оттянуть гибель капиталистического строя, затруднить осуществление социальной революции. В условиях России, кроме того, реформизм питался отсталостью страны, склонностью массы мелких собственников к колебаниям. Отказ ликвидаторов от лозунга гегемонии пролетариата Ленин расценивал как самый грубый вид реформизма в русской социал-демократии, а их заявления о том, что буржуазная революция закончена — как словесное прикрытие отречения от всякой революции.

В настоящем томе печатаются работы, в которых нашла отражение непримиримая борьба Ленина с реформизмом и оппортунизмом во II Интернационале. К этим произведениям относятся: «Разногласия в европейском рабочем движении», «Два мира», «Конгресс английской социал-демократической партии» и др.

Для понимания корней оппортунизма и причин, порождающих тактические разногласия в мировом рабочем движении, большое значение имеет статья «Разногласия в европейском рабочем движении». Характеризуя основные течения, отступающие от марксизма

в области теории и тактики, Ленин указывает на ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от марксизма наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех капиталистических странах. Ленин разъясняет, что коренные причины отступлений от марксизма нужно искать в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран. Одна из причин возникновения разногласий в рабочем движении – вовлечение в него новых «рекрутов», новых слоев трудящихся, нередко усваивающих только отдельные стороны марксизма и подверженных влиянию буржуазного и мелкобуржуазного мировоззрения. Прямое влияние последнего на рабочее движение проявляется в том, что ревизионисты, как и анархисты, объявляют взаимоисключающими черты рабочего движения, присущие тому или другому периоду его развития. Ревизионисты, например, отрицают учение о революции как о скачке, принимают реформы, вполне совместимые с буржуазным строем, за частичное осуществление социализма. Анархисты отрицают необходимость «мелкой работы», систематической, кропотливой работы в массах, особенно использования парламентской трибуны, что на деле приводит к отказу от подготовки к будущему наступлению на капитализм. «И те и другие, – писал Ленин, – тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском мирозерцании» (стр. 66–67). В зависимости от тактики буржуазии по отношению к рабочему классу происходит рост той или другой тенденции в рабочем движении: наступление, нажим на рабочий класс вызывает рост анархо-синдикализма, а поворот буржуазии к частичным уступкам – рост правого оппортунизма.

В статье «Два мира», посвященной итогам Магдебургского съезда Германской социал-демократической партии, Ленин на конкретном примере показал роль оппортунистов в рабочем движении. Оппортунисты, писал Ленин, пропитаны верой в буржуазию, в буржуазную «законность», преклоняются перед ней, считают эту «законность» вечной, утверждая, что социализм уместится в ее рамках. Они не понимают, что вся эта «законность» разлетится вдребезги, когда дело коснется главного и основного – буржуазной собственности. Ленин указывал, что на съезде четко выявились две точки зрения – точка зрения пролетарской классовой борьбы, выраженная в выступлении Бебеля, и реформистская точка зрения, представленная Франком и др. Реформисты, пишет Ленин, используют буржуазную «законность» для так называемой положительной работы, для блоков с либералами, приносят коренные интересы рабочего движения в жертву минутным, поверхностным выгодам. Классовая борьба пролетариата, говорит Ленин, может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, но неизбежно приводит к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным.

Разоблачению социал-шовинизма, одного из видов оппортунизма, который в условиях непрерывно возраставшей угрозы мировой империалистической войны представлял огромную опасность для рабочего движения, посвящена статья «Конгресс английской социал-демократической партии».

Изучение опыта рабочего движения помогает уяснить на конкретных примерах сущность марксистской тактики, классовое значение отступлений от марксизма, помогает успешнее бороться с этими отступлениями, – таковы выводы, которые делает Ленин в своих статьях, посвященных вскрытию корней международного оппортунизма, разоблачению его опасности.

Образцом творческого развития марксизма является статья «О некоторых особенностях исторического развития марксизма». Напомнив известное положение Энгельса о том, что марксизм является не догмой, а руководством к действию, Ленин отмечает, что тот, кто упускает из виду творческую сторону марксизма, подчеркнутую в этом положении, делает

марксизм уродливым, односторонним, вынимает из него «душу живу», подрывает его коренные теоретические основания – диалектику, подрывает его связь с практическими задачами той или другой исторической эпохи.

Правильно определить задачи партии и рабочего класса России в условиях, когда бурные революционные события 1905–1907 гг. сменились периодом реакции, можно было только творчески применяя марксизм к изменившейся общественно-политической обстановке. Ленин указывает, что основные программные задачи партии не изменялись на протяжении этих лет, так как не изменялось, в основном, соотношение между классами. Но конкретные задачи и методы борьбы изменялись в соответствии с определенной социально-политической обстановкой. В зависимости от обстановки, в марксизме, как учении, являющемся живым руководством к действию, на первый план выдвигались различные его стороны. В революционные 1905–1907 годы на первый план выдвинулись вопросы тактики, осуществление преобразований во всех областях жизни страны. В новых условиях, в 1907–1910 годах, с наступлением периода реакции, когда массы должны были усвоить, переработать революционный опыт, когда пролетариат и его партия собирали силы для будущего наступления на самодержавие, на первый план выдвинулась борьба партии за основы марксизма, против шатаний в области теории. Это была борьба против ревизии общих философских основ марксизма, борьба против догматиков, не способных понять творческий характер марксизма, повторявших заученные лозунги, и, наконец, борьба против реформистов, прикрывавшихся марксистской фразеологией, а на деле скатывавшихся к проповеди буржуазно-либеральных идей. Ленин призывал революционных марксистов сплотиться для защиты теоретических основ марксизма, его коренных положений, искажаемых оппортунистами.

Ленинские статьи по вопросам марксистской теории и тактики рабочего движения вооружили большевиков ясным пониманием важнейших теоретических вопросов и сыграли большую роль в борьбе революционных марксистов против оппортунизма в русском и международном рабочем движении. Не меньшее значение они имеют и на современном этапе международного рабочего и коммунистического движения. Подновленные современными ревизионистами оппортунистические теории представляют собою новую попытку подменить революционный марксизм новым якобы усовершенствованным «марксизмом». Эти теории не имеют ничего общего с марксистско-ленинским учением, извращают основные положения марксизма, отражают буржуазную идеологию в теории и на практике. Ревизионисты, повторяя избитые фразы бернштейнцев о возможности сотрудничества между рабочими и капиталистами, пытаются доказать, что современное капиталистическое общество развивается по линии смягчения классовых противоречий, что происходит процесс постепенного превращения капитализма в социализм. В ряде стран ревизионисты, возрождая старые теории российских ликвидаторов, выступают с требованиями замены коммунистических партий широкими неклассовыми организациями, объединяющими различные слои общества.

Ленинские статьи, направленные против оппортунизма, в которых вскрываются классовые корни ревизионизма, его опасность для рабочего движения, так же как и опасность догматического понимания марксизма, вооружают коммунистов всех стран для борьбы с извращениями марксистско-ленинского учения, за творческое применение его основных положений к современной действительности, за дальнейшее развитие марксизма.

В настоящий том входит ряд статей, написанных Лениным в связи с пятидесятилетием «крестьянской» реформы 1861 года: «Пятидесятилетие падения крепостного права», «По поводу юбилея», ««Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция». Эти статьи являются образцом умения использовать юбилейную дату важного исторического события для глубокого научного анализа данного события, его последствий, установления

его связи с насущными задачами партии на соответствующем этапе. Ленин, устанавливая связь между буржуазным характером крепостнической «крестьянской» реформы 1861 года и столыпинской аграрной политики, делает вывод, что никакие буржуазные реформы, проводимые крепостниками, не могут предотвратить революцию, и что целью борьбы партии и рабочего класса по-прежнему остается свержение царизма.

Наряду с этим Ленин прослеживает исторически сложившиеся направления, тенденции в общественно-политической жизни России и определяет их как либеральную и демократическую. Борьба этих тенденций в конечном итоге должна была определить исход борьбы за новый общественный строй страны. Либеральная тенденция в своем развитии привела к образованию партии либерально-монархической буржуазии – кадетов. Демократическая, революционная тенденция вела свое начало от Н. Г. Чернышевского. Ленин характеризовал Чернышевского не только как наиболее последовательного выразителя демократической тенденции, не только как социалиста-утописта, но и как революционного демократа, который ясно видел крепостнический характер реформы 1861 года, холопство либералов перед властью имущими, их боязнь революции и проводил «через препоны и рогатки цензуры – идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (стр. 175).

Впоследствии, с развитием революционной борьбы, демократическая тенденция разделилась на две – демократическую и социалистическую. Преемником демократической тенденции были трудовики – представители мелкобуржуазной крестьянской массы. Носителем социалистической тенденции стал российский рабочий класс, создавший марксистскую пролетарскую партию. Связывая либеральную и демократическую тенденции с двумя возможными путями развития России – путем приспособления страны к старым, крепостническим порядкам и путем коренного устранения, ломки старого, – Ленин призывал партию бороться за победу второго пути, отвечающего коренным интересам народных масс, высвобождать колеблющихся из-под влияния либералов и, непреклонно борясь со всеми проявлениями реформизма и оппортунизма, вести пролетариат в союзе с крестьянством к новой революции.

Огромное значение для партии имела подготовка кадров пролетарских революционеров из среды передовых рабочих. Выдающимся представителем поколения пролетарских революционеров, прошедших под руководством Ленина школу революционной борьбы, был рабочий-большевик Иван Васильевич Бабушкин, работавший под руководством Ленина в 1895 году в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Памяти пролетарского революционера, беззаветно преданного делу рабочего класса, посвятил Ленин включенный в настоящий том некролог «Иван Васильевич Бабушкин». Ленин показывает, что именно героической, упорной работой в массах таких передовых рабочих, каким являлся Бабушкин, была создана подлинно пролетарская, революционная партия в России. «Без таких людей, – писал Ленин, – русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоеует себе полное освобождение от всякой эксплуатации» (стр. 82).

Ряд статей, включенных в настоящий том, посвящен вопросам международного рабочего движения, памяти вождей рабочего класса. Среди них – «Павел Зингер», «Речь, произнесенная от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг 20 ноября (3 декабря) 1911 г.» и др.

В статье «Памяти Коммуны» Ленин дал глубокий анализ сущности Парижской Коммуны, как первого в мире рабочего правительства, мероприятия которого были направлены против основ капиталистического строя. Героическая борьба парижских коммунаров, пример рабочего правительства Коммуны подняли дух миллионов рабочих, возбудили их надежды и привлекли их симпатии на сторону социализма. «Дело Коммуны, – писал

Ленин, – это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно» (стр. 222).

В том включены статьи В. И. Ленина, посвященные великому русскому писателю Л. Н. Толстому; «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба» и «Л. Н. Толстой и его эпоха».

Статьи В. И. Ленина о Толстом, опубликованные в большевистских печатных органах за границей и в России, всесторонне и глубоко раскрыли всю сложность творчества Толстого, вскрыли связь его творчества с коренными вопросами русской революции. В этих статьях показана огромная сила критики Л. Н. Толстым общественных порядков царской России. Эта критика, указывал Ленин, отличалась страстностью, силой чувства, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в своем стремлении найти настоящие причины бедствий народных масс. Правдиво, во всю силу огромного таланта отразив в своих произведениях историческое своеобразие целой предреволюционной эпохи – эпохи подготовки крестьянской революции в условиях высокоразвитого капитализма, силу и слабость массового крестьянского движения, великий художник стал этим близок и дорог рабочему классу. В то же время Ленин вскрыл противоречивость взглядов Толстого, совмещавшего борьбу с крепостничеством и полицейщиной с проповедью «непротивления злу». Ленин указывал, что правильно оценить творчество Толстого можно только с точки зрения революционного рабочего класса, на деле доказавшего свою преданность народу, умение бороться с непоследовательностью буржуазной, в том числе и крестьянской демократии. Художественное наследие Толстого российский рабочий класс использовал для борьбы против крепостничества, полицейщины, для того чтобы сплотить массы на борьбу за новый общественный порядок.

Ленин называл Толстого «зеркалом русской революции». Мировое значение Толстого, указывал Ленин, отражает мировое значение русской революции.

Ленинские статьи, посвященные Толстому, служат замечательным образцом глубокого марксистского анализа явлений литературного творчества, диалектического раскрытия их и имеют огромное, основополагающее значение для разработки марксистской эстетики.

Произведения В. И. Ленина, написанные в период нарастания нового революционного подъема, проникнуты безграничной верой в силы рабочего класса, в победу грядущей революции. Ленинское научное предвидение подтверждено историей.

* * *

В разделе «Подготовительные материалы» помещен план лекции по курсу «Начала политической экономии», прочитанной Лениным на «Курсах социальных наук» в Париже в феврале 1911 года, и план реферата «Манифест либеральной рабочей партии», с которым Ленин выступал в Париже 14 (27) ноября 1911 года.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1910 г.

Не начало ли поворота?

Настоящий номер был уже сверстан^[1], когда мы получили петербургские и московские газеты от 12 ноября. Как ни недостаточны сведения легальной печати, но из них вытекает все же несомненно, что в целом ряде городов произошли студенческие сходки, манифестации, уличные шествия с протестом против смертной казни, с речами против правительства. Петербургская демонстрация 11 ноября, даже по сведениям держащих себя совершенно по-октябристски «Русских Ведомостей»^[2], собрала *не менее 10 000 человек* на Невском. Та же газета сообщает, что на Петербургской стороне «у Народного дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось рассеять толпу».

Полиция и войска вели себя, разумеется, истинно-русски.

Откладывая до следующего номера оценку этого несомненного демократического подъема, мы не можем не сказать здесь нескольких слов об отношении разных партий к демонстрации. «Русские Ведомости», поместившие 11-го *ложное* известие, что демонстрация отменена, сообщают 12-го, будто с.-д. не приняли никакого постановления, а отдельные депутаты из них даже высказывали свое отрицательное отношение, и лишь одни трудовики^[3] в принятой резолюции сочли невозможным препятствовать демонстрации. Мы не сомневаемся, что это позорящее наших с.-д. депутатов сообщение ложно; вероятно, оно так же злобно выдуманно «Русскими Ведомостями», как и их вчерашнее сообщение об отмене демонстрации. «Голос Москвы»^[4] сообщает 12-го, что, «за исключением с.-д., депутаты всех партий относятся отрицательно к выступлению студенчества на улицах».

Ясно, что кадетские и октябристские органы сугубо «уклоняются от истины», будучи запуганы совершенно нелепыми, смешными криками правых о том, что «пружины, готовящие демонстрацию, нажимаются из Таврического дворца».

А что кадеты^[5] вели себя недостойно, это – факт. «Речь»^[6] поместила 11-го, в день демонстрации, воззвание депутатов к.-д., приглашающее не устраивать демонстрации. Мотивировка и в этом воззвании и в передовице «Речи» поистине подлая: «не омрачать» скорбных дней! «устраивать манифестации, соединять их с памятью Толстого» – значит обнаруживать «отсутствие искренней любовности к священной памяти»!! и т. д. в чисто октябристском духе (сравните передовицу от 11-го в «Голосе Москвы» с почти буквально тождественными фразами).

К счастью, подлая подножка, подставленная демократии кадетами, не удалась. Демонстрация все же состоялась. И если полицейская «Россия»^[7] продолжает винить во всем кадетов, ухитряясь даже в их воззвании видеть «разжигание», то в Думе^[8], по словам «Голоса Москвы», и октябристы^[9] и крайние правые (Шульгин) оценили *заслугу* кадетов, признали их «противниками демонстрации».

Кого весь ход русской революции не научил тому, что дело освободительного движения в России *безнадежно*, пока им руководят кадеты, пока он не умеет оберечь себя от измен кадетов, тот пусть учится снова и снова на фактах современной политики, на истории демонстрации 11-го ноября. Первое же начало демократического подъема – начало кадетских гнусностей.

* * *

Отметим еще сообщение «Голоса Москвы», что рабочие предложили будто бы студентам устроить грандиозную демонстрацию 14-го. Доля правды тут, наверное, есть, ибо сегодня (15 (28) ноября) парижские газеты сообщают об аресте в С.-Петербурге 13-ти членов бюро профессиональных союзов за *попытку* организовать рабочую манифестацию.

«Социал-Демократ» № 18, 16 (29) ноября 1910 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

О демонстрации по поводу смерти Муромцева (заметка)

«Эта Дума, – пишет кадетская «Речь» по поводу первого заседания четвертой сессии черносотенной Думы, – в сегодняшний день окончательно и бесповоротно отрезала себя от народных настроений и национального сознания». Говорится это, конечно, по поводу отказа черносотенцев и октябристов почтить память председателя I Думы, Муромцева.

Трудно было бы рельефнее, чем в приведенной фразе, выразить всю фальшь той точки зрения, на которой стоят наши либералы по отношению к борьбе за свободу вообще и к демонстрации по поводу кончины Муромцева в частности.

Нет сомнения, что демонстрация против царского правительства, против самодержавия, против черносотенной Думы была необходима по поводу смерти Муромцева, что демонстрация состоялась, что участвовали в ней самые различные и самые широкие слои населения, самые различные партии от социал-демократии до кадетов, «прогрессистов»^[10] и польских октябристов (польского коло^[11]) включительно. И точно так же нет сомнения, что оценка этой демонстрации кадетами в сотый и тысячный раз показывает, насколько чужды они демократии, насколько *гибельно* для дела демократии в России ведение этого дела или хотя бы руководящее участие в этом деле наших кадетов.

Все демократы и все либералы участвовали и должны были участвовать в демонстрации по поводу смерти Муромцева, ибо в потемках режима черной Думы такая демонстрация дала возможность открытого и сравнительно широкого выражения *протеста* против самодержавия. Самодержавие царя вело отчаянную борьбу против введения представительных учреждений в России. Самодержавие подделывало и искажало созыв первого парламента в России, когда пролетариат и революционное крестьянство вырвали у него массовой борьбой необходимость такого созыва. Самодержавие глумилось и надругалось над демократией, над народом, *поскольку* голос народа, голос демократии раздавался в I Думе^[12]. Самодержавие преследует теперь даже воспоминание об этом слабом выражении требований демократии в I Думе (выражение этих требований было гораздо слабее, беднее, уже, менее жизненно во время I Думы и с ее трибуны, чем осенью 1905 года с трибун, которые создала себе волна открытой массовой борьбы).

Вот почему демократия и либерализм могли и должны были сойтись на демонстрации протеста против самодержавия по всякому поводу, напоминавшему массам о революции. Но, сойдясь на общей демонстрации, они *не могли* не выразить *своего* отношения и к оценке задач демократии вообще и к истории I Думы, в частности. А первый же приступ к такой оценке показал невыносимое убожество, политическое бессилие и политическое слабоумие нашего буржуазного либерализма.

Подумайте только: черная Дума «сегодня», 15 октября 1910 года, «окончательно и бесповоротно отрезала себя» от народа! Значит, она не была до сих пор отрезана от него бесповоротно. Значит, участие в чествовании памяти Муромцева устраняло, способно было устранить «отрезанность» от «народных настроений», то есть отрезанность от демократии тех или иных из наших контрреволюционеров. Поймите же, господа, претендующие на высокое звание демократов, что вы сами, больше чем кто бы то ни было, принижаете значение демонстрации, опошляете ее, когда ставите вопрос таким образом. «При самой невысокой морально-политической оценке III Думы, – пишет «Речь», – казалось нелепым думать, что она способна будет отклонить от себя этот элементарный долг почтить с трибуны имя того, кто с таким достоинством и блеском открыл ее (!) и освятил». Услужили, нечего сказать: Муромцев открыл и освятил «ее», III Думу! Нечаянно кадеты сказали этими словами ту горь-

кую правду, что измена русского либерализма и русской буржуазии революционной борьбе и восстанию конца 1905 года «открыла и освятила» эпоху контрреволюции вообще и III Думы в особенности. «Полагали, – пишет «Речь», – что кучка политических скандалистов не в состоянии будет заглушить голос приличия и такта в большинстве Думы». Вот как! вопрос шел и идет о «приличии и такте», а не о протесте против самодержавия. Вопрос ставится не так, что демократия *«отрезывается»* от контрреволюции, а так, что либерализм *«объединяется»* с контрреволюцией. Либерализм становится на почву контрреволюции, приглашая ее представителей, октябристов, участвовать в чествовании памяти Муромцева не для выражения протеста против самодержавия, а для выполнения «приличия и такта». Муромцев «открыл и освятил» (бывают же такие поганые слова!) первый, царем созданный, якобы парламент; вы, господа октябристы, сидите в третьем, царем созданном, якобы парламенте, – не будет ли «неприлично и бестактно» отказаться выполнить «элементарный долг». Как великолепно отражает этот совсем маленький пример, это одно только рассуждение кадетского официального органа всю идейную и политическую гнилость нашего либерализма. Его линия – *«угovarивать»* самодержавие, черносотенных помещиков и их союзников, октябристов, а не развивать *«демократическое»* сознание масс. Его удел поэтому – неизбежный и неотвратимый удел подобного буржуазного либерализма во всякой буржуазно-демократической революции – вечно оставаться рабом монархии и феодалов, вечно получать от них пинки сапогом.

Если бы у кадетских депутатов была хоть капля понимания задач демократии, они и в III Думе позаботились бы не о выполнении *«октябристами»* «элементарного долга», а о демонстрации перед *«народом»*. Не заявление председателю нужно было для этого подать (оглашение такого заявления, по § 120 наказа, зависит от усмотрения председателя), а добиться тем или иным путем постановки вопроса на обсуждение.

Если бы у кадетских писателей была хоть капля понимания задач демократии, они не упрекали бы октябристов в бестактности, а разъяснили бы, что поведение III Думы как раз и подчеркивает значение демонстрации по поводу смерти Муромцева, как раз и поднимает вопрос с *«обывательски-мещанской»* болтовни о «приличии и такте» на высоту *«политической»* оценки современного режима и роли различных партий.

Но демонстрация по поводу смерти Муромцева не могла не поднять также другого вопроса, именно вопроса об историческом значении I Думы. Нечего и говорить, что кадеты, имевшие в ней большинство и упоенные в то время надеждой на кадетское министерство, на «мирный» переход к свободе, на укрепление своей гегемонии среди демократии, перевозят Муромцева как «национального героя». Трудовики, в лице г. Жилкина, опустили до того, что, присоединяясь к этому либеральному хору, прямо чествовали Муромцева как политического «воспитателя» левых партий.

Подобная оценка I Думы кадетами и трудовиками имеет то важное значение, что показывает крайне низкий уровень политического сознания в русском «обществе». «Общество», восхищающееся политической ролью кадетов в I Думе, не вправе жаловаться на Столыпина и III Думу: оно имеет как раз такое правительство, которого заслуживает. Гегемония либерализма в русском освободительном движении неминуемо означает его слабость и неустрашимость господства диких помещиков. Только устранение либерализма пролетариатом и пролетарская гегемония *«давали»* победы революции и *«способны»* дать их еще.

Эпоха I Думы была таким периодом, когда побежденный в декабре пролетариат собирал силы для нового натиска. Революционная стачка, ослабевшая после декабря, снова могуче подняла голову; за рабочими потянулись крестьяне (крестьянские волнения охватили весной 1906 г. 40 % уездов Европейской России); усилились солдатские «бунты». Перед либеральной буржуазией стояла дилемма: помочь новому *«революционному»* натиску масс, и тогда победа над царизмом была возможна, – или отвернуться от революции и тем облег-

чить победу царизму. Новый подъем массовой борьбы, новые колебания буржуазии, нерешительность и выжидание царизма – вот в чем *суть* перводумской эпохи, вот в чем *классовая основа* этой полосы в русской истории.

Кадеты, как главенствующая партия в I Думе, и Муромцев, как один из главарей этой партии, проявили полное непонимание политического положения и совершили новое предательство демократии. Они отвернулись от революции, осуждали массовую борьбу, ставили ей всевозможные препятствия и старались использовать нерешительность царизма, пугая его революцией и требуя сделки (= кадетское министерство) *от имени*, революции. Понятно, что такая тактика была по отношению к демократии *изменной*, по отношению к царизму – бессильным якобы «конституционным» бахвальством. Понятно, что царизм только выигрывал время для сосредоточения своих сил, «*играя*» в переговоры с кадетами и *готовя* разгон Думы и государственный переворот. Пролетариат и часть крестьянства поднялись на новую борьбу весной 1906 г., – их вина или их беда состояла в том, что они боролись не достаточно решительно и не в достаточном числе. Либералы весной 1906 г. упивались игрой в конституцию и переговорами с Треповым, осуждая тех, мешая делу тех, кто один только мог *слобить* Треповых.

Фарисеи буржуазии любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна *правда* и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не уминают для политики, когда наступает их физическая смерть. Говорить условную ложь о Муромцеве – значит вредить делу пролетариата и делу демократии, развращать сознание масс. Говорить горькую правду про кадетов и про тех, кто давал себя вести (и проводить) кадетам, – значит чествовать *великое* в первой русской революции, значит помогать успеху второй.

«Социал-Демократ» № 18, 16 (29) ноября 1910 г. Подпись: **Н. Ленин**

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

Два мира

О Магдебургском съезде Германской с.-д. партии писали уже много во всех газетах, и все главные события на этом съезде, все перипетии борьбы достаточно известны^[13]. Внешняя сторона борьбы ревизионистов с ортодоксами, драматические эпизоды съезда чересчур заполняли внимание читателей в ущерб уяснению принципиального значения этой борьбы, идейно-политических корней расхождения. А между тем, магдебургские прения – главным образом по вопросу о голосовании баденцев за бюджет – дали в высшей степени интересный материал, характеризующий два мира идей и две классовые тенденции *внутри* с.-д. рабочей партии Германии. Голосование за бюджет лишь одно из проявлений этого расхождения двух миров, расхождения столь глубокого, что ему несомненно предстоит выразиться по поводам гораздо более серьезным, гораздо более глубоким и важным. И теперь, когда в Германии явно для всех *надвигается* великая революционная буря, следует взглянуть на магдебургские прения, как на маленький смотр небольшой частички армии (ибо вопрос о голосовании за бюджет есть лишь небольшая частичка основных вопросов с.-д. тактики) *перед* началом кампании.

Что показал этот смотр относительно понимания своих задач разными частями пролетарской армии? Что говорит нам этот смотр о том, как будут себя вести эти разные части армии? – вот вопросы, на которых мы намерены остановиться.

Начнем с одного частного (на первый взгляд) столкновения. Вождь ревизионистов, Франк, усердно подчеркивал, как и все баденцы, что министр фон Бодман сначала отрицал «равноправие» с.-д. с другими, буржуазными, партиями, а потом как бы взял это «оскорбление» назад. Бебель в своем реферате сказал по этому поводу:

«...Если министр современного государства, представитель существующего государственного и общественного порядка, – а целью современного государства, как политического учреждения, является защита и поддержание существующего государственного и общественного строя против всех нападений со стороны социал-демократов, защита при надобности и посредством насилия, – если такой министр говорит, что он не признает равноправия социал-демократии, то он с своей точки зрения вполне прав». Франк перебивает Бебеля и кричит: «Неслыханно!». Бебель продолжает, отвечая ему: «Я нахожу это вполне естественным». Франк снова восклицает: «Неслыханно!».

Почему так возмущен был Франк? Потому, что он насквозь пропитан верой в буржуазную «законность», в буржуазное «равноправие», не понимая исторических *пределов* этой законности, не понимая, что вся эта законность *должна*, неизбежно должна разлететься вдребезги, раз дело коснется основного и главного вопроса о сохранении буржуазной собственности. Франк целиком пропитан мелкобуржуазными конституционными иллюзиями; поэтому он не понимает исторической *условности* конституционных порядков даже в такой стране, как Германия; он верит в абсолютное значение, в абсолютную силу буржуазной (вернее: буржуазно-феодальной) конституции в Германии, искренне *оскорбляясь* тем, что конституционный министр не хочет признать «равноправия» его, Франка, члена парламента, человека, действующего вполне по закону. Упиваясь этой законностью, Франк доходит до того, что забывает непримиримость буржуазии с пролетариатом, и незаметно для себя переходит на позицию тех, кто считает эту буржуазную законность вечной, кто считает социализм уместающимся в рамках этой законности.

Бебель сводит вопрос с этих конституционных иллюзий, свойственных буржуазной демократии, на реальную почву классовой борьбы. Можно ли «оскорбляться» тем, что равноправия на почве буржуазного права не признает за нами, врагами всего буржуазного строя,

защитник этого строя? Ведь одно уже допущение того, что меня может оскорблять это, показывает непрочность моих социалистических убеждений!

И Бебель старается втолковать Франку социал-демократические взгляды посредством наглядных примеров. Нас не мог «оскорбить» – говорил Бебель Франку – исключительный закон против социалистов^[14]; мы были полны гнева и ненависти, «и если бы мы тогда могли, мы ринулись бы в бой, как нам того от души хотелось, мы разбили бы вдребезги все, что стояло нам поперек пути» (*бурные возгласы одобрения* – отмечает в этом месте стенографический отчет). «Мы были бы изменниками нашему делу, если бы мы не сделали этого» (*Правильно!*). «Но мы не могли этого сделать».

Меня оскорбляет, что конституционный министр не признает равноправия социалистов, – рассуждает Франк. Вас не должно оскорблять отрицание равноправия человеком, говорит Бебель, который не очень давно душил вас, попирая все «принципы», который должен был душил вас, защищая буржуазный строй, и который должен будет завтра душил вас (этого Бебель не сказал, но он ясно намекнул на это; почему Бебель так осторожен, что ограничивается намеками, мы скажем в своем месте). Мы были бы изменниками, если бы не задушили этих врагов пролетариата, имея к тому возможность.

Два мира идей: с одной стороны, точка зрения пролетарской классовой борьбы, которая может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, но которая неизбежно приводит к развязке, к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным. С другой стороны, точка зрения реформиста, мелкого буржуа, который за деревьями не видит леса, за мишурой конституционной законности не видит ожесточенной классовой борьбы, в захолустье какого-нибудь маленького государства забывает великие исторические вопросы современности.

Реформисты мнят себя реальными политиками, людьми положительной работы, государственными мужами. Эти детские иллюзии выгодно поддерживать в пролетариате хозяевам буржуазного общества, но социал-демократы должны беспощадно разрушать их. Слова о равноправии – «ничего не значащие фразы», говорил Бебель. «Кто может поймать на удочку этих фраз целую социалистическую фракцию, тот государственный человек, – говорил Бебель при общем смехе партийного съезда, – но те, кто дают себя поймать, те уже совсем не государственные люди». Это не в бровь, а в глаз всевозможным оппортунистам социализма, которые дают себя поймать национал-либералам в Германии^[15], кадетам в России. «Отрицатели, – говорил Бебель, – часто добивались гораздо большего, чем люди так называемой положительной работы. Резкая критика, резкая оппозиция падает всегда на благодарную почву, если эта критика справедлива, а наша, несомненно, справедлива».

Оппортунистические фразы о положительной работе означают во многих случаях работу на либералов, вообще работу на других, кто держит в руках власть, кто определяет направление деятельности данного государства, общества, коллектива. И Бебель прямо сделал этот вывод, заявив, что «у нас в партии не мало таких национал-либералов, которые ведут национал-либеральную политику». В пример он привел Блоха, неизвестного редактора так называемого (по словам Бебеля – *так называемого*) «Социалистического Ежемесячника» («Sozialistische Monatshefte»)^[16]. «Национал-либералам не место в нашей партии», – прямо заявил Бебель при общем одобрении съезда.

Посмотрите на список сотрудников «Социалистического Ежемесячника». Там все представители международного оппортунизма. Там не могут нахвалиться поведением наших ликвидаторов. Разве это не два мира идей, когда вождь германской социал-демократии объявляет редактора этого органа национал-либералом?

Оппортунисты всего мира клонят к политике блока с либералами, то прямо и открыто провозглашая и осуществляя ее, то проповедуя или оправдывая избирательные соглашения с либералами, поддержке их лозунгов и т. п. Бебель еще и еще раз разоблачил всю фальшь, всю

лживость этой политики, и про его слова без преувеличения можно сказать, что их должен знать и помнить всякий социал-демократ.

«Если я, как социал-демократ, вхожу в союз с буржуазными партиями, то можно ставить 1000 против 1, что в выигрыше будут не социал-демократы, а буржуазные партии, мы же окажемся в проигрыше. Это – *политический закон*, что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, правые выигрывают...

Если я вхожу в политический союз с *принципиально* враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, т. е. мои приемы борьбы, к тому, чтобы не разрывать этого союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально, ибо тогда я задену своих союзников; я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать то, чего нельзя оправдать, затушевывать то, чего нельзя затушевывать».

Оппортунизм потому и является оппортунизмом, что он *коренные* интересы движения приносит в жертву минутным выгодам или соображениям, основанным на самом близуруком, поверхностном расчете. Франк говорил в Магдебурге с пафосом о том, что министры в Бадене «хотят нас, социал-демократов, привлечь к совместной работе»!

Не вверх надо смотреть, а вниз – говорили мы во время революции нашим оппортунистам, увлекавшимся неоднократно различными кадетскими перспективами. Бебель, имея перед собой Франков, говорил в своем заключительном слове в Магдебурге: «Массам непонятно, что есть социал-демократы, своим вотумом доверия поддерживающие правительство, которое массы всего охотнее совсем бы устранили. У меня часто получается впечатление, что часть наших вождей перестала понимать страдания и бедствия масс (*бурное одобрение*), что им чуждо положение масс». А «повсюду в Германии в массах накопился громадный запас озлобления».

«Мы переживаем, – говорил в другом месте своей речи Бебель, – такое время, когда особенно непозволительны гнилые компромиссы. Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются. Мы идем навстречу очень, очень серьезным временам. Что будет после предстоящих выборов? Подождем и посмотрим. Если дойдет дело до того, что в 1912 году разразится европейская война, тогда вы увидите, что нам придется пережить, на каком посту придется нам стоять. Наверное, не на том, который заняли теперь баденцы».

В то время как одни успокаиваются самодовольно на том положении вещей, которое сделалось в Германии привычным, Бебель все внимание обращает сам и советует обратить партии на неизбежно предстоящую перемену. «До сих пор все, что мы пережили, это стычки на аванпостах, мелочи», – говорил Бебель в заключительном слове. Главная борьба предстоит впереди. И с точки зрения этой главной борьбы вся тактика оппортунистов является верхом бесхарактерности и близурукости.

Говоря о грядущей борьбе, Бебель ограничивается намеками. Ни разу не говорит он прямо о том, что революция надвигается в Германии, хотя мысль его, несомненно, такова, – все указания на обострение противоречий, на трудность реформ в Пруссии, на безвыходное положение правительства и командующих классов, на рост озлобления в массах, на опасность европейской войны, на усиление экономического гнета в силу дороговизны жизни, объединения капиталистов в тресты и картели и т. д. и т. д., – все клонит явственно к тому, чтобы выяснить партии и массам неизбежность революционной борьбы.

Почему так осторожен Бебель, почему он ограничивается одними наводящими указаниями? Потому, что нарастающая революция в Германии встречает особую, своеобразную политическую ситуацию, которая не похожа на другие предреволюционные эпохи в других странах и которая требует поэтому от вождей пролетариата решения некоторой *новой* задачи. Главная особенность этой своеобразной предреволюционной ситуации состоит в том, что грядущая революция неизбежно должна быть несравненно более глубокой, более серьезной, втягивающей более широкие массы в более трудную, упорную, долгую борьбу, чем все предыдущие революции. А в то же время эта предреволюционная ситуация отличается наибольшим (по сравнению с прежним) господством *законности*, ставшей поперек дороги тем, кто ввел эту законность. Вот в чем своеобразие положения, вот в чем трудность и новизна задачи.

Ирония истории сделала то, что господствующие классы Германии, создавшие самое сильное во всей 2-ой половине XIX века государство, укрепившие условия наиболее быстрого капиталистического прогресса и условия самой прочной конституционной законности, самым явственным образом подходят теперь к положению, когда эту законность, *их* законность *приходится* сломать, приходится – во имя сохранения господства буржуазии.

Германская с.-д. рабочая партия в течение около полувека использовала буржуазную законность образцово, создав наилучшие пролетарские организации, превосходную печать, подняв на самый высокий уровень (какой только возможен при капитализме) сознательность и сплоченность социалистического пролетарского авангарда.

Теперь близится время, когда эта полувековая полоса германской истории *должна*, в силу объективных причин *должна*, смениться иной полосой. Эпоха использования созданной буржуазией законности *сменяется* эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти *по сути дела* будут разрушением *всей* буржуазной законности, *всего* буржуазного строя, *а по форме* должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности! «Стреляйте первые, господа буржуа!» – в этих словах выразил в 1894 году Энгельс своеобразие положения и своеобразие тактических задач революционного пролетариата^[17].

Социалистический пролетариат ни на минуту не забудет, что ему предстоит и предстоит неизбежно революционная массовая борьба, ломающая всю и всякую законность осужденного на смерть буржуазного общества. И в то же время у партии, великолепно использовавшей полувековую законность буржуазии *против* буржуазии, нет ни малейших оснований отказываться от тех удобств в борьбе, от того плюса в сражении, что *враг запутался* в своей собственной законности, что враг вынужден «стрелять первым», вынужден рвать свою собственную законность.

Вот в чем своеобразие предреволюционной ситуации в современной Германии. Вот почему так осторожен старый Бебель, все внимание направляющий на предстоящую великую борьбу, всю силу своего громадного таланта, своего опыта, своего авторитета обрушивающий против близоруких и бесхарактерных оппортунистов, которые этой борьбы не понимают, которые не годятся для нее в вожди, которым придется, вероятно, во время революции превратиться из *вождей* в *ведомых*, а то и в отбрасываемых прочь.

В Магдебурге с этими вождями спорили, их порицали, им ставили официальный ультиматум, как представителям всего того, что накопилось в великой революционной армии ненадежного, слабого, зараженного буржуазной законностью, оупевшего от благоговейного преклонения перед этой законностью, перед всей ограниченностью *одной* из эпох рабовладения, т. е. одной из эпох буржуазного господства. Порицая оппортунистов, грозя им исключением, германский пролетариат тем самым порицал в своей могучей организации все элементы застоя, неуверенности, дряблости, неумения порвать с психологией умирающего буржуазного общества. Порицая плохих революционеров в своей среде, передовой

класс сделал один из последних смотров своим силам перед вступлением на путь социальной революции.

* * *

В то время, как внимание всех революционных с.-д. во всем мире было устремлено на то, как германские рабочие готовятся к борьбе, выбирают момент для нее, внимательно следят за врагом и *очищают* себя от слабостей оппортунизма, – оппортунисты всего мира злорадствовали по поводу разногласий Люксембург и Каутского насчет оценки данного момента, насчет того, *сейчас или еще не сейчас*, сию минуту или в следующую минуту наступает и наступит один из таких поворотных пунктов, которым было 9-ое января в русской революции. Оппортунисты злорадствовали, старались разжечь эти, не имеющие первостепенного значения, разногласия и на страницах «Социалистического Ежемесячника», и в «Голосе Социал-Демократа» (Мартынов), и в «Жизни», «Возрождении»^[18], и т. п. ликвидаторских органах, и в «Neue Zeit»^[19] (Мартов)¹. Мизерность этих приемов оппортунистов всех стран запечатлена в Магдебурге, где разногласия среди революционных социал-демократов Германии не играли никакой заметной роли. Оппортунисты рано стали злорадствовать. Магдебургский съезд *принял* первую часть предложенной Розой Люксембург резолюции, в которой прямо указывается на массовую стачку как средство борьбы.

«Социал-Демократ» № 18, 16 (29) ноября 1910 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

¹ В «Neue Zeit» Мартову дана была решительная отповедь тов. Карским.

Л. Н. Толстой

Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции.

Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот.

И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, – он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа главным образом к эпохе 1861–1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях – и как художник, и как мыслитель и проповедник – черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не признавало этой последней задачи, не признавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы.

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроенно примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное,

полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис – все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном^[20].

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905–1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Противоречия во взглядах Толстого – не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в дореформенную, но дореволюционную эпоху.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации, – доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии, – возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к «великому писателю» и в то же время защищая «святейший» синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки.

Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделиваются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра» и т. д., за которые так бичевал Толстой – и справедливо бичевал – буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, – не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! – а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; – потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой,

«цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики. Либералы горой за Толстого, горой против синода – и вместе с тем они за... веховцев^[21], с которыми «можно спорить», но с которыми «надо» ужиться в одной партии, «надо» работать вместе в литературе и в политике. А веховцев лобызает Антоний Волынский.

Либералы выдвигают на первый план, что Толстой – «великая совесть». Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и «Новое Время»^[22] и все ему подобные? Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*? Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности – не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божеской жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма – не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились спланировать в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком.

«Социал-Демократ» № 18, 16 (29) ноября 1910 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

Открытое письмо ко всем социал-демократам партийцам

На январском пленуме ЦК 1910 года^[23] мы, как представители большевистской фракции, распустили нашу фракцию и передали принадлежащие ей суммы денег и другое имущество трем известным деятелям международной социал-демократии. Передача эта, равно как и распускание фракции, были шагами *условными*. На каких условиях мы сделали эти шаги, известно из нашего заявления на том же пленуме, заявления, пленумом принятого и опубликованного в первом же номере Центрального Органа, вышедшем после пленума.

Говоря коротко, эти условия сводились к тому, чтобы другие фракции (и в первую голову фракция *голосовцев*, т. е. меньшевиков, издающих и поддерживающих «Голос Социал-Демократа») выполнили *лояльно*, т. е. честно и до конца свой долг, именно (1) борьбу с ликвидаторством и отзовизмом^[24], которые признаны в единогласно принятой резолюции пленума проявлением буржуазного влияния на пролетариат, и (2) распускание своих фракций.

В настоящее время, после *годового* опыта, годового выжидания, мы вполне и окончательно убедились в том, что *ни то ни другое* условие *не выполнены* ни голосовцами ни впереводцами^[25].

Результатом такого убеждения, с нашей стороны, явился, во-1-х, выпуск «Рабочей Газеты»^[26], является, во-2-х, заявление о возврате денег и имущества, заявление, поданное нами в ЦК на днях, 5 декабря 1910 года.

После этой заявки дело стоит формально и по существу таким образом. Мы *условно* отдали все имущество и все свои силы на поддержку антиликвидаторской и антиотзовистской работы над восстановлением партии и ее полного единства. Нарушение голосовцами и впереводцами принятых ими условий разрушает наш договор. Расторгая этот нарушенный ликвидаторами и отзовистами договор, мы будем работать *по-прежнему* над восстановлением партии и ее полного единства, над проведением антиликвидаторской и антиотзовистской линии, но эту работу мы должны вести *не с теми* союзниками, которые на пленуме были допущены (из доверия к их обещаниям) к участию в партийных центрах. Так как, по общему признанию и по неоднократным заявлениям делегатов национальных организаций, на пленуме и на других партийных собраниях, конференциях и т. д., именно наша, большевистская, фракция рассматривалась всегда как *наиболее ответственная* за положение дел в партии, то мы считаем своим долгом открыто изложить наши взгляды на положение дел в партии и на значение сделанных нами шагов.

* * *

Январский пленум 1910 года имел очень крупное значение в истории нашей партии. Он окончательно определил *тактическую линию* партии для эпохи контрреволюции, постановив в *развитие* декабрьских революций 1608 года^[27], что и ликвидаторство и отзовизм суть проявления влияния буржуазии на пролетариат. Пленум *поставил* далее вопрос об уничтожении фракций в нашей партии, — т. е. о необходимости создания *действительного* единства рабочей социал-демократической партии, — в *связь* с определением идейно-политических задач партии в данный исторический период.

Эти два дела, сделанные пленумом в январе 1910 года, имеют, по нашему убеждению, *историческое* значение, и их результаты гораздо важнее, гораздо жизненнее, гораздо прочнее, чем кажется поверхностному наблюдателю.

Но эти результаты страшно испорчены напутанной около них *фразой*. Нет ничего столь враждебного духу социал-демократии и столь вредного, как *фраза*. А *фраза* «примиренческая» не менее вредна и не менее сбивает с толку людей, чем фраза отзовистская и ликвидаторская. Эта «примиренческая» фраза засоряет *суть* дела, ставит воздыхания и благопожелания на место учета реальных тенденций и реального соотношения сил в партии, вредит *сближению* тех, кого можно и должно сблизить, попытками *играть в объединение* с теми, кто не хочет сейчас и не может сейчас объединиться.

В течение года, прошедшего после январского пленума, эта фраза исчерпала себя и показала свои плоды. Если партия *научится* теперь, на горьком опыте героев «примиренческой» фразы научиться тому, как *не* следует браться за дело «примирения» и уничтожения фракций, то протекший после пленума год окажется не потерянным втуне.

Фраза сводилась к тому, что достаточно собрать «обещания» об уничтожении фракций, достаточно скомпановать центральные учреждения из самых разнокалиберных элементов, достаточно «уравновесить» противоположные элементы, – и к уничтожению фракций будет сделан серьезный шаг.

Годовой опыт показал и не мог не показать, что метод сторонников *фразы* потерпел полное крушение. На «обещаниях» ничего построить нельзя, на соединении разнородных и несоединимых элементов базировать что-либо смешно. Все, что было *на фразе* построено в решениях и мерах пленума, все это на другой же день оказалось мыльным пузырем. И решения, и резолюции, и искусственно скомпанованные учреждения оказались *на деле* мертвыми буквами, мертвыми учреждениями. А то, что было *реального* в делах пленума, то развилось, укрепилось, показало себя на работе, нашло себе новые формы существования *вне* резолюций, *помимо* них.

Трудно себе представить какой-либо более наглядный и более назидательный урок, чем этот урок событий, имевших место в течение года после пленума, урок, преподанный людям, увлекавшимся фразой, пустыми благопожеланиями, игрой в распределение местечек в учреждениях и т. п.

Что же было реального в делах пленума? Реально было указание *связи* между идейно-политическим *содержанием* партийной работы и уничтожением фракций. Реально было *сближение* тех фракций или течений, которые сходились не на дешевой примиренческой фразе, не на обещаниях и посулах, не на игре в распределение местечек в центрах, *а на работе*, сходились *в понимании* идейно-политических задач момента, сходились *на деле* в постановке этих задач, в решении их.

Пока об уничтожении фракций говорились велеречивые и дешевые фразы людьми, не понимавшими ни объективного источника разногласий, ни *фактической* обстановки, обеспечивавшей *на деле* независимость от партии известным литературским группам (вроде группы г. Потресова и К^о или группы махистских и отзовистских литераторов^[281]), до тех пор фразы оставались пустыми, бессильными фразами. А с тех пор, как в двух основных и главных фракциях, наложивших свой отпечаток на *всю* историю рабочего движения во время революции и даже более того: на *всю* историю революции в России, стало нарастать, в силу изменения объективных условий, сближение *на работе*, сближение *в понимании* этих объективных условий, – никакие усилия интриганов, желающих подорвать это сближение или вызвать недоверие к нему, не смогут остановить начавшегося процесса.

* * *

Фактическое положение дел в партии, создавшееся после пленума, выяснилось за истекший год с полной ясностью. Факт – то, что голосовцы и впередовцы *подписали* резолюции о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом, на деле же *всю* свою пропаганду и агита-

цию, *всю* свою практическую работу вели и ведут именно в смысле поддержки и защиты ликвидаторства и отзовизма.

Этот факт показывает тем, кто имеет глаза, чтобы видеть, насколько несостоятельна политика, удовлетворяющаяся бумажными резолюциями, насколько вредна фраза, расходящаяся с делом.

Далее. Факт тот, что ни голосовцы ни впередовцы *ни на минуту* не прекращали своей фракционной самостоятельности. Обе фракции существуют по-прежнему в полнейшей фактической *независимости* от партии, имея свои кассы, свои органы, свои агентуры. У отзовистов формой их фракционной организации является заграничная так называемая «школа» (на деле это – учреждение для систематического подбора агентуры и планомерного ведения организационной работы помимо партии и против партии)^[29]. «Школа» дополняется отдельным издательством и транспортом. У голосовцев фракционная организация более *lose* (более «свободная», менее оформленная), причем главную роль играют абсолютно независимые от партии группа г. Потресова и К^о, группа 16-ти, группа Михаила, Романа и Юрия с К^о^[30]. Голосовцы принимают деятельнейшее участие в этих группах, ведя против партии всю пропагандистско-агитационную и организационную работу и в то же время не отказываясь от участия в партийных центрах для систематического подрыва их значения и разложения их изнутри.

Всякий партийный социал-демократ не может не видеть, к чему приводит такое положение дел.

В области литературы – годичный опыт показал, что ЦО ведется *на деле* большевиками *плюс* плехановцы^[31] *против* заседающих в редакции голосовцев. Жизнь обошла рамки, созданные примиренческой фразой: «примиренцы» по обещанию, «примиренцы» по должности, «примиренцы» по поручению ликвидаторских центров оказались сплошной *помехой работе*. Плеханов же и его единомышленники, никаких обещаний на пленуме не дававшие, никаких должностей не принимавшие, оказались *на деле проводниками* партийной линии.

Вопиющее противоречие между формой и сущностью, между фразой и делом, между явно лицемерным существованием якобы партийной коллегии (редакции ЦО) и фактической работой в ЦО помимо этой коллегии вносит величайшее разложение в партийную жизнь. Чтобы прекратить это разложение, это низведение формально партийных учреждений до роли, вызывающей заслуженные насмешки и ликование врагов партии, надо порвать с лицемерием и открыто сказать, что есть, открыто признать ведение партийной работы *двумя* фракциями.

В области заграничного объединения не сделано за год абсолютно ничего. Группы остаются расколоты везде, где они были расколоты и раньше. Группы меньшевиков-ликвидаторов открыто превратились в группы поддержки «Голоса». Сближение наметилось и началось *на деле* исключительно между большевиками и плехановцами. Заграничное бюро Центрального Комитета^[32] в качестве объединителя заграничной работы социал-демократов превратилось в посмешище, над которым законно издеваются и впередовцы и голосовцы, с удовольствием наблюдая, как партийный центр играет роль коллегии по делам провокаторским и по ведению никому не нужной бумажной волокиты.

В области наиболее важной, именно в работе организационной на местах в России за год не сделано абсолютно ничего в пользу партии. ЦК, который должен был *приглашать* Михайлов, Романов и Юриев на основании «обещаний», данных пленуму, усердно занимался этой благодарной и достойной революционера работой приглашения в партию тех, кто смеется над ней и продолжает вредить ей, но *за год* так и не успел никого «пригласить». А в это время антипартийные фракции *усилили* свои организации против партии: усилилась агентура и развилась фракция впередовцев, усилилась группа г. Потресова и другие ликвидаторские предприятия, продолжавшие вести проповедь против партии в ряде клубов,

кооперативов и т. п., продолжавшие интриговать против партии у думской социал-демократической фракции. Роль ЦК, занимавшегося в это время «приглашением» ликвидаторов или *отпиской* по «склочным» делам голосовцев и впередовцев, есть роль прямо унижительная, и мы не должны позволить врагам партии сводить ЦК до этой роли.

Только люди, совершенно не имеющие способности думать или желающие заниматься мелкой интригой, могут еще *не видеть*, что продолжение такого состояния партийных центров *неминуемо* готовит торжество ликвидаторам и отзовистам, которые с удовольствием наблюдают, как ЦК запутался и продолжает путаться в примиренческой фразе, в *игре* на примирение с теми, кто не хочет мириться с партией.

Примиренческая фраза великолепно понята ликвидаторами и отзовистами и великолепно использована ими против партии. Герой этой фразы, Троцкий, стал вполне естественно героем и присяжным адвокатом ликвидаторов и отзовистов, с которыми он *ни в чем* не согласен теоретически и *во всем* согласен практически.

И ликвидаторы и впередовцы отлично усвоили себе, при благосклонной помощи этого адвоката, тактику: сколько угодно клясться и божиться, что они партийцы. Это повторяет «Голос» и платформа группы «Вперед», продолжая *на деле* разлагать партию и вести всю работу в антипартийном духе. Формальное и словесное «примиренчество» стало орудием ликвидаторов из «Голоса» и впередовцев.

Понятно, что играть эту роль одураченных мы, как представители большевистского течения, не можем. Выждав целый год, сделав все возможное для разъяснения антипартийности впередовцев, голосовцев и Троцкого со страниц ЦО, мы *не можем брать на себя ответственности* перед партией за учреждения, которые заняты «приглашением» ликвидаторов и отпиской «по делам» впередовцев. Мы хотим не склоки, а работы.

Мы хотим совместной работы с теми, кто хочет работать и на деле доказал свою способность работать в партийном духе, т. е. в первую голову с партийцами-меньшевиками и действительно нефракционными социал-демократами. Мы не хотим отвечать за склоку с теми, кто совместно с партией работать не хочет, а хочет работать с г. Потресовым и с отзовистами.

Положение дел в России таково, что от заграничных организаций партии настоятельно требуется усиленная и дружная работа. Трехлетний период золотых дней контрреволюции (1908–1910 гг.), видимо, приходит к концу и сменяется периодом начинающегося подъема. И летние стачки текущего года и демонстрации по поводу смерти Толстого ясно указывают на это. Организационная работа партии в России ослаблена до последней крайности, и этой слабостью пользуются самым беззастенчивым образом впередовцы и голосовцы, развивая свою антипартийную работу при помощи русских и заграничных фракционных центров.

При таких условиях тянуть далее игру в примирение с этими фракционными центрами, закрывать лицемерно глаза на их независимость, «приглашать» их представителей для совместной борьбы с их же политикой, прикрывать их перед партией приемом их членов в центры, — это значит осуждать себя на безысходную склоку. Это значит *тормозить* работу заграничных центров, и без того настолько заторможенную, что в течение года *ни одного* собрания ЦК в России не было, ни одной не только конференции, но даже частного совещания местных работников партии устроить не удалось (тогда как «школа» отзовистов и легальные органы ликвидаторов неоднократно успевали организовывать против партии всякого рода совещания, собрания агентов, корреспондентов журнала и т. п.).

Мы обязаны сложить с себя ответственность за этот *полный* застой работы запутавшихся игрой в примирение с голосовцами центров и начать немедленно самостоятельную и самую энергичную работу по сплочению ортодоксальных большевиков, партийных меньшевиков и нефракционных социал-демократов для устройства совещаний, конференций, областных бюро, групп сношений с партийной литературой и т. д. К такой работе, которая

одна только способна *на деле* вывести партию из тупика и освободить центры от «ухаживания» за голосовцами, мы и зовем всех партийцев социал-демократов.

Еще от имени большевистской фракции, до пленума, весной 1909 г., мы провозгласили политику *сближения* с партийными меньшевиками, и с тех пор эта политика принесла огромные плоды, *вопреки* неудачной попытке довериться «обещаниям» голосовцев и рассматривать их как партийцев. Все, что сделано с тех пор для действительного укрепления не впередовской проповеди и не голосовской защиты ликвидаторства, а *линии партии*, для действительного сближения основного ядра *обеих* главных фракций, все это сделано нами *независимо* от этих неудачных попыток примирения с голосовцами. И, снимая с себя ответственность за продолжение этих попыток, мы уверены, что достигнем еще большего сближения *на работе* и посредством «Рабочей Газеты», и посредством легальной литературы, и посредством заграничной деятельности групп сторонников «Рабочей Газеты» и сторонников Плеханова.

После пленума, поставившего с полной ясностью вопрос о фракциях и их уничтожении, поставившего этот вопрос впервые *в связи* с идейно-политической линией самих этих фракций, т. е. впервые на реальную почву учета *действительного сближения на работе*, а не пустых посулов, формальных обещаний и т. п. фразы, — после пленума и годовичного испытания его результатов *нельзя* уже продолжать старой лицемерной игры в прятки.

Надо действовать открыто. Надо иметь смелость говорить, что есть. Если ЦК прямо и открыто захочет сказать партии то, что есть, это простое заявление будет в его руках орудием огромной силы, во сто крат более веским, чем какие бы то ни было резолюции, пожелания, осуждения, исключения и т. п.

Сказать то, что есть, значит признать, что попытка уничтожения *всех* фракций, к сожалению, сорвана голосовцами и впередовцами, *но сближение* основного ядра, сближение действительно партийных элементов из двух главных фракций, сближение их с партийными элементами из националов и нефракционных социал-демократов сделало шаг вперед. Если Троцкий и ему подобные адвокаты ликвидаторов и отзовистов объявляют это сближение «политически бессодержательным», то подобные речи только аттестуют всю беспринципность Троцкого, всю *реальную* враждебность его политики политике *действительного* (а не обещаниями только ограничивающегося) уничтожения фракций. *Обещать* это уничтожение после годового испытания итогов пленума значит просто шарлатанить. Но если уничтожение фракций есть фраза, то *сближение* основных течений в двух главных фракциях есть *факт*. Никаких «блоков», никаких велеречивых обязательств, никаких посулов исчезновения разногласий из этого факта не вытекает, но из него вытекает *реальная возможность* строить партию *на деле*, опираясь на сотрудничество *части* меньшевиков и *части* большевиков.

Если ЦК захочет с полной последовательностью вступить на путь такого признания и такой работы, захочет сделать все центральные учреждения органом такого сближения, освободить их совершенно от недостойного и вредного «ухаживания» за голосовцами или «приглашения» голосовцев, дать возможность работы без склоки, то мы всей душой и всеми силами поддержим эту политику, которую мы *на деле* провели с весны 1909 года, т. е. почти уже в течение целых двух лет.

Если ЦК не захочет сделать этого неизбежного вывода из уроков пленума и его результатов, то пусть он отдаст ведение партийной работы² и работы по восстановлению единства союзу голосовцев, впередовцев и Троцкого. Это будет прямее и честнее, а мы от этого союза, доказавшего на деле свою антипартийность, устранимся.

² Далее в рукописи не разобрана зачеркнутая строка. Ред.

* * *

Мы несколько не заблуждаемся, конечно, относительно того, что по поводу нашего шага некоторые люди (и среди них, наверняка, будут испытанные адвокаты ликвидаторов и отзовистов) поднимут крики о «расколе». Как ни нелепы, как ни лицемерны будут подобные крики, но в предупреждение неосведомленных людей на этих вероятных возражениях необходимо остановиться.

С формальной стороны, наш шаг – заявка о возврате денег, о прекращении договора, заключенного нами на строго определенных условиях, – безусловно законный. Условия нашего договора с ЦК открыто заявлены, напечатаны в ЦО, приняты *единогласно* Центральным Комитетом на пленуме. Принимая эти *условия* от имени всей партии, печатая их в ЦО партии, ЦК тем самым признал с полнейшей определенностью, что только *при выполнении* на деле этих условий он может требовать от нас определенного образа действий. Никто не сможет отрицать, что голосовцами и впередовцами условия эти, вопреки подписанной ими резолюции, не выполнены. Наше формальное право *расторгнуть* договор поэтому бесспорно. Расторгая договор, мы выступаем для самостоятельной борьбы за партийность, для самостоятельной работы по постройке партии *без тех*, кто годичным опытом доказал свое нежелание над этим работать, *с теми* меньшевиками и нефракционерами, которые доказали обратное. Если договор, прямо и точно обусловленный переходом к партийности голосовцев и впередовцев, оказался *ими* нарушен, то наше полное право и *наша обязанность* расторгнуть договор с людьми, надсмевавшимися над партией, и искать всех возможных форм сближения с людьми, поддерживающими партию.

Но еще гораздо более важным, чем формальная сторона дела, является фактическое положение вещей. С *этой* стороны особенно ярко освещается лицемерность голосовцев и впередовцев, которые и на пленуме и после пленума продолжают заявлять в печати о своей партийности. Лицемерие таких заверений, вопиющая фальшь криков о расколе со стороны *таких* людей до того очевидны, что об этом не стоит тратить много слов. Именно голосовцы и впередовцы создали сейчас же после пленума, – вернее: не переставали создавать, вопреки своим посулам на пленуме, – раскол фактический, именно они в течение всего года продолжали этот раскол, усиливали его, поддерживали *независимость* от партии группы Потресова и К^о, группы литераторов, строителей «махистской» школы и т. д. и т. п. Допускать далее пребывание таких раскольников в партийных центрах значит окончательно губить дело партии. Оставлять прежнее положение, когда эти раскольники пользовались своим пребыванием в партийных центрах для тормоза всякой работы, для *разложения партии изнутри* в угоду г. Потресову или вождям «махистской» школы, – значит наносить величайший и непоправимый ущерб делу партийного объединения.

Давно уже сказано: не всяк, глаголющий «господи, господи», внидет в царствие небесное. И мы, после опыта пленума, должны повторить: не всяк, глаголющий дешевые фразы о партийности, партиец на деле. Голосовцы и впередовцы партию раскололи после пленума. Это факт. Троцкий был их адвокатом в этом деле. Это тоже факт.

Чтобы остановить раскол, чтобы помешать его распространению, *нет* иного средства, как укрепить, упрочить, формально утвердить сближение тех, кто *на деле* вел партийную работу после пленума, т. е. партийцев-меньшевиков и большевиков.

* * *

Оповещая о нашем взгляде на дела в партии всех партийных меньшевиков, нефракционных партийцев социал-демократов и большевиков, а также все национальные социал-демократические организации, мы приглашаем группы большевиков в России немедленно начать спланировать вокруг «Рабочей Газеты» и приступить к подготовке тех совещаний и конференций, которые необходимы для восстановления партии и которые неизбежно, в силу данного положения вещей, должны начаться с самых скромных, неофициальных и неформальных попыток. Подробнее говорить о характере этих попыток в печати неуместно.

Мы приглашаем заграничные группы большевиков перестроиться таким образом, чтобы прекратить всякую связь с вполне доказавшими свою антипартийность впередовцами и, без помехи со стороны этих защитников отзовизма, начать систематическую работу по укреплению партии, сближению с партийцами других фракций, созданию общих клубов, лекций, рефератов и т. п., начать подготовительные шаги к действительному заграничному объединению всех, не идущих за «Впередом» и за «Голосом». Если там, где есть голосовцы, неизбежно существование двух параллельных групп, то большевикам неприлично терпеть долее в своих группах антипартийных впередовцев. Они могут себе найти приют у голосовцев.

Редакция «Рабочей Газеты»

Написано в ноябре, позднее 22 (5 декабря), 1910 г.

Впервые напечатано 21 января 1932 г. в газете «Правда» № 21

Печатается по рукописи

Л. Н. Толстой и современное рабочее движение^[33]

Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, – к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью *поставил* целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства. В общем и целом это отношение выражено в напечатанной в газетах телеграмме, посланной рабочими депутатами III Думы^[34].

Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни. Главная деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху.

В чем сказывались переживания крепостного права? Больше всего и яснее всего в том, что в России, стране по преимуществу земледельческой, земледелие было за это время в руках разоренных, обнищавших крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году. А, с другой стороны, земледелие было в руках помещиков, которые в центральной России обрабатывали земли трудом крестьян, крестьянской сохой, крестьянской лошадей за «отрезные земли», за покосы, за водопой и т. д. В сущности, это – старая крепостническая система хозяйства. Политический строй России за это время был тоже насквозь пропитан крепостничеством. Это видно и по государственному устройству до первых приступов к изменению его в 1905 году, и по преобладающему влиянию дворян-землевладельцев на государственные дела, и по всевластию чиновников, которые тоже были главным образом – особенно высшие – из дворян-землевладельцев.

Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность.

Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя.

Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы. Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мирозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, – он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне труда-

щихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого.

Представители современного рабочего движения находят, что протестовать им есть против чего, но отчаиваться не в чем. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России. Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит.

«Наш Путь» № 7, 28 ноября 1910 г. Подпись: В. И—ин

Печатается по тексту газеты «Наш Путь»

Письмо в российскую коллегию ЦК РСДРП^[35]

В заграничной жизни Российской социал-демократической рабочей партии произошли за самое последнее время события, явно свидетельствующие о том, что «объединительный кризис» партии близится к развязке. Поэтому я считаю своим долгом сообщить вам, исключительно в целях информации, – какое значение имеют последние события, какова должна быть (по всему ходу вещей) предстоящая развязка и какую позицию занимают ортодоксальные большевики.

В № 23 «Голоса» Мартов в статье «Куда пришли?» издевается над пленумом – над тем, что российская коллегия ЦК за год ни разу не собралась и что ничего для проведения решений в жизнь не сделано. Он «забывает», разумеется, добавить, что именно ликвидаторская группа гг. Потресовых и сорвала русский ЦК: известный факт отказа Михаила, Романа и Юрия и их заявление, что самое существование ЦК вредно. ЦК в России сорван. Мартов ликует по поводу этого. Что ликуют также впередовцы, об этом нечего и говорить (в № 1 сборника «Вперед» это ликование уже чувствуется). Ликуя, Мартов чересчур поспешил проболтаться. Он кричит в восторге «легальность их (большевиков или «польско-большевистский блок») убивает». Под этим он разумеет то, что *благодаря срыву* ЦК ликвидаторами *легального* партийного выхода из создавшегося положения нет. А ликвидаторам, разумеется, нет ничего приятнее, как безвыходное положение партии.

Но Мартов чересчур поспешил. У большевиков есть еще в руках архилегальное, специально предусмотренное пленумом и напечатанное (от имени пленума) в № 11 Центрального Органа средство. Это средство – заявка о возврате денег ввиду явного невыполнения голосовцами и впередовцами условия о распусчении фракций и о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом. Ибо именно на этих *условиях*, точно оговоренных, большевики передали свое имущество в ЦК.

И вот 5 декабря 1910 года (нового стиля) большевики, подписавшие условия на пленуме, подали заявку о возврате денег. По закону эта заявка *ведет к созыву пленума*. Если же, гласит решение пленума, «не удастся» (буквально!) в течение 3-х месяцев со дня заявки созвать пленум, то созывается комиссия из 5 членов ЦК: трое от националов, 1 большевик и 1 меньшевик.

Голосовцы тут сразу себя и выдали. Голосовец Игорь, член ЗБЦК, прозревая политику русских ликвидаторов, подал заявление, что он против пленума. Он-де за комиссию. Срыв легальности голосовцами тут явный, ибо созвать пленум можно и до истечения трех месяцев. После заявки нельзя даже поднимать вопроса о комиссии.

Расчет ликвидатора Игоря, служащего верную службу изменникам партии, гг. Потресову и К^о, очень простои: пленум суверенен и, следовательно, созыв его открывает возможность выхода из всего партийного кризиса. Комиссия же не суверенна, никаких прав, кроме разбора претензии о заявке (решают ее, эту претензию, трое немцев), не имеет. Значит, сорвав русский ЦК, ликвидаторы (и их заграничные слуги – голосовцы) срывают теперь всякий ЦК. Удастся ли этот второй срыв, мы еще посмотрим. Поляки в ЗБЦК^[36] голосуют за пленум. Зависит теперь от латышей и бундистов^[37], от коих ответа еще нет. Наш представитель в ЗБЦК^[38] подал и разослал решительный протест против Игоря (и заявление Игоря и этот протест при сем прилагаются в копии).

Вопрос встал ясно. Борьба за пленум есть борьба за легальность, борьба за партию. Борьба голосовцев против пленума есть борьба против партийного выхода из кризиса, против легальности.

Плеханов и его друзья, которых мы извещали о каждом шаге, вполне согласны с нами насчет необходимости пленума. Они тоже за пленум; проект нашего общего выступления в

этом смысле обсуждается теперь, и в ближайшем будущем либо мы выступим с заявлением вместе с плехановцами, либо будет статья в Центральном Органе по этому вопросу.

Далее, 26 ноября (нового стиля) 1910 года Троцкий провел в так называемом венском партийном клубе (кружок троцкистов, заграничников, – пешки в руках Троцкого) резолюцию, которую он и издал отдельным оттиском. Прилагаю его.

Здесь открыто объявлена война «Рабочей Газете», органу большевиков и плехановцев. Доводы не новы. Заявление, что «принципиальной основы» для борьбы с голосовцами и впередовцами теперь нет – верх комизма и лицемерия. Всем известно, что голосовцы и впередовцы и не думали распускать своих фракций, что голосовцы целиком поддерживают на деле ликвидаторов, Потресова и К^о, что впередовцы устроили (на средства известного сорта) фракционную школу за границей, в которой учат махизму, учат о том, что отзовизм – «законный оттенок» (буквально из их платформы) и т. д. и т. п.

Призыв Троцкого к «дружной» работе партии с голосовцами и впередовцами есть возмутительное лицемерие и фраза. Всем известно, что за весь год после пленума голосовцы и впередовцы (при тайной поддержке Троцкого) работали «дружно» против партии. Действительно, дружную партийную работу вели целый год вместе только большевики и плехановцы и в Центральном Органе, и в «Рабочей Газете», и в Копенгагене^[39], и в русских легальных органах.

Но если не новы выходки Троцкого против блока большевиков и плехановцев, то новое заключение его резолюции: венский клуб (сиречь Троцкий) организовал «общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции РСДРП».

Это вот ново. Это прямое выступление на раскол. Это прямое нарушение партийной легальности и начало авантюры Троцкого, который сломает себе на ней шею. Понятно, что это раскол. Шаг Троцкого, «фонд» Троцкого поддерживают только голосовцы и впередовцы. Об участии беков и плехановцев не может быть и речи. Ликвидаторы (голосовцы) в Цюрихе уже поддерживали Троцкого, – это понятно. Вполне возможно и вероятно, что «известные» «фонды» впередовцев раскроются для Троцкого. От этого авантюристический характер его затеи, вы понимаете, только усилится.

Ясно, что эта затея нарушает партийную легальность, ибо о ЦК не говорится ни слова. Созывать конференцию может лишь ЦК. Мало того, Троцкий, прогнавший от себя в августе 1910 года представителя ЦК при «Правде»^[40], сам потерял тем самым всякую легальность, превратив «Правду» из органа, поддерживаемого представителем ЦК, в орган чисто фракционный.

Итак: дело обрисовалось, положение выяснилось. Впередовцы собрали «известные» «фонды» для борьбы с партией, для защиты «законного оттенка» (отзовизма). Троцкий в последнем № «Правды» (и на реферате в Цюрихе) кокетничает с впередовцами вовсю. Ликвидаторы в России сорвали русский ЦК. Ликвидаторы за границей сорвать хотят заграничный пленум, т. е. всякий ЦК. Пользуясь этим «разрушением легальности», Троцкий берется за организационный раскол, основывая «свой» фонд для «своей» конференции.

Роли распределены. Голосовцы защищают Потресова и К^о как «законный оттенок». Впередовцы защищают отзовизм как «законный оттенок». Троцкий хочет «популярно» защищать тех и других и созвать свою конференцию (может быть на впередовские деньги). Тройственный союз (Потресов + Троцкий + Максимов) против двойственного (беки плюс плехановцы). Диспозиция окончена. Борьба начата.

Вы понимаете, почему я называю шаг Троцкого авантюрой. Это – во всех смыслах авантюра.

Это – авантюра в смысле идейном. Троцкий группирует всех врагов марксизма, объединяя Потресова и Максимова, ненавидящих «ленинско-плехановский» (как они любят выражаться) блок. Троцкий объединяет всех, кому дорог и люб идейный распад; всех, кому нет

дела до защиты марксизма; всех обывателей, не понимающих из-за чего борьба и не желающих учиться, думать, доискиваться идейных корней расхождения. В наше время разброда, распада и шатаний, Троцкий легко может оказаться «героем на час», сплотить всю пошлость вокруг себя. Но провал этой попытки будет тем грандиознее, чем откровеннее она будет сделана.

Это – авантюра в смысле партийно-политическом. Все признаки теперь, что реальное объединение с.-д. партии возможно только на почве искреннего и бесповоротного отказа от ликвидаторства и от отзовизма. Ясно, что Потресов (и голосовцы) и впередовцы ни от того, ни от другого не отреклись. Троцкий сплавливает их, жульнически обманывая себя, обманывая партию, обманывая пролетариат. На деле ничего, кроме укрепления потресовской и максимовской антипартийных групп, Троцкий не достигнет. Провал этой авантюры неизбежен.

Наконец, это – авантюра организационная. Конференция на «фонд» Троцкого без ЦК есть раскол. Пусть инициатива и останется за Троцким. Пусть ответственность и ляжет на него.

3 лозунга исчерпывают суть современного партийного положения:

1) Укрепление и всяческая поддержка союза и собрания плехановцев и большевиков для защиты марксизма, для отпора идейному распаду, для борьбы с ликвидаторством и с отзовизмом.

2) Борьба за пленум – для легального выхода из партийного кризиса.

3) Борьба с раскольнической и беспринципной авантюрой Троцкого, объединяющего Потресова и Максимова против социал-демократии.

Написано в декабре, не позднее 15(28), 1910 г.

Впервые напечатано в 1941 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 1

Печатается по машинописной копии

О положении дел в партии

Вопрос о нашем партийном кризисе снова выдвинут на первый план заграничной с.-д. печатью, вызывая усиленные толки, недоумения и колебания в широких партийных кругах. Центральному Органу партии необходимо поэтому дать полное освещение этому вопросу. Статья Мартова в № 23 «Голоса» и выступление Троцкого, облеченное в форму отдельным листком напечатанной «резолуции» «венского клуба» от 26 ноября 1910 г., ставят вопрос о кризисе перед читателями, совершенно извращая суть дела.

За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются и определенные практические *действия* – и действия, *направленные против партии*. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена *предпринятая голосовцами кампания с целью срыва ЦК нашей партии*. Резолюция Троцкого, призывающая местные организации к подготовке «общепартийной конференции» помимо и против ЦК, есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев: *разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения, а с ними заодно – и партию как организацию*. Эти антипартийные действия голосовцев и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно *бороться*. Товарищи, которым дорога партия и дело ее возрождения, должны самым решительным образом высказаться против всех тех, кто из чисто фракционных и кружковых соображений и интересов стремится разрушить *партию*.

Статья Мартова «Куда пришли?» есть плохо прикрытое издевательство над решениями пленума и ликвидаторское ликование по поводу неудач партии. «Не удалось *ни разу собрать в России* небольшую по численности коллегию ЦК», – так пишет и пишет курсивом Мартов, точно захлебываясь от удовольствия, которое причиняет оглашение подобного факта всем ликвидаторам.

К сожалению, Мартов прав. Русскому ЦК не удалось собраться. Напрасно только думает Мартов обойти вопрос о том, *кто* сорвал ЦК в России. Кроме полицейских помех его созыву, была одна не полицейская, а *политическая* помеха. Это – известный отказ Михаила, Романа и Юрия явиться *хотя бы* для кооптации только на заседание ЦК; это – заявление тех же лиц, что они «самое существование ЦК находят вредным».

Нельзя оспорить того, что отказ явиться хотя бы на одно заседание для кооптации, отказ явиться по приглашению людей, работающих среди тьмы полицейских помех, есть *срыв ЦК*. Нельзя оспорить того, что этот политический акт, сопровождаемый *принципальной* мотивировкой, совершен людьми, входящими в группу «виднейших» русских сотрудников «Голоса» (письмо 16-ти в № 19–20 «Голоса»), входящих в ликвидаторские *легальные* группы г. Потресова и К^о. Все это факты. *Группа легалистов-независимцев, врагов социал-демократии, – вот кто сорвал ЦК в России*.

Если Аксельрод уверяет (в № 23 «Голоса»), будто «кликка» ликвидатор применяется «без разбора», если он договаривается даже до такой бессмыслицы, будто мы способны называть ликвидаторами людей, лично уставших или задавленных борьбой за кусок хлеба, если он, говоря подобный младенческий вздор, *обходит молчанием* именно ту группу и те группы ликвидаторов, которые в ЦО партии *поименно* названы, то недобросовестность подобных уверток нечего и доказывать. Если Мартов и другие голосовцы якобы «спорят» в «Голосе» с ликвидаторами в России, объявляя их поступки «легкомыслием» (!), «усовещевая» их погодить еще (Мартов о Левицком в № 23), и *в то же время* целиком *работают* вместе с ними, рука об руку с ними создают особую *фракцию* за границей для борьбы с партией и для поддержки врагов партии, господ Потресовых, то перед нами лишь одно из многих проявлений политического лицемерия. Ни один политически мыслящий человек не скажет, будто г. Милюков всерьез борется с веховцами, когда он «спорит» с ними, объяв-

ляет их «легкомысленными» и в то же время *работает* политически рука об руку с ними. Всякий признает, что г. Милюков доказывает этим свое лицемерие, отнюдь не опровергая факта его политической солидарности с веховцами. Ни один политически мыслящий человек не скажет, будто г. Столыпин и его правительство всерьез борется с черной сотней, когда он «спорит» с ней (в «России»), обвиняет ее в «легкомыслии», но в то же время *работает* рука об руку с ней. Всякий признает, что г. Столыпин и царское правительство доказывают этим лишь свое лицемерие, отнюдь не опровергая факта их политической солидарности с Пуришкевичами.

Но если всякому должно быть ясно политическое лицемерие «Голоса», то *намек* Мартова, будто «легальность убивает» официальных представителей партии, *не может быть ясен* 999 из 1000 читателей, ибо намек этот нарочито туманный.

Обязанность ЦО – туман насчет партийных дел разгонять, чтобы *все* поняли, в чем суть расхождения.

Мартов имеет в виду то, что *кроме* решения ЦК *никакого* партийно-легального выхода из кризиса нет. Следовательно, *если* русским ликвидаторам удалось сорвать ЦК в России (*и если* *заграничным* ликвидаторам *удастся сорвать созыв ЦК хотя бы за границей*), то положение станет легально безвыходным. И Мартов заранее ликует: ЦК-де сорван окончательно, легального выхода *нет*, игра ликвидаторов-де – выиграна.

Мартов поторопился. То, что у г. Потресова и прочих врагов партии *на уме*, оказалось слишком рано *на языке* у Мартова.

Да, Мартов прав! Единственный выход из кризиса в партии может быть найден Центральным Комитетом. Стало быть, если ввиду полицейских и вышеуказанных политических помех ЦК не удастся собрать в России, – его надо собрать за границей. Это – *единственное* средство подойти к выходу из кризиса. И одно из партийных течений, заключивших на последнем пленуме ЦК договор относительно совместной партийной работы вне фракционных рамок, большевики сделали шаг, чтобы ускорить единственный выход из партийного кризиса. Представители большевистского течения передали имущество большевистской фракции в распоряжение партии с *условием*, что одновременно с уничтожением их, большевистского, фракционного центра будут уничтожены и фракционные центры меньшевиков (голосовцев) и отзовистов («впередовцев»). Это *условие не выполнено*. Мало того. Руководящий орган фракции голосовцев «Голос Социал-Демократа» стал заведомо покровительствовать и прикрывать тех внутренних врагов партии, с которыми пленум ЦК единогласно поручил нам бороться самым решительным образом, как с буржуазными и враждебными партии уклонениями от социал-демократии. Ввиду такого явного нарушения условий договора, заключенного на пленуме между всеми партийными течениями и группами, ввиду такой явно антипартийной политики одной из договаривавшихся сторон, – большевики сочли нужным потребовать возврата им денег, переданных ими условно партии год тому назад. 5 декабря 1910 г. ими подано соответствующее заявление об этом в Заграничное бюро Центрального Комитета. Правильно или неправильно поступили большевики в этом случае, об этом будет судить предусмотренная пленумом инстанция. Суть дела в том, что *теперь*, с момента подачи представителями большевистского течения их заявки, созыв пленума ЦК за границей является уже не только необходимостью для отыскания выхода из внутреннего кризиса в партии: он является *необходимостью*, предписанной всем течениям и группам, заключавшим 6 января 1910 г. договор, *собственным же их о том обязательством* – *ими же единогласно принятой резолюцией*³. Созыв пленума ЦК стал не только *партийной* необ-

³ Дело в том, что на пленуме заключен, признан партийным *законом*, источником *легальности* для партии, договор ЦК с определенными представителями большевистского течения об *условной* передаче их имущества в партию. Этот договор опубликован в ЦО (№ 11), где оглашена также и вся процедура, предусмотренная пленумом в связи с этим договором. Главное, что предусмотрено в случае заявки большевиков о *нарушении условий* объединения голосовцами и впередовцами,

ходимостью, он стал юридической обязанностью. Мы видим вновь, что другого легального исхода из положения – кроме созыва пленума ЦК – быть не может...

И вот тут-то политика голосовцев сразу вскрылась.

Согласно ясному и недвусмысленному постановлению ЦК, ЗБЦК, казалось бы, не оставалось ввиду заявки большевиков ничего другого, как созвать пленум, и только если бы попытки созыва не увенчались успехом, в течение 3-х месяцев, прибегнуть к другому предусмотренному ЦК способу разрешения вопроса. Но голосовцы повели себя иначе.

12-го декабря голосовец Игорев, член ЗБЦК, подал письменное заявление, в котором объявляет, что он *против созыва пленума*, что он соглашается лишь на комиссию!

Ясно, в чем тут соль: пленум суверенен и, раз собравшись, *может* найти *легальный* выход из кризиса, из невозможного положения дел в России. Комиссия же *не* суверенна, никаких прав (кроме разбора претензии о деньгах большевиков) не имеет, *никакого легального* выхода из кризиса найти *не может*.

Вышло по пословице: не рой другому ямы, сам в нее упадешь!

Не успел Мартов любезно указать партии на ту «яму» безвыходного будто бы в легальном смысле положения, в которой ликвидаторы так рады бы были видеть официальную партию, как *в этой яме оказался голосовец Игорев!*

Ликвидаторы русские сорвали ЦК в России. Теперь ликвидаторы заграничные срывают созыв ЦК и за границей. Ликвидаторы ликуют, предвкушая величайшую радость (для Столыпина и для ликвидаторов): отсутствие *всякого* ЦК. То-то благодать для господ Потресовых, для фракции «впередовцев»!

Мы не станем останавливаться здесь на увертках голосовца Игорева и на опровержении их в контрзаявлении большевика – члена ЗБЦК⁴. Отметим лишь, что голосовец Игорев был настолько предупредителен, что прямо заявил о своем протесте против пленума, *далее если бы* он созывался *по общему уставу* (для этого требуется единогласие в ЗБЦК), а не по специальному постановлению на случай заявки. Голосовец Игорев находит созыв пленума делом «громоздким» и т. д. Понятно: ведь для ликвидаторов и самое существование нашей нелегальной партии чересчур «громоздко». Пленум будет преимущественно эмигрантским – таков второй «довод» голосовца Игорева. Но это не мешает голосовцам всеми силами поддерживать *чисто эмигрантский* план созыва «общепартийной» конференции Троцким помимо и против Центрального Комитета...

Голосовцы *во всяком случае* решили сорвать *всякий* ЦК!

Мы должны, далее, обратить внимание членов партии на более общий вопрос – о положении дел в РСДРП. Как и всякая революционная партия, наша партия может существовать и развиваться лишь при условии хотя бы элементарного *желания* революционеров помогать друг другу при проведении *общей* работы.

Если партийные уставы и решения («легальность» партии) служат не для того, чтобы *облегчать* эту совместную работу, а для *зацепок*, позволяющих *тормозить* ее изнутри важнейших партийных коллегий, то партийная работа превращается в недостойную комедию. Во всякой иной партии трудности созыва ЦК вызвали бы сразу десятки форм и путей обхода полицейских трудностей и изыскания новых и новых приемов работы. У нас же фракционеры *внутри* партии служат: кто – гг. Потресовым, кто прямым отзовистам и полуанархистам *вне* партии. «Легальность» превращается у таких, как голосовец Игорев, в средство *изнутри* партии вредить ей, тормозить работу, помогать гг. Потресовым разрушить пар-

есть *созыв пленума* (за границей). «Если по тем или другим причинам не удастся, – гласит постановление пленума, напечатанное в № 11 ЦО, – в течение 3-х месяцев с момента заявления представителями большевистского течения своего требования устроить пленум, созывается» особая комиссия.

⁴ Последний товарищ письмом в редакцию ЦО просит нас помочь ему довести до сведения партии о попытках срыва пленума голосовцами.

тию⁵. Подобное положение невозможно. И ему не помогут «благожелательные резолюции», над которыми законно смеется тот же Мартов. Чтобы помочь делу, надо прежде всего *понять* дело. Надо понять, почему нелепо, недостойно, смешно сочинять благожелательные резолюции о совместной работе с такими гг., как Потресовы и К^о. Когда партия поймет, что тут две несовместимые политики, что тут вопрос о социал-демократизме и либерализме, тогда партия быстро найдет выход. Тогда мы сумеем создать «легальность» *не* для того, чтобы ликвидаторы делали *из нее* подножки партии.

Надо сознаться, что г. Потресова и его друзей, а также голосовца Игорева и его друзей следует *благодарить* за то, как успешно они облегчают партии *понимание* этого.

Выступление Троцкого, будучи *по внешности* совершенно не связано с мартовским издевательством над неудачами партии, со срывом голосовцами ЦК, на деле связано с тем и другим неразрывной связью, связью «интереса». Многие в партии не понимают еще, в чем эта связь. Венская резолюция от 26 ноября 1910 г. поможет им, наверное, понять суть дела.

Резолюция состоит из трех частей: 1) из объявления войны «Рабочей Газете» (призыв «дать *решительный отпор*» ей, как «новым фракционно-кружковым предприятиям», по выражению Троцкого); 2) из полемики против линии большевистско-плехановского «блока»; 3) из объявления, что «собрание венского клуба (т. е. Троцкий и его кружок) постановляет: организовать общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции РСДРП».

На первой части мы вовсе не будем останавливаться. Троцкий вполне прав, когда говорит, что «Рабочая Газета» – «частное предприятие» и что она «не уполномочена говорить от имени партии в целом».

Напрасно только забывает Троцкий, что и он и его «Правда» *тоже* не уполномочены на это. Напрасно обходит он молчанием, – говоря, что пленум признал работу «Правды» полезной, – тот факт, что пленум назначил *представителя ЦК* в редакцию «Правды». Умолчание об этом при упоминании о решениях пленума насчет «Правды» нельзя назвать иначе, как *обманом рабочих*. И этот обман Троцкого тем более злостный, что в *августе* 1910 года Троцкий *удалил* из «Правды» представителя ЦК. После этого происшествия, после *разрыва* связи «Правды» с ЦК, газета Троцкого есть не что иное, как «частное предприятие», не сумевшее притом выполнить взятых на себя обязательств. Пока не собрался вновь ЦК, *нет* иного судьи отношения «Правды» к ЦК, как *представитель ЦК*, пленумом назначенный и *признавший поведение Троцкого антипартийным*.

Вот что вытекает из поднятого Троцким так кстати вопроса о том, кто «уполномочен говорить от имени партии в целом».

Мало того. Поскольку (и до тех пор пока) русский ЦК срывают ликвидаторы-независимцы легалисты, поскольку (и до тех пор пока) заграничный ЦК срывают голосовцы, *единственным* учреждением, уполномоченным «говорить от имени партии в целом», остается *Центральный Орган*.

И мы заявляем поэтому *от имени партии в целом*, что Троцкий ведет антипартийную политику; – что он *разрывает* партийную *легальность*, вступает на путь *авантюры* и *раскола*, когда в своей резолюции, ни звуком не помяная о ЦК (как будто бы он договорился уже с голосовцами о том, что ЦК будет сорван!), от имени *одной заграничной* группы объявляет об «*организации фонда* для созыва конференции РСДРП» Если бы усилия ликвидаторов сорвать ЦК увенчались успехом, то мы, как единственное учреждение, уполномочен-

⁵ И когда Мартов издевается над официальными партийными учреждениями, говоря: «легальность их убивает», то он *прав постольку*, поскольку «убивают» плодотворность работы *такие* «легальные» (т. е. партийным уставом или решением пленума созданные) формы этих учреждений, которые *позволяют* тормозить работу Михаилу, Роману, Юрию, голосовцам (через Игорева) и т. д.

ное говорить от имени партии в целом, объявили бы немедленно, что *никакого* участия в «фонде» и в затее Троцкого мы не принимаем и *общепартийной* будем считать лишь конференцию, созываемую *Центральным Органом*, а не кружком Троцкого⁶.

Но, пока еще вопрос о срыве ЦК не решен событиями окончательно, есть надежда на вполне *легальный* партийный исход.

Призывая членов партии к решительной борьбе за этот партийно-легальный исход, мы займемся выяснением «принципиальных основ» расхождения, которое голосовцы и Троцкий спешат довести до раскола – первые, срывая ЦК, второй – игнорируя его и «организуя фонд» для созыва «конференции РСДРП» (не шутите!) кружком Троцкого.

Троцкий пишет в своей резолюции, что борьба, которую ведут «ленинцы и плехановцы» (этой подстановкой *личностей* на место *течений* большевизма и партийного меньшевизма Троцкий хочет выразить свое пренебрежение, но выражает лишь свое непонимание), что эта борьба «лишена в настоящее время всякой принципиальной основы».

Вот к выяснению этих принципиальных основ ЦО и зовет с.-д. всея Руси: займемся именно этим интересным вопросом, пока идет «неинтересная» борьба из-за созыва пленума!

Выписываем полностью мотивы, по которым Троцкий объявляет борьбу ЦО лишенной всякой принципиальной основы:

«...Среди *всех* (курсив Троцкого) партийных течений твердо укоренилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации, объединения легальной и нелегальной работы, проведения выдержанной социал-демократической тактики, и эти основные директивы последний пленум наметил *единогласно*.

Трудность состоит сейчас, через год после пленума, не в провозглашении этих истин, а в *проведении их в жизнь*. Путь же к этому – дружная совместная работа всех частей партии: «голосовцев», «плехановцев», «ленинцев», «впередовцев», нефракционных, ибо партия духовно вышла уже из периода детства, и всем ее членам пора сознать себя и действовать в качестве *революционных социал-демократов*, патриотов своей партии, без дальнейших фракционных наименований. И это сотрудничество должно совершаться в общепартийных рамках, а не вокруг фракционных органов».

Вот образец того, как хорошие слова истрепываются во фразу, прикрывая величайшую неправду, величайший обман и самих тех, кто фразой упивается, и всей партии.

Ведь это же прямая и вопиющая *неправда*, будто среди *всех* партийных течений твердо укрепилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации. Каждый № «Голоса» показывает, что голосовцы считают группу г. Потресова и К^о *партийным течением* и что они не только «считают» ее таковым, но и *систематически* в ее «работе» участвуют. Не смешно ли, не позорно ли, теперь, через год после пленума, играть в прятки, обманывать себя и обманывать рабочих, отделиваться словесными увертками, когда речь идет о *«проведении в жизнь»*, а не о фразеах?

Да или нет? Считает ли Троцкий г. Потресова и К^о, точно названных в ЦО, «партийным течением» или нет? Этот вопрос есть именно вопрос о «проведении в жизнь» решений пленума, и ЦО *вот уже год*, как этот вопрос поставил ясно, резко, недвусмысленно, поставил так, что никакие увертки невозможны!

⁶ Что действительно общепартийная конференция, созванная ЦК партии, *необходима* возможно *скорее* – об этом не может быть спора.

Троцкий пытается опять и опять отделаться умолчанием или фразой, ибо ему *нужно скрыть* от читателей и от партии *правду*, именно: что группы г. Потресова, 16-ти и т. д. абсолютно независимы от партии, вполне обособлены фракционно, не только не восстанавливают нелегальную организацию, а срывают ее восстановление, *никакой* социал-демократической тактики не проводят. Троцкому нужно скрыть от партии ту правду, что голосовцы представляют из себя столь же обособленную от партии заграничную фракцию, служащую на деле русским ликвидаторам.

А «впередовцы»? Троцкий прекрасно знает, что и они *после* пленума укрепили и развили свою особую фракцию, с независимыми от партии средствами, с особой фракционной школой, в которой учат вовсе не «выдержанной с.-д. тактике», а тому, что «отзовизм законный оттенок», в которой учат отзовистским взглядам на роль III Думы, взглядам, выраженным во фракционной платформе «Вперед».

Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде потому, что *для реальных* целей его политики правда непереносима. А реальные цели все больше выясняются и становятся очевидными даже для наименее дальновидных партийцев. Эти реальные цели — *антипартийный блок Потресовых с впередовцами*, каковой блок Троцким поддерживается и организуется. Принятие резолюций Троцкого (вроде «венской») голосовцами, кокетничанье «Правды» с впередовцами, рассказы «Правды» о том, будто в России на местах действуют только впередовцы да троцкисты, рекламирование фракционной школы впередовцев «Правдой», прямая поддержка этой школы Троцким — все это факты, которых долго скрывать нельзя. Шила в мешке не утаишь.

Содержание политики Троцкого есть «дружная работа» «Правды» с фракциями гг. Потресовых и впередовцев. Роли распределены в этом блоке ясно: гг. Потресовы продолжают независимо от партии свою легалистскую работу, свое разрушение социал-демократии, «голосовцы» образуют заграничный отдел этой фракции, а Троцкий берет на себя роль адвоката, уверяющего наивную публику, что «среди *всех* партийных течений твердо укоренилась» «выдержанная с.-д. тактика». Впередовцы получают такого же адвоката, защищающего свободу их фракционной школы, прикрывающего их политику лицемерной, казенной фразой. Этот блок, конечно, поддержит «фонд» Троцкого и антипартийную конференцию, им созываемую, ибо и гг. Потресовы и впередовцы получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими.

И вот именно с точки зрения «принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок *авантюризмом* в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма в Потресове, в отзовистах, Троцкий *не смеет*. В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увиливать. Ибо все и каждый видит и знает, что гг. Потресовы и отзовисты *все* имеют *свою* линию (антисоциал-демократическую линию) и *ведут* ее, тогда как дипломаты «Голоса» и «Вперед» ничем, кроме прикрытия, не служат. Самая глубокая причина того, почему новый блок *осужден* на провал, как бы велик ни был успех его перед обывательскими элементами, какие бы «фонды» ни собрал Троцкий при помощи впередовских и потресовских «источников», заключается в том, что этот блок *беспринципен*. Теория марксизма, «*принципиальные основы*» всего нашего мирозерцания, всей нашей партийной программы и тактики не случайно, а неизбежно выдвинулись теперь на одно из первых мест во всей жизни партии. Не случайно, а неизбежно было то, что после неудачи революции во *всех* классах общества, среди самых широких народных *масс* пробудился интерес к глубоким основам всего мирозерцания вплоть до вопросов религии и философии, вплоть до *принципов* нашего, марксистского учения *в целом*. Не случайно, а неизбежно массы, втянутые революцией в острую борьбу из-за вопросов тактики, предъявили в эпоху отсутствия

открытых выступлений запросы к знанию *общетеоретическому*. *Основы марксизма* надо заново разъяснять этим массам, защита теории марксизма опять выдвигается на очередь. Если Троцкий объявляет сближение партийных меньшевиков с большевиками «политически бессодержательным» и «неустойчивым», то это лишь показывает глубину его невежества, это лишь обрисовывает его собственную полную бессодержательность. Именно принципиальные основы марксизма восторжествовали в борьбе большевиков с «впередовскими» несоциал-демократическими идеями, в борьбе партийных меньшевиков с гг. Потресовыми и голосовцами. Именно это сближение на вопросе о *принципиальных основах* марксизма и было *реальной базой* действительно дружной работы партийных меньшевиков с большевиками за целый год после пленума. Это – факт, а не слова, не обещания, не «благожелательные резолюции». И каковы бы ни были разногласия меньшевизма с большевизмом в прошлом и будущем (только авантюристы способны привлекать толпу *посулами* об исчезновении разногласий, о «ликвидировании» их той или иной резолюцией), этот исторический факт вычеркнуть нельзя. Только внутреннее развитие *самых* главных фракций, только *их собственная* идейная эволюция может дать залог уничтожения фракций на деле, путем их сближения, путем испытания их на общей работе. И это началось после пленума. Дружной работы Потресова с впередовцами и с Троцким мы *еще не* видели, а видели только кружковую дипломатию, игру в слова, солидарность в увертках. Дружную работу партийных меньшевиков с большевиками партия в течение года видела, и всякий, кто способен ценить *марксизм*, всякий, кому дороги «принципиальные основы» социал-демократизма, не усомнится ни на минуту в том, что девять десятых рабочих *обеих* фракций будут на стороне *этого* сближения.

Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения *партийно-политических* задач. Эти задачи действительно указаны пленумом *единогласно*, но они вовсе не сводятся к той банальной фразе: объединение легальной и нелегальной работы (ведь и кадеты «объединяют» легальную «Речь» с нелегальным «кадетским» ЦК), которую выбирает Троцкий нарочно, чтобы угодить гг. Потресовым и впередовцам, ничего не имеющим против пустых фраз и банальностей.

«Историческая обстановка с.-д. движения в эпоху буржуазной контрреволюции, – гласит резолюция пленума, – неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.»

После *годового опыта* нельзя уклоняться от прямого ответа на вопрос о *реальном* значении этих указаний. Нельзя забывать, что на пленуме *все* националы (к которым примкнул тогда вечно примыкающий ко *всякому* большинству того или иного момента Троцкий) письменно заявили, что «*по существу* было бы желательно назвать ликвидаторством указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться».

Годичный опыт после пленума показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев и *воплощают* это буржуазное влияние на пролетариат. *Обход* этого очевидного факта и есть авантюризм, ибо никто еще до сих пор не решался сказать прямо, что у Потресовых и К^о *нет* линии ликвидаторства, что признание отзовизма «законным

оттенком» *соответствует* линии партии. Мы не даром прожили год после пленума. Мы стали богаче опытом. Мы увидели *на деле* проявление отмеченных тогда тенденций. Мы увидели *фракции*, воплотившие эти тенденции. И *словами* о «дружной работе» этих *антипартийных* фракций в якобы «партийном» духе нельзя уже теперь обмануть сколько-нибудь широкие слои рабочих.

Наконец, в-3-х, политика Троцкого есть авантюра в смысле *организационном*, ибо, как мы уже указали, она рвет партийную легальность и, организуя конференцию от имени одной заграничной группы (или от имени блока *двух* антипартийных фракций, голосовцев и впередовцев), она прямо вступает на путь раскола. Будучи уполномочены говорить от имени партии в целом, мы обязаны до конца отстаивать партийную легальность. Но мы вовсе не хотим, чтобы члены партии из-за форм «легальности» не видели *сути* дела. Напротив, именно на *суть* дела, сводящуюся к *блоку* голосовцев и впередовцев, охраняющему полную свободу ликвидаторской деятельности гг. Потресовым и отзовистского разрушения партии, мы обращаем *главное* внимание социал-демократов.

К решительной борьбе за партийную легальность, к борьбе с антипартийным блоком во имя принципиальных основ марксизма и очистки социал-демократизма от либерализма и анархизма и призываем мы всех социал-демократов.

Р. С. Выпуск вышенапечатанной статьи отдельным оттиском (что сделано было на основании голосования большинства редакции – двух представителей большевистского течения и представителя польской организации) вызвал со стороны двух других членов редакции – голосовцев – протест, выпущенный отдельным листком. В этом листке авторы его не касаются содержания статьи: «О *положении дел в партии*» по существу, а обвиняют большинство редакции: 1) в нарушении формальных прав их, двух соредакторов, 2) в совершении «полицейского доноса». Мы считаем самым правильным – раз спор происходит не в плоскости принципов и тактики, а в области организационной склоки и личных нападок, перенести его всецело в Центральный Комитет. Думаем, что, и не дожидаясь решения ЦК по этому вопросу, все *партийные* товарищи сумеют по достоинству оценить методы «poleмики» двух членов редакции, Мартова и Дана.

Написано в декабре, не позднее 15 (28), 1910 г.

Напечатано 23 или 24 декабря 1910 г. (5 или 6 января 1911 г.) отдельным оттиском из № 19 газеты «Социал-Демократ»; вторично статья с постскриптумом напечатана 13 (26) января 1911 г. в Приложении к № 19–20 газеты «Социал-Демократ»

Печатается по тексту оттиска, сверенному с текстом Приложения

Разногласия в европейском рабочем движении

I

Основные тактические разногласия в современном рабочем движении Европы и Америки сводятся к борьбе с двумя крупными направлениями, отступающими от марксизма, который фактически стал господствующей теорией в этом движении. Эти два направления – ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения.

Уже из одного этого факта явствует, что нельзя объяснять этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей или традиций и т. п. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран и постоянно порождающие эти отступления. Вышедшая в прошлом году небольшая книжка голландского марксиста Антона Паннекука: «Тактические разногласия в рабочем движении» (Anton Pannekoek. «Die taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung». Hamburg, Erdmann Dubber, 1909) представляет из себя интересную попытку научного исследования этих причин. В дальнейшем изложении мы познакомим читателя с выводами Паннекука, которые нельзя не признать вполне правильными.



Первая страница газеты «Звезда» № 1, 16 декабря 1910 г., в которой была напечатана статья В. И. Ленина «Разногласия в европейском рабочем движении» (*Уменьшено*)

Одной из наиболее глубоких причин, порождающих периодически разногласия насчет тактики, является самый факт роста рабочего движения. Если не мерить этого движения по мерке какого-нибудь фантастического идеала, а рассматривать его, как практическое движение обыкновенных людей, то станет ясным, что привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам и т. д. На «обучение» рекрутов рабочее движение каждой страны тратит периодически большие или меньшие запасы энергии, внимания, времени.

Далее. Быстрота развития капитализма неодинакова в разных странах и в разных областях народного хозяйства. Марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промыш-

ленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового мирозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного мирозерцания вообще и буржуазно-демократического мирозерцания в частности.

Затем, постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих, — и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собою, что массы учатся из жизни, а не из книжки, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития.

Буржуазные идеологи, либералы и демократы, не понимая марксизма, не понимая современного рабочего движения, постоянно перескакивают от одной беспомощной крайности к другой. То они объясняют все дело тем, что злые люди «натравливают» класс на класс, — то утешают себя тем, что рабочая партия есть «мирная партия реформ». Прямым продуктом этого буржуазного мирозерцания и его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за *одну* сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимно исключаящими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса. А действительная жизнь, действительная история *включает* в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности.

Ревизионисты считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформы за частичное осуществление социализма. Анархо-синдикалист отвергает «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собирать силы, создающие великие события. И те и другие тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском мирозерцании.

Здесь мы позволим себе маленькое отступление и заметим в скобках, во избежание возможных недоразумений, что Паннекук иллюстрирует свой анализ *исключительно* примерами из западноевропейской истории, особенно Германии и Франции, *совершенно не* имея в виду России. Если иногда кажется, что он намекает на Россию, то это зависит лишь от того, что основные тенденции, порождающие определенные отступления от марксистской тактики, проявляются и у нас, несмотря на громадные культурные, бытовые и историко-экономические отличия России от Запада.

Наконец, чрезвычайно важной причиной, порождающей разногласия среди участников рабочего движения, являются изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии в

особенности. Будь тактика буржуазии всегда однообразна или хотя бы всегда однородна, – рабочий класс быстро научился бы отвечать на нее столь же однообразной или однородной тактикой. На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общебуржуазной политики. Второй метод – метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения. Нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в «культурном» отношении. Эту требовательность по части известного минимума культурности порождают условия самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, сложностью, гибкостью, подвижностью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д. Колебания в тактике буржуазии, переходы от системы насилия к системе якобы уступок свойственны, вследствие этого, истории всех европейских стран за последние полвека, причем разные страны преимущественно развивают применение того или иного метода в течение определенных периодов. Например, Англия в 60-х, 70-х годах XIX века была классической страной «либеральной» буржуазной политики, Германия 70-х и 80-х годов держалась метода насилия и т. п.

Когда в Германии царил этот метод, односторонним отзвуком этой одной из систем буржуазного управления был рост анархо-синдикализма, или, по-тогдашнему, анархизма в рабочем движении («молодые» в начале 90-х годов^[41], Иоган Мост в начале 80-х). Когда в 1890 году наступил поворот к «уступкам», этот поворот, как и всегда, оказался еще более опасным для рабочего движения, порождая столь же односторонний отзвук буржуазного «реформаторства»: оппортунизм в рабочем движении. «Позитивная, реальная цель либеральной политики буржуазии, – говорит Паннекук, – есть введение в заблуждение рабочих, внесение раскола в их среду, превращение их политики в бессильный придаток бессильного, всегда бессильного и эфемерного якобы реформаторства».

Нередко буржуазия на известное время достигает своей цели посредством «либеральной» политики, которая представляет из себя, по справедливому замечанию Паннекука, «более хитрую» политику. Часть рабочих, часть их представителей подчас дает себя обмануть кажущимися уступками. Ревизионисты провозглашают «устарелым» учение о классовой борьбе или начинают вести политику, на деле осуществляющую отречение от нее. Зигзаги буржуазной тактики вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении и нередко доводят разногласия внутри него до прямого раскола.

Все причины указанного рода вызывают разногласия относительно тактики внутри рабочего движения, внутри пролетарской среды. Но китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, нет и быть не может. Понятно, что переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут не порождать, с своей стороны, колебаний в тактике этого последнего.

Опыт рабочего движения различных стран помогает уяснить на конкретных вопросах практики сущность марксистской тактики, помогает более молодым странам яснее разли-

чать истинное классовое значение отступлений от марксизма и успешнее бороться с этими отступлениями.

*«Звезда» № 1, 16 декабря 1910 г. Подпись: **В. Ильин***

Печатается по тексту газеты «Звезда»

Толстой и пролетарская борьба

Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата. Чья же точка зрения отразилась в проповеди Льва Толстого? Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними.

История и исход великой русской революции показали, что именно таковой была та масса, которая оказалась *между* сознательным, социалистическим пролетариатом и решительными защитниками старого режима. Эта масса, – главным образом, крестьянство, – показала в революции, как велика в ней ненависть к старому, как живо ощущает она все тяготы современного режима, как велико в ней стихийное стремление освободиться от них и найти лучшую жизнь.

И в то же время эта масса показала в революции, что в своей ненависти она недостаточно сознательна, в своей борьбе непоследовательна, в своих поисках лучшей жизни ограничена узкими пределами.

Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого.

Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в *учении* Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед.

Этому-то движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого «общей совестью», «учителем жизни». Это – ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как «учителе жизни», повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы.

Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, – у пролетариата.

«Рабочая Газета» № 2, 18 (31) декабря 1910 г.

Печатается по тексту «Рабочей Газеты»

Начало демонстраций

После трех лет революции, с 1905 по 1907 год, Россия пережила три года контрреволюции, с 1908 по 1910 год, три года черной Думы, разгула насилия и бесправия, натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны. Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и особенно в деревне, еще свирепее расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правительство, помещики и капиталисты бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, – точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов.

Но бывают такие враги, которых можно в нескольких сражениях разбить, можно придавить на время, но *нельзя* уничтожить. Полная победа революции вполне возможна, и такая победа совершенно уничтожила бы царскую монархию, смела бы с лица земли крепостников-помещиков, передала бы все их земли без выкупа крестьянам, заменила бы чиновничье управление демократическим самоуправлением и политической свободой. Такие преобразования не только возможны, они *необходимы* в каждой стране в XX веке, они совершены уже во *всех* европейских государствах более или менее полно, ценой более или менее долгой и упорной борьбы.

Но *никакие*, даже самые полные победы реакции, *никакое* торжество контрреволюции *не может* уничтожить врагов царского самодержавия, врагов помещичьего и капиталистического гнета, потому что враги эти – миллионы рабочих, которые все более скопляются в городах и на крупных фабриках, заводах, железных дорогах. Враги эти – разоряемое крестьянство, которому еще во много раз тяжелее живется теперь, при соединении земских начальников и богатых крестьян для грабежа *по закону*, для отнятия крестьянской земли *с согласия* помещичьей Думы, *под защитой* всех помещичьих и военных властей. Таких врагов, как рабочий класс, как крестьянская беднота, уничтожить нельзя.

И мы видим теперь, как после трех лет самого бесшабашного разгула контрреволюции *народные массы*, больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу. Три года казней, преследований, диких расправ уничтожили десятки тысяч одних «врагов» самодержавия, заперев в тюрьмы и улав в ссылку сотни тысяч других, запугали еще сотни и сотни тысяч третьих. Но миллионы и десятки миллионов теперь уже не те, чем они были до революции. Эти миллионы *никогда* еще в истории России не переживали таких назидательных, наглядных уроков, такой открытой борьбы классов. Что в этих миллионах и десятках миллионов началось новое глубокое, глухое брожение, – это видно из летних стачек текущего года и из недавних демонстраций.

Рабочие стачки в России и во время подготовки революции и во время самой революции были самым распространенным средством борьбы пролетариата, этого передового класса, который один только является до конца революционным классом в современном обществе. Экономические и политические стачки, то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное целое, спланивали массы рабочих против класса капиталистов и самодержавного правительства, вносили брожение во все общество, поднимали на борьбу крестьянство.

Когда в 1895 году начались непрерывные массовые стачки, это было началом полосы подготовки народной революции. Когда в январе 1905 года в один месяц число стачечников перешло за 400 тысяч, это было началом самой революции. Все три года революции число

стачечников, постепенно падая (почти 3 миллиона в 1905 г., 1 миллион в 1906, $\frac{3}{4}$ миллиона в 1907 г.), было так высоко, как никогда еще не было ни в одной стране в мире.

Когда в 1908 году число стачечников резко упало сразу (176 тысяч) и еще резче в 1909 г. (64 тысячи), это означало конец первой революции или вернее первой полосы революции.

И вот, с лета текущего года начинается опять подъем. Число экономических стачечников *возрастает* и возрастает очень сильно. Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* – хотя и с большими перерывами – с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы.

Пролетариат начал. Другие, буржуазные, демократические классы и слои населения, продолжают. Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя I Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций. Смерть Льва Толстого вызывает – впервые после долгого перерыва – *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок.

В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их геройскую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди студентов. Повсюду в России происходят сходки и митинги, полиция силой врывается в университеты, избивает учащихся, арестует их, преследует газеты за малейшее правдивое слово о волнениях и всем этим только усиливает волнения.

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции.

Первое же начало борьбы показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции. Первое же начало борьбы показало нам опять значение *массового* движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись *массы*, раз начали шевелиться миллионы. Преследования только разжигают борьбу, втягивают в нее новые и новые ряды борцов. Никакие покушения террористов не помогут угнетенным массам, и никакие силы на земле не остановят масс, когда они поднимутся.

Теперь они начали подниматься. Этот подъем, может быть, пойдет быстро, – может быть, пойдет медленно и с перерывами, но он во всяком случае идет к революции. Русский пролетариат шел впереди всех в 1905 году. Вспоминая это славное прошлое, он должен напрячь теперь все усилия, чтобы восстановить, укрепить, развить свою организацию, свою партию, Российскую социал-демократическую рабочую партию. Наша партия переживает ныне трудные дни, но она непобедима, как непобедим пролетариат.

За работу же, товарищи! Беритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе!

«Рабочая Газета» № 2, 18 (31) декабря 1910 г.

Печатается по тексту «Рабочей Газеты»

Что делается в деревне?

В газетах ведутся споры по поводу новой книги бывшего министра земледелия Ермолова о «современной пожарной эпидемии в России». Либеральная печать отметила, что пожары в деревне после революции не ослабели, а усилились. Реакционные газеты подхватили крики и вопли Ермолова о «безнаказанности поджигателей», о «терроре в деревне» и т. д. Число пожаров в деревне возросло в чрезвычайных размерах: например, в Тамбовской губернии с 1904 по 1907 г. – *вдвое*, в Орловской – *в 2¹/₂ раза*, в Воронежской – *в 3 раза*. «Сколько-нибудь состоятельные крестьяне, – пишет лакействующее перед правительством «Новое Время», – желают идти на хутора, пытаются заводить новую культуру, но точно в неприятельской стране они испытывают партизанскую осаду со стороны одичавшей деревенской вольницы. Их жгут и травят, травят и жгут, «хоть бросай все и беги, куда глаза глядят»».

Неприятное признание приходится делать сторонникам царского правительства! Для нас, социал-демократов, новые данные не безынтересны, как лишнее подтверждение лжи правительства и жалкого бессилия либеральной политики.

Революция 1905 г. вполне показала, что старые порядки в русской деревне осуждены историей бесповоротно. Никакая сила в мире не сможет укрепить эти порядки. Как переделать их? Крестьянские массы ответили на это своими восстаниями 1905 года, ответили через своих депутатов I и II Думы^[42]. Помещичьи земли должны быть отобраны у помещиков безвозмездно. Когда 30 000 помещиков (с Николаем Романовым во главе) имеют *70 миллионов* десятин земли, а 10 миллионов крестьянских дворов почти такое же количество, ничего иного кроме кабалы, безысходной нищеты, разорения и застоя во всем народном хозяйстве получиться не может. И социал-демократическая рабочая партия звала крестьян на революционную борьбу. Рабочие всей России своими массовыми стачками 1905 года объединяли и направляли крестьянскую борьбу. План либералов «помирить» крестьян с помещиками на «выкупе по справедливой оценке» был пустой, жалкой, предательской уверткой.

Как хочет переделать старые деревенские порядки столыпинское правительство? Оно хочет ускорить полное разорение крестьян, сохранить помещичьи земли, помочь ничтожной кучке богатых крестьян «выйти на хутора», оттягать как можно больше общинной земли. Правительство поняло, что вся масса крестьян против него, и оно старается найти себе союзников из крестьянских богатеев.

Чтобы осуществить правительственную «реформу», нужны «20 лет покоя», сказал однажды сам Столыпин. «Покоем» он называет покорность крестьян, отсутствие борьбы против насилия. А без насилия земских начальников и прочих властей, без насилия на каждом шагу, без насилия над *десятками миллионов*, без подавления малейших проявлений их самостоятельности, столыпинская «реформа» проводиться не может. «Покоя» не только на 20 лет, но и на три года Столыпин не создал и создать не может: вот та неприятная истина, которую напомнила царским слугам книга бывшего министра о деревенских пожарах.

У крестьян нет и быть не может иного выхода из того положения отчаянной нужды, нищеты, голодной смерти, в которое их ставит правительство, как массовая борьба вместе с пролетариатом за свержение царской власти. Подготовка сил пролетариата для такой борьбы, создание, развитие, укрепление пролетарских организаций, – вот в чем очередная задача РСДРП.

«Рабочая Газета» № 2, 18 (31) декабря 1910 г.

Печатается по тексту «Рабочей Газеты»

Иван Васильевич Бабушкин (некролог)

Мы живем в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу, пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарищи годами не знают, что случилось с ним: мается ли он где на каторге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом. Так было с Иваном Васильевичем, расстрелянным Ренненкампом. Узнали мы об его смерти лишь совсем недавно.

Имя Ивана Васильевича близко и дорого не одному социал-демократу. Все, знавшие его, любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу. Петербургский рабочий, он в 1895 г., с группой других сознательных товарищей, энергично ведет работу за Невской заставой среди рабочих Семянниковского, Александровского, Стеклянного заводов, образует кружки, устраивает библиотеки и сам все время страстно учится.

Все мысли его направлены на то, как бы расширить работу. Он принимает деятельное участие в составлении *первого агитационного листка*, выпущенного в С.Петербурге осенью 1894 года, листка к семянниковским рабочим, и самолично распространяет его. Когда в С.-Петербурге образуется «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»^[43], Иван Васильевич становится одним из активнейших его членов и работает в нем вплоть до своего ареста. Идея создания за границей политической газеты, которая послужила бы делу объединения и укрепления с.-д. партии, обсуждалась вместе с ним его старыми товарищами по петербургской работе – основателями «Искры»^[44] – и встретила с его стороны самую горячую поддержку. Пока Иван Васильевич остается на воле, «Искра» не терпит недостатка в чисто рабочих корреспонденциях. Просмотрите первые 20 номеров «Искры», все эти корреспонденции из Шуи, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева и др. мест центра России: почти все они проходили через руки Ивана Васильевича, старавшегося установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими. Иван Васильевич был самым усердным корреспондентом «Искры» и горячим ее сторонником. Из центрального района Бабушкин перебирается на юг, в Екатеринослав, где его арестуют и сажают в тюрьму в Александровске. Из Александровска он бежит вместе с другим товарищем, перепилив решетку окна. Не зная ни одного иностранного языка, он пробирается в Лондон, где тогда была редакция «Искры». Много переговорено было там, много вопросов обсуждено совместно. Но Ивану Васильевичу не привелось быть на втором съезде партии... тюрьма и ссылка выбили его надолго из строя. Поднимавшаяся революционная волна выдвигала новых работников, новых партийных деятелей, а Бабушкин жил в это время на далеком севере, в Верхоянске, оторванный от партийной жизни. Времени он даром не терял, учился, готовился к борьбе, занимался с рабочими, товарищами по ссылке, старался сделать их сознательными социал-демократами и большевиками. В 1905 г. подспела амнистия, и Бабушкин двинулся в Россию. Но и в Сибири в это время кипела борьба, и там нужны были такие люди, как Бабушкин. Он вступил в Иркутский комитет и с головой ринулся в работу. Приходилось выступать на собраниях, вести социал-демократическую агитацию и организовывать восстание. В то время, как Бабушкин с пятью другими товарищами – имена их не дошли до нас – вез в Читы⁷ большой транспорт оружия в отдельном вагоне, поезд был настигнут карательной экспедицией Ренненкампа⁸, и все

⁷ Впоследствии установлено, что оружие везли из Читы. *Ред.*

⁸ Позднее установлено, что это была карательная экспедиция А. Н. Меллер-Закомельского. *Ред.*

шестеро, безо всякого суда, были немедленно же расстреляны на краю вырытой на скорую руку общей могилы. Умерли они, как герои. Об их смерти рассказали солдаты-очевидцы и железнодорожники, бывшие на этом же поезде. Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского опричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...

* * *

Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что Российская социал-демократическая рабочая партия есть партия «интеллигентская», что рабочие от нее оторваны, что рабочие в России – социал-демократы без социал-демократии, что так было в особенности до революции и в значительной мере во время революции. Либералы распространяют эту ложь из ненависти к той революционной борьбе масс, которой руководила в 1905 г. РСДРП, а из социалистов перенимает эту лживую теорию кое-кто по неразумию или легкомыслию. Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого *рабочего-искровца* служит наглядным опровержением либеральной лжи. И. В. Бабушкин – один из тех рабочих-передовиков, которые за *10 лет* до революции начали создавать *рабочую* социал-демократическую партию. Без неустанной, героически-упорной работы *таких* передовиков в пролетарских массах РСДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности *таких* передовиков, только благодаря их поддержке, РСДРП выросла к 1905 г. в партию, которая *неразрывно слилась* с пролетариатом в великие октябрьские и декабрьские дни, которая сохранила эту связь в лице *рабочих депутатов* не только II, но и III, черносотенной, Думы.

Либералы (кадеты) хотят превратить в народного героя недавно умершего председателя I Думы, С. А. Муромцева. Мы, социал-демократы, не должны пропускать случая, чтобы выразить презрение и ненависть царскому правительству, которое преследовало даже таких умеренных и безобидных чиновников, как Муромцев. Муромцев был только либеральным чиновником. Он не был даже демократом. Он боялся революционной борьбы масс. Он ждал свободы для России не от такой борьбы, а от доброй воли царского самодержавия, от *соглашения* с этим злейшим и беспощадным врагом русского народа. В таких людях смешно видеть народных героев русской революции.

А такие народные герои есть. Это – люди, подобные Бабушкину. Это – люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это – люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самостоятельности. Это – люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение. Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано *исключительно* борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин.

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации.

Прошла уж пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих-передовиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих. Такая брошюра будет лучшим ответом всяким маловеерам и умалителям Рос-

сийской социал-демократической рабочей партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему.

«Рабочая Газета» № 2, 18 (31) декабря 1910 г.

Печатается по тексту «Рабочей Газеты»

О некоторых особенностях исторического развития марксизма

Наше учение – говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга – не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живую, мы подрываем его коренные теоретические основания – диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории.

И именно в наше время среди тех, кого интересуют судьбы марксизма в России, особенно часто встречаются люди, которые упускают из виду как раз эту его сторону. А между тем всякому ясно, что в последние годы Россия пережила такие крутые переломы, которые с необычайной быстротой и необычайно резко меняли обстановку, социально-политическую обстановку, определяющую ближайшим и непосредственным образом условия действия, а следовательно, и задачи действия. Я говорю, конечно, не об общих и основных задачах, которые не меняются при поворотах истории, раз не меняется основное соотношение между классами. Совершенно очевидно, что это общее направление экономической (и не только экономической) эволюции России, равно как и основное соотношение между различными классами русского общества, не изменилось за последние, скажем, шесть лет.

Но задачи ближайшего и непосредственного действия изменялись за это время очень резко, как изменялась конкретная социально-политическая обстановка, – а следовательно, и в марксизме, как живой доктрине, *не могли не* выдвигаться на первый план *различные* стороны его.

Чтобы пояснить эту мысль, взглянем на то, каково было изменение конкретной социально-политической обстановки за последнее шестилетие. Перед нами сразу выделяются два трехлетия, на которые распадается этот период: одно, заканчивающееся, примерно, летом 1907 года, другое – летом 1910 года. Первое трехлетие характеризуется, с чисто теоретической точки зрения, быстрыми изменениями основных черт государственного строя России, причем ход этих изменений был очень неровен, амплитуда колебаний в обе стороны очень велика. Социально-экономической базой этих изменений «надстройки» было столь открытое, внушительное, массовидное выступление *всех* классов русского общества на *самых различных* поприщах (думская, внедумская деятельность, печать, союзы, собрания и т. д.), какое не часто наблюдается в истории.

Наоборот, второе трехлетие характеризуется – повторяем, что мы ограничиваемся на этот раз чисто теоретической «социологической» точкой зрения – такой медленной эволюцией, которая почти равняется застою. Никаких, сколько-нибудь заметных, изменений в государственном строе. Никаких или почти никаких открытых и разносторонних выступлений *классов* на большинстве тех «арен», на которых разворачивались эти выступления в предыдущий период.

Сходство обоих периодов состоит в том, что эволюция России оставалась в течение и того и другого – прежней, капиталистической эволюцией. Противоречие такой экономической эволюции с существованием целого ряда феодальных, средневековых учреждений не устранялось, оставалось тоже прежним, будучи не сглаживаемо, а скорее обостряемо проникновением некоторого частичного буржуазного содержания в те или иные отдельные учреждения.

Различие того и другого периода состоит в том, что во время первого периода на авансцене исторического действия стоял вопрос о том, как именно сложится результат вышеуказанных быстрых и неровных изменений. Содержание этих изменений не могло не быть буржуазным, в силу капиталистического характера эволюции России, но есть буржуазия и буржуазия. Средняя и крупная буржуазия, стоящая на позиции более или менее умеренного либерализма, по самому своему классовому положению боялась изменений резких и добивалась сохранения значительных остатков старых учреждений и в аграрном строе и в политической «надстройке». Деревенская мелкая буржуазия, переплетаясь с живущим «трудом рук своих» крестьянством, не могла не стремиться к *иного рода* буржуазным преобразованиям, оставляющим гораздо менее места всяческой средневековой старине. Наемные рабочие, поскольку они сознательно относились к происходящему вокруг них, не могли не вырабатывать себе определенного отношения к этому столкновению двух различных тенденций, которые обе остались в рамках буржуазного строя, но определяли совершенно различные формы его, совершенно различную быстроту его развития, различную ширину захвата его прогрессивных влияний.

Таким образом, эпоха миновавшего трехлетия не случайно, а необходимо выдвинула на первый план в марксизме те вопросы, которые принято называть вопросами тактики. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто споры и расхождения из-за этих вопросов были «интеллигентскими» спорами, были «борьбой за влияние на незрелый пролетариат», выражали «приспособление интеллигенции к пролетариату», как думают всяких родов веховцы. Напротив, именно потому, что данный класс достиг зрелости, он не мог остаться равнодушным к столкновению двух различных тенденций всего буржуазного развития России, и идеологи этого класса не могли не дать теоретических формулировок, соответствующих (непосредственно или косвенно, в прямом или обратном отражении) этим различным тенденциям.

Во второе трехлетие столкновение различных тенденций буржуазного развития России *не* стояло на очереди дня, ибо *обе* эти тенденции были придавлены «зубром», отодвинуты назад, загнаны внутрь, заглушены на некоторое время. Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отреченства. Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух «смирения» и «покаяния», увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п., – вот что оказалось на поверхности.

И эта поразительно резкая смена не была ни случайностью, ни результатом одного только «внешнего» давления. Предыдущая эпоха так глубоко всколыхнула слои населения, в течение поколений, в течение веков, стоявшие в стороне от политических вопросов, чуждые им, что «переоценка всех ценностей», новая работа над основными проблемами, новый интерес к теории, к азбуке, к учению с азов возник естественно и неизбежно. Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно.

Диалектика исторического развития оказалась такова, что в первый период на очереди дня стояло осуществление непосредственных преобразований во всех областях жизни страны, а во второй – переработка опыта, усвоение его более широкими слоями, проникновение его, если можно так выразиться, в подпочву, в отсталые ряды разных классов.

Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно-резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены

явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом, – серьезнейший *внутренний* кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма встала опять на очередь дня. Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов. «Переоценка всех ценностей» в различных областях общественной жизни повела к «ревизии» наиболее абстрактных и общих философских основ марксизма. Влияние буржуазной философии в ее разнообразных идеалистических оттенках сказалось в махистском поветрии среди марксистов. Повторение заученных, но непонятых, непродуманных «лозунгов» повело к широкому распространению пустой фразы, на деле сводившейся к совершенно немарксистским, мелкобуржуазным течениям, вроде откровенного или стыдливого «отзовизма» или признания отзовизма «законным оттенком» марксизма.

С другой стороны, дух веховщины, дух отреченства, охвативший самые широкие слои буржуазии, проник и в то течение, которое стремится уложить марксистскую теорию и практику в русло «умеренности и аккуратности». Марксистской здесь осталась уже одна только фразеология, облекающая насквозь пронизанные либеральным духом рассуждения о «иерархии» и «гегемонии» и т. п.

В задачу настоящей статьи не может входить, конечно, рассмотрение этих рассуждений. Достаточно указать на них, чтобы иллюстрировать сказанное выше о глубине переживаемого марксизмом кризиса, о связи его со всей общественно-экономической обстановкой переживаемого периода. От вопросов, поднятых этим кризисом, нельзя отмахнуться. Нет ничего вреднее, беспринципнее, как попытки отделаться от них посредством фразы. Нет ничего важнее, как сплочение *всех* марксистов, сознавших глубину кризиса и необходимость борьбы с ним, для отстаивания теоретических основ марксизма и коренных положений его, искажаемых с самых противоположных сторон путем распространения буржуазного влияния на разных «попутчиков» марксизма.

Предыдущее трехлетие подняло к сознательному участию в общественной жизни такие широкие слои, которые нередко теперь впервые начинают знакомиться настоящим образом с марксизмом. Буржуазная пресса создает на этот счет гораздо более заблуждений, чем прежде, и распространяет их шире. Распад среди марксизма особенно опасен при таких условиях. Поэтому понять причины неизбежности этого распада в переживаемое время и сплотиться для последовательной борьбы с ним является, в самом прямом и точном смысле слова, задачей эпохи для марксистов.

«Звезда» № 2, 23 декабря 1910 г. Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту газеты «Звезда»

Герои «оговорочки»

Только что полученная нами десятая книжка журнала г. Потресова и К^о, «Нашей Зари»^[45], дает такие поразительные образчики беззаботности, а вернее: беспринципности в оценке Льва Толстого, на которых необходимо немедленно, хотя бы и вкратце, остановиться.

Вот статья нового ратника потресовской рати, В. Базарова. Редакция не согласна с «отдельными положениями» этой статьи, не указывая, конечно, каковы эти положения. Так ведь много удобнее для прикрытия путаницы! Что касается до нас, то мы затрудняемся указать такие положения этой статьи, которыми мог бы не возмутиться человек, хоть капельку дорожающий марксизмом. «Наша интеллигенция, — пишет В. Базаров, — разбитая и раскисшая, обратившаяся в какую-то бесформенную умственную и нравственную слякоть, достигшая последней грани духовного разложения, единодушно признала Толстого — *всего* Толстого — своей совестью». Это — неправда. Это — фраза. Наша интеллигенция вообще, и интеллигенция «Нашей Зари» в частности, очень похожа на «раскисшую», но никакого «единодушия» в оценке Толстого она не проявила и не могла проявить, никогда *всего* Толстого правильно не оценивала и не могла оценить. И именно отсутствие единодушия прикрывается сугубо лицемерной, вполне достойной *«Нового Времени»*, фразой о «совести». Базаров не борется со «слякотью», а поощряет слякоть.

Базарову «хочется напомнить о некоторых несправедливостях (!!) по отношению к Толстому, в которых повинны русские интеллигенты вообще, а мы, радикалы разных толков, в особенности». Тут правды только то, что Базаров, Потресов и К^о суть именно «радикалы разных толков», настолько зависимые от всеобщей «слякоти», что во время самого непростительного замалчивания коренных непоследовательностей и слабостей миросозерцания Толстого они петушком, петушком бегут за «всеми», крича о «несправедливости» к Толстому. Они не хотят опьянять себя «тем особенно распространенным среди нас наркотиком, который Толстой называет «озлоблением спора»», — это как раз такие речи, такие напевы, которые требуются обывателями, с бесконечным презрением отворачивающимися от спора из-за каких бы то ни было целиком и последовательно отстаиваемых принципов.

«Главная сила Толстого в том и состоит, что он, пройдя через все ступени типичного для современных образованных людей разложения, сумел найти синтез...». Неправда. Именно синтеза ни в философских основах своего миросозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти. «Толстой впервые (!) объективировал, т. е. создал не только для себя, но и для других, ту *чисто человеческую* (курсив везде самого Базарова) религию, о которой Конт, Фейербах и другие представители современной культуры могли только субъективно (!) мечтать» и т. д., и т. д.

Этакие речи хуже, чем обычная обывательщина. Это — принаряживание «слякоти» фальшивыми цветами, способное только ввести в обман людей. Более полувека тому назад Фейербах, не умея «найти синтеза» в своем миросозерцании, представлявшем во многих отношениях «последнее слово» немецкой классической философии, запутался в тех «субъективных мечтах», отрицательное значение которых давно уже было оценено действительно передовыми «представителями современной культуры». Объявить теперь, что Толстой «впервые объективировал» эти «субъективные мечтания», значит уходить в лагерь поворачивающих вспять, значит льстить обывательщине, значит подпевать веховщине.

«Само собою разумеется, основанное Толстым движение (!?) должно претерпеть глубокие перемены, если ему действительно суждено сыграть великую всемирно-историческую роль: идеализация патриархально-крестьянского быта, тяготение к натуральному хозяйству и многие другие

утопические черты толстовства, которые в настоящее время выпячиваются (!) на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз субъективными элементами, не связанными необходимой связью с основой толстовской «религии»».

Итак, «субъективные мечты» Фейербаха Толстой «объективировал», а то, что Толстой отразил и в своих гениальных художественных произведениях и в своем полном противоречий учении, отмеченные Базаровым экономические особенности России прошлого века, это «как раз субъективные элементы» в его учении. Вот что называется попасть пальцем в небо. Но и то сказать: для «интеллигенции, разбитой и раскисшей» (и т. д., как выше цитировано), нет ничего приятнее, желательнее, милее, нет ничего более потворствующего ее раскислости, чем это возвеличение «объективированных» Толстым «субъективных мечтаний» Фейербаха и это *отвлечение* внимания от тех конкретных историко-экономических и политических вопросов, которые «в настоящее время выпячиваются на первый план»!

Понятно, что Базарову особенно не нравится «резкая критика», которую вызвало учение о непротавлении злу «со стороны радикальной интеллигенции». Для Базарова «ясно, что о пассивности и квиетизме тут говорить не приходится». Поясняя свою мысль, Базаров ссылается на известную сказку об «Иване Дураке» и предлагает читателю «представить себе, что солдат посылает на дураков не тараканский царь, а их собственный поумневший повелитель Иван, что при помощи этих солдат, набранных из самих же дураков и, следовательно, близких к ним по всему своему душевному складу, Иван хочет принудить своих подданных к выполнению каких-либо неправедных требований. Совершенно очевидно, что дуракам, почти безоружным и не знакомым с ратным строем, нечего и мечтать о физической победе над войском Ивана. Даже при условии самого энергичного «сопротивления с насилием» дураки могут победить Ивана не физическим, а только моральным воздействием, т. е. только путем так называемой «деморализации» солдат Иванова войска». . . «Сопротивление дураков с насилием достигает того же результата (но только хуже и с большими жертвами), как и сопротивление без насилия». . . «Непротавление злу насилием или, общее, гармония средства и цели (!!) отнюдь не является идеей, свойственной только внеобщественным моральным проповедникам. Идея эта есть необходимая составная часть всякого цельного мирозерцания».

Так рассуждает новый ратник потресовской рати. Разбирать его рассуждения мы здесь не можем, да, пожалуй, достаточно на первый раз просто воспроизвести из них главное и добавить три слова: это – чистейшая веховщина.

Из заключительных аккордов кантаты на тему о том, что уши выше лба не растут: «Незачем изображать нашу слабость в виде силы, в виде превосходства над «квиетизмом» и «ограниченной рассудочностью» (а над непоследовательностью рассуждений?) Толстого. Этого не следует говорить не только потому, что это противоречит истине, но и потому также, что это мешает нам учиться у величайшего человека нашего времени».

Так. Так. Не к чему только сердиться, господа, и отвечать смешной бравадой и бранью (как г. Потресов в №№ 8–9 «Нашей Зари»), если вас благословляют, одобряют и лобызают Изгоевы. От этих лобызаний и старым и новым ратникам потресовской рати не очиститься.

Генеральный штаб этой рати снабдил «дипломатической» оговорочкой статью Базарова. Но немногим лучше помещенная без всяких оговорочек передовица г. Неведомского. «Вобрав в себя, – пишет сей вития современной интеллигенции, – и воплотив в законченном виде основные аспирации и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала – *начала совести*».

Бум, бум, бум. . . Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные манеры декламации, свойственные либерально-буржуазной публицистике, М. Неведомский оказался и

чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала – начала празднословия.

Еще одно, последнее сказанье:

«Все эти европейские поклонники Толстого, все эти Анатоли Франсы разных наименований, и палаты депутатов, недавно голосовавшие огромным большинством против отмены смертной казни, а теперь почтившие вставанием великого *цельного* человека, все это царство промежуточности, половинчатости, оговорочности – какой величавой, какой мощной, вылитой из единого чистого металла, фигурой стоит перед ними этот Толстой, это живое воплощение единого принципа».

Уф! Говорит красно – и все ведь это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого. И «все эти» буржуазные поклонники *как раз* не за «цельность», как раз за отступление от цельности «почтили вставанием» его память.

Одно только хорошее словечко нечаянно сболтнул г. Неведомский. Это словечко – оговорочность – так же хорошо аттестует господ из «Нашей Зари», как аттестует *их* вышеприведенная характеристика интеллигенции у В. Базарова. Перед нами сплошь и целиком – герои «оговорочки». Потресов оговаривается, что не согласен с махистами, хотя и защищает их. Редакция оговаривается, что не согласна с «отдельными положениями» Базарова, хотя всякому ясно, что дело тут не в отдельных положениях. Потресов оговаривается, что его оклеветал Изгоев. Мартов оговаривается, что он не вполне согласен с Потресовым и Левицким, хотя именно им он служит верную политическую службу. Все они вместе оговариваются, что не согласны с Череваниным, хотя больше одобряют его *вторую* ликвидаторскую книжку, усугубляющую «дух» первого его детища. Череванин оговаривается, что не согласен с Масловым. Маслов оговаривается, что не согласен с Каутским.

Все они вместе согласны только в том, что они не согласны с Плехановым и что он клеветнически обвиняет их в ликвидаторстве, сам будто бы не будучи в состоянии объяснить своего теперешнего сближения с его вчерашними противниками.

Нет ничего проще, чем объяснение этого сближения, непонятного для людей оговорочных. Когда у нас был локомотив, мы расходились самым сильным образом относительно того, соответствует ли крепости сего локомотива, запасам топлива и т. д. быстрота, скажем, в 25 или в 50 верст в час. Спор об этом, как о всяком горячо волнующем вопросе, велся со страстью и нередко с озлоблением. Спор этот – решительно по каждому вопросу, по которому он возникал, – у всех на виду, всем открыт, договорен до конца, не замазан никакими «оговорочками». И никому из нас не приходит в голову брать что-либо назад или хныкать по поводу «озлобления спора». Но когда локомотиву случилось потерпеть поломку, когда он лежит в болоте, окруженный «оговорочными» интеллигентами, подло хихикающими по поводу того, что «и ликвидировать нечего», ибо локомотива уже нет, тогда нас, вчерашних «озлобленных спорщиков», сближает одно общее дело. Ни от чего не отрекаясь, ничего не забывая, никаких обещаний об исчезновении разногласий не делая, мы общее дело делаем вместе. Мы все внимание и все усилия направляем на то, чтобы локомотив поднять, чтобы его обновить, укрепить, усилить, поставить на рельсы – о скорости движения и о повороте тех или иных стрелок успеем поспорить в свое время. Задача дня в наше трудное время – создать нечто, способное дать отпор «оговорочным» людям и «раскислым интеллигентам», поддерживающим прямо и косвенно царящую «слякоть». Задача дня – копать, хотя бы при самых тяжелых условиях, руду, добывать железо, отливать сталь марксистского мирозерцания и надстроек, сему мирозерцанию соответствующих.

«Мысль» № 1, декабрь 1910 г. Подпись: В. И.

Печатается по тексту журнала «Мысль»

1911 г.

О краске стыда у иудушки Троцкого

Иудушка Троцкий распинался на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партиен. Получал субсидию.

После пленума ослабел ЦК усилились впередовцы – обзавелись деньгами. Укрепились ликвидаторы, плевавшие в «Нашей Заре» перед Столыпиным в лицо нелегальной партии.

Иудушка удалил из «Правды» представителя ЦК и стал писать в «Vorwärts»^[46] ликвидаторские статьи. Вопреки прямому решению назначенной пленумом Школьной комиссии^[47], которая постановила, что ни один партийный лектор не должен ехать во фракционную школу впередовцев, Иудушка Троцкий туда поехал и обсуждал план конференции с впередовцами. План этот опубликован теперь группой «Вперед» в листке.

И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого.

Написано в январе, позднее 2 (15), 1911 г.

Впервые напечатано 21 января 1932 г. в газете «Правда» № 21

Печатается по рукописи

Карьера русского террориста

Таким подзаголовком снабдил представитель партии с.-р.^[48] г. Рубанович свою статью о смерти Караулова в французской социалистической газете «L'Humanité»^[49]. Карьера, действительно, поучительна.

После 1-го марта 1881 г. Караулов приехал в Париж и предложил главарю «Народной воли»^[50] поручить ему восстановление организации. Редактор «Вестника Народной Воли»^[51], будущий ренегат Тихомиров, дал ему полномочия. Караулов вернулся в Россию с Лопатиным, Сухомлиным и др. В 1884 г. его арестуют в Киеве и по суду приговаривают к 4 годам каторги, тогда как коллеги его получают смертный приговор или пожизненную каторгу.

Чем объяснить это «странное, – по словам г. Рубановича, – снисхождение». Говорят, – сообщает г. Рубанович, – что председатель военного суда был поражен сходством Караулова с его трагически умершим сыном. Но «существуют другие объяснения этого странного снисхождения», – добавляет г. Рубанович, не говоря, каковы эти другие объяснения⁹.

Зато новейшая «карьера» Караулова не возбуждает никаких сомнений. В 1905 году он выступал настолько открыто против революционеров, что избиратели провалили его на выборах и в I и во II Думу. «Если передо мной будет два лагеря, – сказал на одном митинге Караулов (по сообщению «Биржевых Ведомостей»^[52]), – в одном – правительственные войска, в другом – революционеры с пресловутым лозунгом диктатуры пролетариата, то я, не задумываясь, пойду с первыми против вторых». Неудивительно, что Витте хлопотал о восстановлении прав такого человека. Неудивительно, что Караулов встал в III Думе на одно из первых мест среди самых подлых, контрреволюционных кадетов с вечной ханжеской фразой на устах.

Удивительно, что находятся люди, способные считать себя сочувствующими демократии, которые теперь, по случаю смерти Караулова, чествуют его как «демократа», «борца» и т. п.

Удивительно, что г. Рубанович, представитель партии с.-р., может писать во французском социалистическом органе: «многое простится перешедшему в лагерь умеренных бывшему эсеру за то, что он сумел затронуть лучшие струны» (речь идет о том заседании Думы, когда правые называли Караулова каторжником, а он ответил, что гордится этим).

За эффектную *фразу* «прощать» карьеру ренегата – это в духе эсеров. Ренегаты бывают во всех революционных партиях, во всех странах, и всегда находятся среди них мастера на эффекты. Но чтобы революционеры, представители «революционных» партий, заявляли публично: «многое простится» ренегату за ловкий выкрик, – это бывает не часто. Для этого надо, чтобы в якобы «революционной» партии был громадный процент *либералов с бомбой*. Для этого надо, чтобы эти, оставшиеся без бомбы, либералы могли уживаться в «революционных» партиях, совсем беззаботных в деле отстаивания революционных принципов, революционных заветов, революционных чести и долга.

Есть и другой, более глубокий урок, который вытекает из «карьеры русского террориста». Это – урок классовой борьбы, это – иллюстрация того, что только революционные *классы* могут быть теперь в России опорой хоть сколько-нибудь серьезных революционных партий. Не один Караулов, а *масса* буржуазной интеллигенции, бывшей недавно демократической и даже революционной, повернула теперь *вспять* от демократии и от революции. Это не случайность, а неизбежный результат развития классового сознания русской буржуазии, увидавшей *на опыте*, как близок момент, когда «лагерь» монархии и лагерь революции

⁹ Речь идет, по-видимому, о высказываемых подозрениях, что Караулов дал «откровенные показания».

встанут друг против друга, – увидавшей на опыте, *какой* выбор приходится при этом делать ей, буржуазии.

Кто хочет учиться на великих уроках русской революции, тот должен понять, что только развитие классового сознания пролетариата, только организация *этого* класса, только очищение его партии от мелкобуржуазных «попутчиков», от свойственных им беспринципности, шатаний и слабости *может* привести снова и наверное приведет снова к победам народа над монархией Романовых.

«Социал-Демократ» № 19–20, 13 (26) января 1911 г.

Печатается по тексту газеты «Социал-Демократ»

Л. Н. Толстой и его эпоха

Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 года. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил все отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины».

Устами К. Левина в «Анне Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека.

«...Разговоры об урожае, найме рабочих и т. п., которые, Левин знал, принято считать чем-то очень низким,, теперь для Левина казались одни важными. «Это, может быть, неважно было при крепостном праве, или неважно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все это перевернулось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России», – думал Левин» (Соч., т. X, стр. 137).

«У нас теперь все это перевернулось и только укладывается», – трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861–1905 годов. То, что «перевернулось», хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это – крепостное право и весь «старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот «только укладываемый» буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала – Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой «Англии», связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать, принципиально. Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй.

Справедливо, что если не «единственно важным», то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861–1905 годов (да и для нашего времени) был вопрос, «как уложится» этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в «Англии», Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («перевернувшегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов.

В «Люцерне» (писано в 1857 году) Л. Толстой объявляет, что признание «цивилизации» благом есть «воображаемое знание», которое «уничтожает инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре». «Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, – восклицает Толстой, – Всемирный Дух, проникающий нас» (Соч., II, 125).

В «Рабстве нашего времени» (писано в 1900 году) Толстой, повторяя еще усерднее эти апелляции к Всемирному Духу, объявляет «мнимой наукой» политическую экономию за то, что она берет за «образец» «маленькую, находящуюся в самом исключительном положении, Англию», – вместо того, чтобы брать за образец «положение людей всего мира за все историческое время». Каков этот «весь мир», это нам открывает статья «Прогресс и определение

образования» (1862 г.). Взгляд «историков», будто прогресс есть «общий закон для человечества», Толстой побивает ссылкой на «весь так называемый Восток» (IV, 162). «Общего закона движения вперед человечества нет, – заявляет Толстой, – как то нам доказывают неподвижные восточные народы».

Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротивление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «все – ничто, все – материальное ничто» («О смысле жизни», стр. 52), и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д. Толстой верен этой идеологии и в «Крейцеровой сонате», когда он говорит: «эмансипация женщины не на курсах и не в палатах, а в спальне», – и в статье 1862 года, объявляющей, что университеты готовят только «раздраженных, больных либералов», которые «совсем не нужны народу», «бесцельно оторваны от прежней среды», «не находят себе места в жизни» и т. п. (IV, 136–137).

Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «перевернулся» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* «укладывающийся» новый строй, *какие* общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки».

Период 1862–1904 годов был именно такой эпохой ломки в России, когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось, причем общественные силы, эту укладку творящие, впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном, открытом действии на самых различных поприщах лишь в 1905 году. А за событиями 1905 года в России последовали аналогичные события в целом ряде государств того самого «Востока», на «неподвижность» которого ссылался Толстой в 1862 году. 1905 год был началом конца «восточной» неподвижности. Именно поэтому этот год принес о собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого – не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени.

Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов.

Есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия. Феодалный социализм есть, например, социализм последнего рода, и характер *такого* социализма давно, свыше 60 лет тому назад, оценен был Марксом наряду с оценкой других видов социализма^[53].

Далее. Критические элементы свойственны утопическому учению Л. Толстого так же, как они свойственны многим утопическим системам. Но не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме «стоит в обратном отношении к историческому развитию». Чем больше развивается, чем более определенный характер принимает деятельность тех общественных сил, которые «укладывают» новую Россию и несут избавление от современных социальных бедствий, тем быстрее кри-

тически-утопический социализм «лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания».

Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло не мало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, *после* того, как ряд указанных выше событий положил конец «восточной» неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узкоклассовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии, – когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав «ликвидаторское» течение, – в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляции к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред.

«Звезда» № 6, 22 января 1911 г. Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту газеты «Звезда»

В Центральный Комитет

Относительно нашей заявки существуют (и распространяются умышленно ликвидаторами-голосовцами) ложные слухи, которым мы считаем долгом противопоставить краткое изложение сути дела и наших взглядов.

Формально дело стоит так, что на пленуме I. 1910 заключен *договор* фракции с партией. По договору, наша фракция обязалась распуститься, *если* распустятся остальные фракции. Условие не соблюдено. *Мы восстанавливаем свою свободу борьбы* с либералами и анархистами, поощряемыми вождем «примиренцев», Троцким. Вопрос о деньгах играет для нас *второстепенную* роль, хотя, конечно, отдавать деньги *фракции* блоку ликвидаторов + анархисты + Троцкий мы не собираемся, отнюдь не отказываясь от своего права разоблачить перед международной социал-демократией этот блок, его финансовые «основы» (пресловутые «фонды» впереводцев, оберегаемые от разоблачения Троцким и голосовцами) и т. д.^{10{150}}

По существу, мы *снимаем с себя ответственность* за то *содействие* разложению партии, которое оказала «примиренческая» (т. е. питающая голосовцам-либералам и впереводцам-анархистам) политика. Мы предупредили партию официально и открыто *еще до № 12 ЦО*, заявив в листке «*«Голос» ликвидаторов против партии*» о заговоре против партии¹¹.

Если кое-кому эти слова показались преувеличением, то события вполне и буквально нас подтвердили. Ликвидаторы-либералы *извне* партии укрепились, создали фракцию, вполне враждебную («Наша Заря», «Возрождение», «Дело Жизни»^[54]) социал-демократии и *готовую* сорвать дело партии на выборах в IV Думу. Голосовцы *помогали* гг. Потресовым и К^о разлагать партию, *портя и тормозя* работу изнутри центральных учреждений. Заграничное бюро ЦК – единственный постоянный практический орган – попал в руки *ликвидаторов* благодаря частью бессилию Бунда и латышей, частью прямой помощи голосовцам со стороны ликвидаторских элементов этих национальных организаций. ЗБЦК не только ничего не сделал для объединения *партийцев* за границей, не только ничем не помог борьбе с голосовцами и впереводцами, но *прикрывал* антипартийные «фонды» анархистов и шаги либералов.

Впереводцы, благодаря «примиренческой» поддержке Троцкого и «Голоса», укрепились во фракцию с транспортом, *агентурой*, усилившись *во много раз* после пленума I. 1910.

То, что вполне ясно наметилось уже на пленуме (защита, например, анархистской школы Троцким + голосовцы), развилось до конца. Блок либералов и анархистов при помощи примиренцев бесстыдно разрушает остатки партии извне и помогает разлагать ее изнутри. Игра в формалистику с «приглашением» голосовцев и троцкистов в центры обесиливает вконец и без того ослабленных партийцев.

Слагая с себя ответственность за эту игру, мы будем *помимо нее* вести нашу *партийную* линию сближения с плехановцами и *беспоощадной* борьбы с блоком. Само собою разумеется, что мы *всячески* поддержим *все* шаги ЦК если ему удастся собраться в России, восстановить

¹⁰ Право представлять фракцию дано нашей *шестерке* plenum'a. Из шести голосов мы имеем *четыре*: три в Париже и один по доверенности (письменной) Мешковского. Если бы Мешковский вздумал отречься, мы *опросим* остальных *выбранных в Лондоне* членов ЦК большевиков и кандидатов^{150}, опросим также большевиков, заявивших себя влиятельной работой.

^{150} Имеются в виду члены и кандидаты ЦК РСДРП, выбранные на V (Лондонском) съезде РСДРП, который происходил 30 апреля – 19 мая (13 мая – 1 июня) 1907 года.

¹¹ См. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 202–210. Ред.

центральный аппарат в России, создать партийную организационную базу (вместо ликвидаторского ЗБЦК) за границей и *начать работу* против либералов и анархистов.

В заключение два слова *о расколе*, которым пугают «примиренцы». Раскол *de facto* сейчас уже полный, ибо потресовцы и впередовцы *вполне* откололись и *никто* не вернет их к партийной *линии*. Если ЦК решительно осудит их как либералов и анархистов, раскола *de jure* не будет, ибо *своей* линии они защищать не могут. Если центры перестанут играть в «приглашение» либералов слуг Потресова (голосовцев) и впередовцев, то раскола *de jure* не будет, и рабочие покинут окончательно и впередовцев и потресовцев. *Иная* политика делает раскол затяжным, ободрив потресовцев и впередовцев. Что касается до нас, то мы от этой «иной» политики, как *уполномоченные представители большевистского течения*, за которыми руководящее значение признал пленум I. 1910, вполне отстраняемся.

Представители большевистского течения, подписавшие на пленуме договор с ЦК и имеющие полномочия (по доверенности от Мешковского) его расторгнуть.

Написано позднее 22 января (4 февраля) 1911 г.

Впервые напечатано в 1933 г. в Ленинском сборнике XXV

Печатается по рукописи

Марксизм и «Наша заря»^[55]

В № 4 «Звезды»^[56] было справедливо отмечено в обзоре печати, что ликвидаторство, а в связи с ним оценка вопроса о гегемонии, интересует в настоящее время марксистские круги, и что полемика по этому важному вопросу, в интересах плодотворности, должна быть принципиальной, «а не личной и злостной полемикой «Нашей Зари»».

Вполне разделяя это мнение, я обойду полным молчанием выходки этого журнала по поводу того, будто понять можно лишь *о ком*, а не *о чем*, идет речь («Наша Заря» № 11–12, стр. 47). Я возьму прямо журнал «Наша Заря» *за год* – это будет как раз кстати по поводу годового юбилея этого органа – и постараюсь рассмотреть, *о чем* идет в нем речь.

Первый номер «Нашей Зари» вышел в январе 1910 г. Уже во втором, февральском, номере г. Потресов провозгласил, что к числу «пустяков» относится и спор махистов с марксистами и вопрос о ликвидаторстве. «Ибо может ли существовать, спрошу я у читателя, – писал г. Потресов, – в лето 1909-ое, не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, течение, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет как организованного целого?» (с. 61).

Г. Потресов этой неудачной попыткой обойти вопрос дал наилучшее, неожиданное, по геростратовской смелости, подтверждение тому взгляду, который он собирался опровергнуть. Именно в январе и феврале 1910 года г. Потресов не мог не знать, что с его оценкой фактического положения вещей не согласятся его противники. Значит, попытаться отделаться тем, что-де «нет», «на нет и суда нет», невозможно. Вопрос не в том, равняется ли на практике нулю одна десятая или одна двадцатая, или одна сотая, или какая угодно другая дробь. Вопрос в том, *есть ли течение*, считающее эту дробь ненужностью. Вопрос в том, *есть ли принципиальное расхождение о значении дроби*, об отношении к ней, об увеличении ее и т. д. Отвечая по сути дела на *этот именно* вопрос тем, что «нет», «ноль», «ноль и есть ноль», г. Потресов вполне выразил отрицаемое им ликвидаторское течение. В его выходке была только сугубая «злостность» (по меткому выражению обзора печати № 4 «Звезды»), был только недостаток прямоты, публицистической ясности. Но именно потому, что вопрос идет не о лицах, а о течении, на помощь Петербургу пришла Москва. Московское «Возрождение» в № 5 от 30 марта 1910 г., сочувственно цитируя г. Потресова, писало: «Ликвидировать нечего, и, прибавим мы от себя, – мечта о восстановлении этой иерархии – в ее старом» и т. д. «виде просто вредная, реакционная утопия» (стр. 51).

Совершенно очевидно, что речь идет как раз не о старом *виде*, а о старой *сущности*. Совершенно очевидно также, что вопрос о «ликвидировании» нераздельно связан с вопросом о «восстановлении». «Возрождение» сделало маленький шаг вперед против г. Потресова, чуточку яснее, прямее, честнее выразило *ту же* мысль. Тут не лица, тут течение. Лица могут отличаться не прямою, а увертливостью, течения же обнаруживают себя самыми различными случаями, видами, формами.

Вот, например, г. Базаров был некогда большевиком и, может быть, продолжает считать себя таковым – в наше время курьезы бывают всякие. А в апрельской книжке «Нашей Зари» он так удачно, так счастливо (для Потресова) опровергал г. Потресова, что объявил буквально «одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений» «пресловутый вопрос о гегемонии» (стр. 87). Заметьте: г. Базаров называет этот вопрос «пресловутым», т. е. уже поднятым, уже известным в апреле 1910 года! Отмечаем этот факт – он крайне важен. Отмечаем, что заявление г. Базарова, будто о «гегемонии не будет и помину» (стр. 88), при условии, что мелкая буржуазия городов и деревень «будет достаточно радикально настроена против политических привилегий» и т. д., «но проникнута резким националистическим духом», – есть на деле полное непонимание идеи гегемонии и отречение от нее. Именно борьба с

«национализмом», именно очистка от него «настроений», предположенных Базаровым, и есть дело «гегемона». Успешность этого дела не измеряется немедленными, непосредственными, сегодняшними результатами. Бывают времена, когда результаты отпора национализму, отпора болотному духу, отпора ликвидаторству, которое, кстати сказать, есть такое же проявление влияния буржуазии на пролетариат, как и национализм, захватывающий иногда часть рабочих, – бывают времена, когда эти результаты сказываются лишь спустя годы, спустя долгие, иногда, годы. Бывает, что годами чуть тлеет искорка, которую мелкая буржуазия считает, объявляет, провозглашает несуществующей, ликвидированной, умершей и т. д. и которая на деле живет, дает отпор духу уныния и отреченства, проявляет себя после долгого периода. Оппортунизм всегда и везде на свете цепляется за минуту, за момент, за сегодня, не умея понять связи между «вчера» и «завтра». Марксизм *требует* ясного сознания этой связи, сознания не на словах, а на деле. Марксизм находится поэтому в непримиримом противоречии с ликвидаторским течением вообще, с отрицанием гегемонии – в частности.

За Петербургом – Москва. За меньшевиком г. Потресовым – бывший большевик г. Базаров. За Базаровым – г. В. Левицкий, более прямой, более честный противник, чем г. Потресов. В июльской книжке «Нашей Зари» г. В. Левицкий пишет: «Если прежняя (форма сплочения сознательных рабочих) была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая будет *классовой* (курсив г. Левицкого) партией вступающих в свое историческое движение масс» (стр. 103).

В одной этой фразе замечательно удачно выражен, сконцентрирован, запечатлен дух всех писаний гг. Левицких, Потресовых, Базаровых, всего «Возрождения», всей «Нашей Зари» и всего «Дела Жизни». Сотнями цитат можно было бы дополнить, заменить, развить, пояснить приведенную цитату из В. Левицкого. Это – такая же «классическая» фраза, как знаменитое бернштейновское «движение – все, конечная цель – ничто»^[57] или как прокоповичевское (из «Credo» 1899 г.): рабочим – экономическая, либералам – политическая борьба^[58].

Г. Левицкий теоретически неправ, когда *противопоставляет* гегемонию – классовой партии. Одного этого противопоставления достаточно, чтобы сказать: не марксизм, а либерализм составляет ту партию, которой *на деле* следует «Наша Заря». Только теоретики либерализма во всем мире (вспомните хоть Зомбарта и Brentano) понимают *классовую* рабочую партию так, как ее «понимает» Левицкий. С точки зрения марксизма, класс, отрицающий идею гегемонии или непонимающий ее, есть не класс или еще не класс, а *цех* или сумма различных цехов.

Но, будучи неверен марксизму, г. Левицкий вполне верен «Нашей Заре», *то есть* течению ликвидаторскому. Он сказал святую истину о сущности *этого* течения. В прошлом (для сторонников этого течения) была «гегемония», в будущем ее не будет, не должно быть; а в настоящем? В настоящем есть тот *бесформенный* агломерат, который составляет круг писателей и друзей-читателей «Нашей Зари», «Возрождения», «Дела Жизни» и который *сейчас*, в лето 1911-ое, занят как раз проповедью необходимости, обязательности, полезности, закономерности *перехода* от *прошлой* гегемонии к *будущей* брентановски-классовой (можно сказать с равным правом: струвенски или изгоевски-классовой) партии^[59]. Что бесформенность есть один из принципов ликвидаторства, это прямо сказали его противники еще в 1908 году, *за год* до «Нашей Зари». Если г. Маевский в декабре 1910 года спрашивает, что такое ликвидаторство, то пусть он обратится к ответу, данному официально ровнехонько два года тому назад^[60]. Он увидит в этом ответе характеристику, точнейшую и полнейшую, «Нашей Зари», возникшей год спустя после этого отзыва. Как это возможно? Это возможно было потому, что речь шла и идет не о лицах, а о течении, которое в 1907 году намечалось (см. хотя бы в конце брошюры самого г. Череванина о событиях весны 1907 г.^[61]), в 1908 году явно выра-

зилось, в конце 1908 года оценено его противниками, в 1910 году создало себе открытый печатный орган и органы.

Сказать: в прошлом гегемония, а в будущем должна быть «классовая партия», значит наглядно показать связь ликвидаторства с отречением от гегемонии и разрыв этого течения с марксизмом. Марксизм говорит: так как в прошлом «гегемония», то, следовательно, из суммы профессий, специальностей, цехов вырос класс, ибо именно сознание идеи гегемонии, именно воплощение ее в жизнь своею деятельностью превращает сумму цехов в класс. А раз доросли до «класса», никакие внешние условия, никакие тяжести, никакое сведение целого к дроби, никакое ликование веховцев, никакое малодушие оппортунистов не в силах задушить этого ростка. Пусть его не «видно» на поверхности (гг. Потресовы не видят или делают вид, что не видят его, *потому что* не хотят видеть), но он жив, он живет, он сохраняет и в настоящем «прошлого», он его переносит в будущее. Так как гегемония была в прошлом, то поэтому марксисты *обязаны*, вопреки всем и всяким отречениям, отстаивать ее идею в настоящем и будущем, – каковая идеологическая задача вполне соответствует тем материальным условиям, которые из цехов создали класс, продолжают создавать, расширять, укреплять класс, укрепляют его отпор всем «проявлениям влияния буржуазии».

Журнал же «Наша Заря» за целый год как раз и концентрирует в себе проявление влияния буржуазии на пролетариат. Ликвидаторство не только существует, как течение среди людей, желающих быть сторонниками данного класса. Оно представляет из себя лишь один из ручейков того широкого, общего несколькими классам «попятного» потока, который свойственен всему трехлетию 1908–1910 годов и, возможно, будет свойственен еще несколькими годам. В настоящей статье я должен был ограничиться характеристикой этого ручейка по цитатам из №№ 2–7 «Нашей Зари». В следующих статьях я надеюсь остановиться на № № 10, 11 и 12 этого журнала, а также на более подробном доказательстве той мысли, что ручеек ликвидаторства есть лишь часть потока веховщины.

Написано позднее 22 января (4 февраля) 1911 г.

Напечатано 22 апреля 1911 г. в № 3 журнала «Современная Жизнь» (Баку) Подпись:

В. Ильин

Печатается по тексту журнала

Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове)

Бывают такие литературные выступления, все значение которых состоит в их геростратовском характере. Самое дюжинное литературное произведение, вроде, например, известных «Предпосылок» Эд. Бернштейна, получает выдающееся политическое значение, становится манифестом внутримарксистского течения, по всей линии отходящего от марксизма. Такое же выдающееся значение по своему геростратовскому характеру имеют, несомненно, статья г. Потресова о пустяках в февральском номере «Нашей Зари» за прошлый год и ответ В. Базарова в апрельской книжке «Нашей Зари». Конечно, затронутые этими статьями вопросы далеко не так глубоки, не так широки, не имеют того международного значения, как вопросы, поднятые (вернее: выдвинутые вслед за буржуазией) Бернштейном, но для нас, русских, в период 1908–1909–1910—? годов, это – вопросы громадной, кардинальной важности. Поэтому статьи г. Потресова и В. Базарова *не* устарели, и говорить о них необходимо, обязательно.

I

Любитель искусственных, вычурных, вымученных словечек г. Потресов посвящает свою статью «современной драме наших общественно-политических направлений». На самом деле ровнехонько ничего драматического он не указал и не мог указать в той после-революционной эволюции либерализма, народничества и марксизма, о которой взялся говорить. Зато комического в рассуждениях г. Потресова не оберешься.



Обложка журнала «Мысль» № 2, январь 1911 г., в котором были напечатаны вторая глава статьи В. И. Ленина «О статистике стачек в России» и начало статьи «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)» (*Уменьшено*)

«Именно либерализм, — пишет г. Потресов, — как идейное течение, являет собой картину величайшего разложения и величайшей беспомощности. Взять хотя бы эту углубляющуюся трещину, которая залегла между либерализмом практическим и либерализмом теоретизирующим», — между «эмпиризмом» «Речи» Милюкова и теориями веховцев.

— Полноте-ка, любезнейший! Углубляющаяся трещина залегла между тем, что вы и подобные вам полулибералы говорили и думали о кадетах в 1905–1906–1907 годах, и тем, что вы вынуждены признать, путаясь и противореча себе, в 1909–1910 годах. Противоречие между «эмпиризмом» либеральных практиков и теориями господ à la Струве вполне ясно сказалось даже раньше 1905 года: припомните-ка, как сбивалось буквально на каждой своей попытке «теоретизировать» тогдашнее «Освобождение»^[62]. Если вы *теперь* начинаете соображать, что либерализм «оказался» будто бы «разорванным» (это опять и опять словесный выверт, пустая фраза, ибо веховцы как раз не разорвали с «Речью» и обратно, а ужи-

лись, и уживаются, и уживутся отлично), «бесплодным», «висящим в воздухе», что это лишь «наименее устойчивая» (sic!¹²) «часть буржуазной демократии», «недурной податель избирательных бюллетеней» и проч., – то ваши крики о «драме» либерализма знаменуют лишь трагикомедию краха ваших иллюзий. Либерализм «оказался» наименее устойчивой частью буржуазной демократии как раз не в настоящее время, не в трехлетие 1908–1910 годов, а именно в предыдущее трехлетие. «Наименее устойчивы» те квазисоциалисты, которые преподносят публике горчицу после ужина. Отличительным признаком предыдущего трехлетия, по разбираемому г. Потресовым вопросу, является «висящий в воздухе» либерализм, «бесплодный» «податель избирательных бюллетеней» и т. д. *Тогда* признание такого характера либерализма было политической задачей дня, предостережение масс было злободневной обязанностью не только социалистов, но и последовательных демократов. В марте 1906 года, а не в феврале 1910, важно было предостережение насчет того, что либерализм кадетов висит в воздухе, что он бесплоден, что объективные условия сводят к ничтожеству, к комедии «недурных подателей избирательных бюллетеней», что кадетские победы – неустойчивый зигзаг между «серьезным» конституционализмом (читай: якобы конституционализмом) Шиповых или Гучковых и борьбой за демократию тех элементов, которые *не* висят в воздухе и *не* ограничиваются влюбленным созерцанием избирательных бюллетеней. Припомните-ка, любезнейший, кто говорил эту правду о либералах вовремя, в марте 1906 года?^[63]

Отличительным признаком, своеобразной чертой нашего трехлетия (1908–1910) является вовсе не «бесплодность» «висящего в воздухе» и т. д. либерализма. Наоборот. В классовом бессилии либерализма, в его боязни перед демократией, в его политическом убожестве ничего не изменилось, но это бессилие достигло апогея тогда, когда были возможности проявить силу, когда были налицо условия, давшие либералам полное преобладание на известной хотя бы арене действия. Вот, когда кадеты имели большинство в I, например, Думе, тогда они могли использовать это большинство для службы демократии и для торможения дела демократии, для содействия демократии (хотя бы в маленьком деле, скажем, в организации местных земельных комитетов) и для нанесения ударов в спину демократии. Вот для этого периода *характерно*, что кадеты «висели в воздухе», что «недурной податель избирательных бюллетеней» оказался сочинителем наказов для будущей октябристской Думы, и только.

В следующее же трехлетие кадеты, оставаясь тем, что они есть, чем они всегда были, кадеты *менее* «висят в воздухе», чем прежде. Вы похожи, г. Потресов, как раз на того героя народного эпоса, который не совсем вовремя выкрикивает свои пожелания и свои мнения. Веховцы 1909 года *меньше* «висят в воздухе», чем Муромцев 1906 года, ибо веховцы приносят *серьезную* пользу, служат *деловую* службу такому классу, который имеет большую силу в народном хозяйстве России, именно землевладельцам и капиталистам. Веховцы помогают этим достопочтенным людям собирать арсенал оружия для идейно-политической борьбы с демократией и социализмом: это – такое дело, которое *не может быть* разрушено никаким разгоном Думы, никакими вообще политическими треволнениями на данной общественно-экономической почве. Пока существует класс землевладельцев-помещиков и капиталистов, будут существовать и их публицистические приказчики: Изгоевы, Струве, Франки и К°. А вот «дело» Муромцевых и перводумских кадетов вообще могло быть «разрушено» (ибо дела-то у них не было, а были слова, развращающие народ, а не служащие народу) разгоном Думы.

Кадеты в третьей Думе – та же партия, с той же идеологией, с той же политикой, в значительной степени с тем же личным составом, что в первой Думе. И именно поэтому кадеты в третьей Думе гораздо меньше «висят в воздухе», чем в первой. Вы этого не понимаете, любезный г. Потресов? Напрасно же вы брались рассуждать о «современной драме наших

¹² Так! Ред.

общественно-политических направлений!»! Я вам даже скажу по секрету, что и впредь, в течение, вероятно, довольно значительного времени, политическая деятельность кадетов не будет «бесплодна» – не только благодаря реакционной «сильноплодности» веховцев, но и благодаря тому, что, пока есть у демократии политические карасы, будет чем жить и шукам либерализма. Пока есть такая неустойчивость в социализме, такая дряблость в демократии, которая иллюстрируется очень наглядно фигурами à la Потресов, до тех пор искусства «эмпириков» либерализма всегда хватит для уловления этих карасей. Не горюйте, кадеты: вам есть чем жить, пока живы Потресовы!

II

Говоря о народничестве, г. Потресов еще менее сводит концы с концами. Кадетов он называет «бывшими демократами» и даже «бывшими либералами». Про крестьянство он говорит: «вошедшее в политическую жизнь крестьянство (по мнению г. Потресова оно еще не вошло в эту жизнь) начало бы совершенно новую главу истории – историю крестьянской демократии – и тем самым поставило бы крест над старой, интеллигентской, народнической».

Итак, кадеты – бывшие демократы, а крестьянство – будущее. Где же настоящие? Или демократии, массовой демократии не было в России 1905–1907 годов? нет в России 1908–1910 годов? Настоящее припрятано Потресовым посредством различных «обходных», обходящих суть вопроса, фраз, ибо прямое и простое признание несомненного настоящего бьет в лицо всей ликвидаторской философии гг. Потресовых. Это простое и прямое признание вполне бесспорного теперь исторического факта состоит в том, что кадеты *никогда* в России сколько-нибудь массовой демократии не представляли, никогда демократической политики не вели, а крестьянство – то самое «многомиллионное крестьянство», о котором говорит и г. Потресов, эту буржуазную демократию (со всеми ограниченностями буржуазной демократии) представляло и представляет. Г. Потресов увильивает по этому *коренному* вопросу, чтобы спасти именно ликвидаторскую философию. Не спасете!

Стараясь обойти прошлое и настоящее крестьянской демократии, г. Потресов опять попадает впросак, уверенно говоря о будущем. Опять опоздали, любезнейший! Вы сами говорите о «возможных последствиях закона 9 ноября» – значит, сами признаете возможность (конечно, чисто абстрактную) его успеха^[64]. А при таком успехе «новая глава истории» может быть главой не только из истории *крестьянской* демократии, а также из истории *крестьянских аграриев*.

Развитие крестьянского хозяйства в России, а следовательно, и крестьянского землевладения и крестьянской политики, не может идти иначе, как капиталистически. Народническая аграрная программа в ее сути, в виде, например, известной платформы 104-х (I и II Думы)^[65], не только не противоречит этому капиталистическому развитию, а, напротив, означает создание условий для самого широкого и самого быстрого капиталистического развития. Современная аграрная программа означает, наоборот, самое медленное, самое узкое, наиболее отягченное следами крепостничества капиталистическое развитие. Объективные, историко-экономические условия не решили еще того, которая из этих программ в последнем счете определит форму буржуазных аграрных отношений новой России.

Таковы те простые факты, которые приходится запутывать представителям ликвидаторства.

«Неизменным при всех переменах, – пишет г. Потресов о переменах в интеллигентской, народнической демократии, – осталось одно:

в интеллигентскую идеологию на крестьянской подкладке конкретное крестьянство не внесло до сих пор (!) своего корректива».

Это – чисто веховская и насквозь лживая фраза. В 1905 г. на открытой исторической сцене было самое «конкретное» и самое рядовое, массовое крестьянство, внесшее *целый ряд* «корректиров» в «интеллигентскую идеологию» народников и народнических партий. Не все эти коррективы *поняты* народниками, но крестьянство их *внесло*. В 1906 и 1907 гг. самое «конкретное» крестьянство создало трудовые группы и проект 104-х, внося этим *ряд коррективов*, частью отмеченных даже народниками. Общеизвестно, например, что «конкретное» крестьянство обнаружило свои *хозяйские* стремления и вместо «общины» одобрило личное и товарищеское землевладение.

Веховцы, очищая либерализм от демократии и превращая его систематически в прислужника денежного мешка, выполняют правильно свое историческое назначение, когда объявляют движение 1905–1907 годов интеллигентским и уверяют, что конкретное крестьянство не внесло своего корректива в интеллигентскую идеологию. Трагикомедия ликвидаторства в том и состоит, что оно не замечает, как его утверждения превратились в простой перепев идей веховцев.

III

Это превращение становится еще более очевидным, когда г. Потресов переходит к рассуждениям о марксизме. Интеллигенция – пишет он – «заслоняла собой... своим партийно-кружковым строительством пролетариат». Вы не сможете отрицать того факта, что в самый широкий оборот, и через «Вехи» и через всю либеральную печать, эта идея пущена буржуазией, использована ею против пролетариата. Аксельрод писал в том самом фельетоне, в котором он выдвигал эту идею, о «проказнице-истории», которая могла бы доставить буржуазной демократии вожда из школы марксизма. Проказница-история воспользовалась той ямой, которую Аксельрод любезно грозился вырыть для большевиков, чтобы поместить в этой яме самого Аксельрода!

Если вы перейдете к объективным историческим фактам, то *все* они, вся эпоха 1905–1907 годов, хотя бы даже выборы во II Думу (если взять для примера факт не из самых крупных, но из самых простых), *доказали бесспорно*, что «партийно-кружковое строительство» не «заслоняло» пролетария, а *непосредственно перешло* в партийное и профессионально-союзное строительство *широких масс* пролетариата.

Но перейдем к главному, к «гвоздю» геростратовского выступления г. Потресова. Он утверждает, что марксистская мысль «дурманит себя гашишем пустяков» – борьба с махизмом и борьба с ликвидаторством, – «дебатируя обо всем, о чем угодно, но только не о том, что является нервом такого общественно-политического направления, как марксистское, но только не о вопросах экономики и не о вопросах политики». Сколько их, этих вопросов, восклицает г. Потресов. «Как идет экономическое развитие России, какие перемещения сил производит оно под сурдинку реакции, что творится в деревне и в городе, какие изменения несет это развитие в социальный состав рабочего класса России и проч. и проч.? Где ответы или приступ к ответу на эти вопросы, где экономическая школа русского марксизма?»

Ответ, и уже во всяком случае приступ к ответу, дан той самой «иерархией», существование которой г. Потресов злостно и лицемерно отрицает. Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века – не то, что монархия 1861–1904 годов. В 1908–1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением

к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а следовательно, *не устраняя их*, эта новая полоса требует применения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем. В этом – своеобразие этой невеселой, серой, тяжелой, но оказавшейся неизбежной, полосы. Из этого своеобразия ее экономических и политических особенностей вытекает своеобразие идейных группировок внутри марксизма. Те, кто признает новые приемы подготовки к старому решению старых проблем, сближаются на общей деловой почве, на общей задаче данного периода, хотя их продолжает разделять вопрос о том, как во время предыдущего периода следовало применять в тот или иной момент или двигать вперед старое решение. Те, кто отрицает (или не понимает) новых приемов подготовки или того, что перед нами стоят старые проблемы, что мы идем навстречу старому их решению, те покидают *на деле* почву марксизма, те оказываются *на деле* в плену у либералов (как Потресов, Левицкий и т. д.) или у идеалистов и синдикалистов (как В. Базаров и др.).

Находясь в плену у чужих людей и чужих идей, и Потресов, и Базаров вместе с их единомышленниками неизбежно запутываются и попадают в самое комичное, самое фальшивое положение. Г. Потресов, бия себя в грудь, кричит: «где этот *приступ* и каков этот *ответ*?». Мартов, так же хорошо зная этот ответ, пытается уверить публику, будто этот ответ признает «буржуазию у власти»: обычный прием либералов использовать вынужденное временное молчание противника! И нас с оскорбленным видом спрашивают при этом: что такое ликвидаторство? Да вот именно этот прием, почтеннейшие, когда люди, претендующие на принадлежность к «целому», пользуясь его ослабленностью, уверяют публику, что «ответа» нет (тогда как «ответ» дан именно «целым»), есть уже один из приемов ликвидаторства (если не ренегатства).

Ликвидаторство есть «фантом в больном воображении», пишет г. Потресов, ибо нельзя ликвидировать то, «что уже не поддается ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого».

Я лишен возможности полностью передать читателю мой взгляд на эти строки; чтобы приблизительно передать его, спрошу читателя: как называется человек, у которого ближайшие единомышленники и коллеги принимают выгодные для них предложения «целого» (именно как «целого») и который на другой день в печати заявляет: «целого» нет?

По этому пункту точка.

Встает вопрос принципиальный: может ли взгляд на необходимость старого решения старых проблем меняться в зависимости от *степени* распада – даже, если хотите, от исчезновения – «целого»? Всякий понимает, что нет. Если объективные условия, если коренные экономические и политические черты современной эпохи требуют старого решения, то, чем сильнее распад, чем меньше осталось от «целого», тем больше надо заботиться, тем горячее публицисту надо говорить о необходимости «целого». Следует признать новые приемы подготовки, как мы уже указали, но кто должен применять их? Ясно, что «целое». Ясно, что задачи публициста для тех, кто понял значение переживаемого периода, его основные политические особенности, диаметрально противоположны *всей* линии господ Потресовых. Не может быть и речи о том, чтобы кто-либо вздумал серьезно отрицать связь вышеизложенного мной «ответа» (на вопрос об экономике и политике данного момента) с антиликвидаторством.

От общепринципальной постановки вопроса перейдем к конкретно-исторической. В период 1908–1910 годов вполне обрисовалось то течение в марксизме, которое проповедует необходимость старого решения, ведет соответственную линию. Обрисовалось и другое течение, *все эти три года* противодействовавшее признанию «старого решения» и созданию

старых основных форм целого. Отрицать этот факт смешно. Обрисовалось и третье течение, все эти три года не понимавшее новых форм подготовки, значения деятельности изнутри III Думы и т. д. Такие люди превратили признание старого решения в фразу, заученную, но непонятую, повторяемую по привычке, а не *применяемую* сознательно, продуманно к изменившейся обстановке (изменившейся хотя бы в области думской работы, но, конечно, не только в этой области).

Связь ликвидаторства с всеобщим обывательским настроением «усталости» очевидна. «Уставшие» (особенно уставшие от ничегонеделанья) не заботятся о выработке себе точного ответа на вопрос об экономической и политической оценке текущего момента; они все несогласны с оценкой, данной выше и формально *общепризнанной*, как оценка от имени целого, но они все боятся и думать о том, чтобы противопоставить *свою* точную оценку, хотя бы оценку сотрудников ликвидаторской «Нашей Зари», «Жизни» и т. п. «Уставшие» твердят: старого нет, старое нежизнеспособно, омертвело и т. д. и т. п., но утруждать себя ответом, чисто политическим, точно сформулированным ответом на обязательный (для всякого честного публициста обязательный) вопрос: что же именно нужно вместо старого, нужно ли восстанавливать «не подлежащее (якобы) ликвидации, как уже ликвидированное» (по Потресову), утрудить себя этим они не намереваются. Три года они ругают старое, поносят его — особенно с таких подмостков, на которые вход защитникам старого воспрещается, и, нежно обнимаясь с Изгоевыми^{13{151}}, восклицают: какие это пустяки, какой фантом разговоры о ликвидаторстве!

Про *таких* «уставших», про г. Потресова и К^о, *нельзя* повторить известного стиха: «они не предали, они устали свой крест нести; покинул их дух гнева и печали на полпути»^[66].

Такие «уставшие», которые входят на трибуну публициста и с нее оправдывают свою «усталость» от старого, свое нежелание над старым работать, являются именно людьми, которые не только «устали», но и предали.

IV

К числу «пустяков» отнесена также г. Потресовым философская борьба материалистов, марксистов, с махистами, т. е. с идеалистами. Г. Потресов глубоко возмущен «вакханалией» (— «друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво!»^[67]) этого философствования» и, называя при этом со стороны материалистов Плеханова и меня, характеризует нас как «*вчераших политиков*». Над этим выражением я долго смеялся. Поистине, хвастовство тут настолько явно и так забавно, что нашему зайцу следовало бы дать клочок медвежьего ушка. Плеханов и т. д. — «*вчерашие политики*»! *Сегодняшний* политик, очевидно, Потресов и его «молодцы». Мило и откровенно.

Когда Аркадию Николаевичу случается, в виде исключения, сказать словечко без выверта и без ужимок, он себя сам побивает великолепнейшим образом. Понатужьтесь-ка, Аркадий Николаевич, попробуйте *подумать*: вы отрицаете ликвидаторство, как *политическое* направление, отличающее меньшевизм от большевизма, а Потресова и К^о от Плеханова и большевиков *вместе взятых*. И рядом с этим отрицанием вы называете Плеханова и

¹³ См. его статью в «*Русской Мысли*»^{151}, 1910 г., о веховце-Потресове. Ох таких обьятий г. Потресову *никогда* не очиститься.

^{151} «*Русская Мысль*» — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 год; до 1905 года — либерально-народнического направления (до 1885 года — редактор В. М. Лавров). В 90-х годах, во время борьбы марксистов с либеральными народниками, иногда печатал на своих страницах статьи марксистов. В это время в «*Русской Мысли*» печатались прогрессивные писатели — А. М. Горький, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и др. После революции 1905 года — орган правого крыла кадетской партии, выходил под редакцией П. Б. Струве. Выступал с проповедью национализма, «веховства», поповщины, с защитой помещичьей собственности.

имярека «вчерашними политиками». Посмотрите же, до чего вы неловки: ведь мы *вместе* с Плехановым можем быть названы вчерашними политиками *как раз* в том смысле, что для нас вчерашняя организация, как форма вчерашнего (по своим *основам* вчерашнего) движения, является обязательной и сегодня. Нас резко разделили с Плехановым и продолжают разделять вопросы о том, какие шаги следовало в тот или иной момент делать *этой* вчерашней организации на основе *этого* вчерашнего движения, но нас сближает борьба с людьми, которые *сегодня* отрицают именно *основы* вчерашнего движения (сюда относится и вопрос о гегемонии, к которому я сейчас перейду), именно *основы* вчерашней организации.

Ну что, Аркадий Николаевич, вы и теперь не понимаете, что такое ликвидаторство? Вы и теперь думаете, что нас с Плехановым сблизил какой-нибудь маккиавелистический план^[68] или злопахательное желание «борьбой на два фронта» *заменить* «преодоление» ликвидаторства?

Но вернемся к «вакханалии философствования».

«Мы знаем, — пишет г. Потресов, — какой глубокой бороздой прошла в свое время через сознание германской социал-демократии борьба Энгельса с Дюрингом и как самые, казалось, абстрактные тезисы имели на деле живое конкретное значение для движения немецкого рабочего класса...» Самые абстрактные тезисы имели живое конкретное значение! Опять фраза и ничего более, как фраза. Попробуйте объяснить, если «вы знаете», какое «живое конкретное значение» имел тот *тезис* Энгельса, что философские рассуждения Дюринга о времени и пространстве ошибочны! В том-то и беда ваша, что вы *заучили*, как школьник: «спор Энгельса с Дюрингом имел великое значение», но не *продумали*, что это значит, и потому повторяете заученное в неверной, уродливо-неверной форме. Нельзя сказать, что «самые абстрактные тезисы (Энгельса против Дюринга) имели на деле живое конкретное значение для движения немецкого рабочего класса». Самые абстрактные тезисы Энгельса имели то значение, что разъясняли идеологам рабочего класса, в чем ошибочность отступлений от материализма к позитивизму и идеализму. Вот если бы вы дали такое, то есть философски сколько-нибудь определенное, изложение взглядов Энгельса вместо звонких, но пустых фраз о «глубокой борозде», «живом конкретном значении самых абстрактных тезисов», то вы сразу увидели бы, что ссылка на спор Энгельса с Дюрингом говорит *против* вас^[69].

«...Мы знаем, — продолжает г. Потресов, — в истории формирования русского марксизма роль борьбы с субъективной социологией...»

А не роль позитивистских и идеалистических учений Лаврова и Михайловского в ошибках субъективной социологии? Ведь у вас, Аркадий Николаевич, что ни выстрел, то мимо. Если брать историческую параллель, то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер. Если брать взятую вами историческую параллель, то надо спросить: возможно ли было «формирование» *русского* марксизма *без* выяснения Бельтовым основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайловского?^[70] Ответ на этот вопрос может быть только один, и этот ответ — если делать вывод из исторической параллели применительно к спору с махистами — говорит *против* г. Потресова.

«...Но именно потому, что мы знаем все это» (ну, конечно! мы видели теперь, что это значит, когда г. Потресов пишет: «мы знаем все это»), «мы и хотим, чтобы была, наконец, установлена живая реальная связь между занимающим нас философским спором и марксистским общественно-политическим течением, его задачами и запросами. А пока что...» — следует ссылка на письмо Каутского, на то, что махизм — *Privatsache* (частное дело), что спор о нем — «фата-моргана» и т. д.

Ссылка на Каутского есть образец обывательского суждения. Не в том дело, что Каутский «беспринципен», как острит (по-изгоевски острит) г. Потресов, а в том, что Каутский

не знает, как обстоит дело с русским махизмом, и не претендует на знание этого. Каутский в своем письме признает Плеханова знатоком марксизма, выражает свое убеждение в непримиримости идеализма с марксизмом, и мнение, что махизм не идеализм (или: не всякий махизм – идеализм). Что Каутский *ошибается* в последнем пункте и особенно насчет русского махизма, это несомненно. Ошибка его вполне извинительна, ибо махизма в целом он не изучал, писал частное письмо с явной целью предостеречь от преувеличения разногласий. Русскому писателю-марксисту при таких условиях ссылаться на Каутского значит проявлять чисто обывательскую леность мысли и трусость в борьбе. Каутский мог надеяться в 1908 году, когда он писал свое письмо, что махизм в известном толковании «примирим» с материализмом, но в России 1909–1910 годов ссылаться по этому вопросу на Каутского значит *браться* за примирение русских махистов с материалистами. Разве г. Потресов или кто другой берутся за это серьезно?

Каутский не беспринципен, а вот Потресов и К^о, желающие объявить махизм «частным делом», *образец беспринципности* среди современного русского марксизма. Каутский был вполне искренен и ни капли не был беспринципен, когда он в 1908 году, не читая русских махистов, советовал им искать мира с Плехановым, как знатоком марксизма, как материалистом, ибо за материализм и против идеализма Каутский высказывался всегда и высказался в том же письме. А у гг. Потресовых и К^о, прячущихся за Каутского в 1909–1910 годах, нет ни *грana* искренности, ни *капли* уважения к принципиальности.

Вы не видите, г. Потресов, живой реальной связи между философским спором и марксистским течением? Позвольте же мне, вчерашнему политику, почтительнейше указать вам на следующие хотя бы обстоятельства и соображения: 1) Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, *всегда* связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением» – иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма. 2) При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма. В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848 году – политические идеи марксизма, в 50-ые и 60-ые годы – экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции – марксистская политика, после революции – марксистская философия. Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне. 3) Время общественной и политической реакции, время «перевариванья» богатых уроков революции является не случайно тем временем, когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого *живого* направления выдвигаются на одно из первых мест. 4) В передовых течениях русской мысли нет такой великой философской традиции, какая связана у французов с энциклопедистами XVIII века, у немцев с эпохой классической философии от Канта до Гегеля и Фейербаха. Поэтому философская «разборка» именно для передового класса России была необходима, и нет ничего странного в том, что эта запоздавшая «разборка» наступила после того, как этот передовой класс вполне созрел во время недавних великих событий для своей самостоятельной исторической роли. 5) Эта философская «разборка» готовилась давно и в других странах мира постольку, поскольку, например, новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм. В этом отношении «наш» (по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т. е. русское, значение. Европа дала

материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908–1910 гг. особенно «жадно» бросилась на этот материал. 6) Белоусов назвал недавно III Думу богомольной Думой. Он верно схватил классовую особенность III Думы в этом отношении и справедливо заклеил ханжество кадетов.

Не случайно, но в силу *необходимости* вся наша реакция вообще, либеральная (веховская, кадетская) реакция в частности, «бросились» на религию. Одной палки, одного кнута мало; палка все-таки надломана. *Веховцы* помогают передовой буржуазии обзавестись новейшей идейной палкой, духовной палкой. Махизм, как разновидность идеализма, *объективно* является орудием реакции, проводником реакции. Борьба с махизмом «внизу» не случайна, а неизбежна, поэтому в такой исторический период (1908–1910 годы), когда «наверху» мы видим не только «богомольную Думу» октябристов и Пуришкевичей, но и богомольных кадетов, богомольную либеральную буржуазию.

Г. Потресов «оговорился», что он «богостроительства» «сейчас не касается». Вот этим-то и отличается беспринципный и обывательский публицист Потресов от Каутского. Каутский *ни* о богостроительстве махистов, *ни* о богомольных веховцах и *не знал* и потому *мог* говорить, что не всякий махизм – идеализм. Потресов это знает и, «*не касаясь*» главного (для того, кто смотрит *узко*–«публицистически», главного), лицемерит. Объявляя борьбу с махизмом «частным делом», г. Потресов и иже с ним становятся в «общественно-политическом» смысле пособниками веховцев.

V

Переходя от г. Потресова к Базарову, мы должны заметить прежде всего, что, по вопросу о философском споре возражая первому, мы тем самым ответили и второму. Надо добавить только одно: терпимость В. Базарова к г. Потресову, стремление его найти у Потресова «долю правды» вполне понятны, ибо г. Потресов (как и все ликвидаторы), отгораживаясь словесно и формально от махизма, *по сути дела* уступает ему самое существенное. Махизм, как течение и как группа с «платформой», ничего иного и не решается требовать, как признания его разрыва с марксизмом за «частное дело»! Не случайно поэтому, что Потресов и Базаров строят друг другу глазки. Группа ликвидаторских литераторов и группа махистских литераторов *действительно солидарны* в том, чтобы в наше время распада охранять «свободу распада» от сторонников марксизма, от защитников теоретических основ марксизма. И эта солидарность *не* ограничивается вопросами философскими, как показывает *далее* В. Базаров своей статьей.

Говорю: даже, ибо именно Базаров отличался всегда наиболее вдумчивым отношением к серьезным вопросам политики. Об этом надо упомянуть, чтобы оценить значение невероятных шатаний такого человека, не только затем, чтобы подчеркнуть полезнейшую деятельность в прошлом литератора, погнавшегося за лаврами Герострата.

Геростратовским является, например, заявление Базарова: «Одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений наших дней я считаю пресловутый вопрос о «гегемонии»». Над махистами из нашей среды тяготеет точно какой-то рок: одни охраняют «свободу распада», объявляя законным оттенком отзовизм, другие, понимающие глупость и вред отзовизма, прямо протягивают руку ликвидаторам в политике. Именно ликвидаторы и в «Нашей Заре», и в «Жизни», и в «Общественном движении»^[71] ведут прямую и косвенную войну с идеей гегемонии. Констатируем с сожалением, что Базаров *ушел в их лагерь*.

Каковы доводы его по существу? Пять лет назад гегемония была фактом. «В настоящее время, по вполне понятным причинам, эта гегемония не только исчезла, но и превратилась в свою полную противоположность». Доказательство: «в наши дни лягание марксизма

есть непереносимое условие популярности в демократических кругах общества». Пример – Чуковский.

Читаешь – и глазам не веришь: Базаров, желавший быть марксистом, превращается в бывшего человека, способного брать под ручку гг. Потресовых.

Бога вы не боитесь, В. А. Базаров. Чуковские и прочие либералы, а также тьма демократов-трудовиков «лягали» марксизм всегда, с 1906 года сугубо, а «гегемония» не была «фактом» в 1906 году? Высуньтесь из либерально-литераторского чуланчика, взгляните хотя на отношение третьедумских депутатов-крестьян к рабочим депутатам. Простое сопоставление бесспорных фактов об их политическом поведении за три года, даже простое сравнение их формул перехода и формул кадетских, не говоря уже о сопоставлении политических заявлений в Думе с условиями жизни широких слоев населения за это время, – доказывает самым неопровержимым образом, что гегемония и сейчас факт. Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма, в смысле борьбы с «кадетовщиной» (если назвать так идейно-развращающее содержание речей и политики либералов) и т. д., и т. д. Нет ничего более характерного для нашего времени, как то, что Базаров *мог* написать такие невероятные вещи, и что группа журналистов, тоже считающих себя друзьями рабочих и сторонниками марксизма, милостиво похлопала за это его по плечу!

«Как будет обстоять дело к моменту грядущего подъема, предсказать совершенно невозможно, – уверяет Базаров читателей ликвидаторского журнала. – Если духовный облик городской и деревенской демократии будет приблизительно тот же, как 5 лет тому назад, то гегемония марксизма снова станет фактом... Но нет решительно ничего невозможного в предположении, что физиономия демократии существенно изменится. Представим себе, например, что мелкая буржуазия русских деревень и городов будет достаточно радикально настроена против политических привилегий господствующих классов, достаточно сплочена и активна, но проникнута резким националистическим духом. Так как марксисты не могут идти ни на какие компромиссы с национализмом или антисемитизмом, то, очевидно, при указанных условиях о гегемонии не будет и помину».

Это не только неверно, но чудовищно нелепо. Если вражда к привилегиям будет соединена у известных слоев с национализмом, то разве разъяснение того, что такое соединение мешает устранению привилегий, не есть дело гегемона? Разве может быть борьба с привилегиями *не* соединена с борьбой страдающих от национализма мелких буржуа против выигрывающих от национализма мелких буржуа? Всякая борьба всякой мелкой буржуазии против всяких привилегий *всегда* несет на себе следы мелкобуржуазной ограниченности, половинчатости, а борьба с этими качествами и есть дело «гегемона». Базаров рассуждает по-кадетски, по-веховски. Вернее: Базаров ушел в лагерь Потресовых и К^о, давно уже так рассуждающих.

То, чего нет на поверхности, не существует вовсе. То, чего не видят Чуковские и Потресовы, нереально. Вот каковы посылки рассуждения Базарова, бьющие в лицо марксизму. Марксизм учит нас, что мелкобуржуазные массы неизбежно, пока существует капитализм, будут страдать от антидемократических привилегий (такие привилегии теоретически «не обязательны» при *чистом* капитализме, но его *очищение* будет длиться до его смерти), страдать от экономического угнетения. Поэтому, пока существует капитализм, *вечной* является задача «гегемона» разъяснять источник этих привилегий и этого угнетения, показывать их

классовые корни, давать пример борьбы против них, вскрывать лживость либеральных методов борьбы и т. д., и т. д.

Так думают марксисты. Так смотрят они на задачи «гегемона» в том лагере, условия жизни которого не позволяют мириться с привилегиями, в лагере не только пролетариев, но и полупролетарских и мелкобуржуазных масс. А Чуковские думают, что, раз этот лагерь оттеснен, придавлен, загнан в подполье, значит «исчезла гегемония», значит «вопрос о гегемонии стал пустяковейшим недоразумением».

Когда я вижу Базарова, говорящего эти позорные вещи, под ручку с Потресовыми, Левицкими и К^о, уверяющими рабочий класс, что ему нужна не гегемония, а классовая партия, когда я вижу, с другой стороны, Плеханова, поднявшего (по презрительному выражению великолепного Потресова) «гвалт» при малейших признаках серьезных колебаний из-за вопроса о гегемонии, я говорю себе: большевики оказались бы именно такими изуверами фракционной буквы, которыми изображали их враги, если бы они поколебались при таком положении хоть минуту, если бы они усомнились хоть на секунду в том, что их долг, долг всех традиций большевизма, всего духа его учения и его политики – протянуть руку Плеханову, выразить ему полное товарищеское сочувствие. Нас разделяли и разделяют вопросы о том, как следовало тогда-то и тогда-то действовать «гегемонам», но мы – товарищи во время распада, в борьбе с людьми, для которых вопрос о гегемонии есть «пустяковейшее недоразумение». А Потресовы, Базаровы и проч. – для нас чужие люди, не менее чужие, чем Чуковские.

Пусть примут это к сведению те добряки, которые находят, что политика сближения с Плехановым есть «фракционная», узкая политика, которые желают «расширить» ее до примирения с Потресовыми, Базаровыми и проч., которые никак не хотят понять, почему мы подобное «примиренчество» считаем либо безнадежной глупостью, либо мизерным интриганством.

«Мысль» №№ 2 и 3, январь и февраль 1911 г. Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту журнала «Мысль»

Кадеты о «Двух лагерях» и о «Разумном компромиссе»

Ответ, который дала «Речь» министерскому официозу по вопросу о «лозунге» для выборов в IV Думу и о современной политической группировке, представляет из себя интересное и знаменательное явление.

«Речь» соглашается с «Русскими Ведомостями», что «выборы в IV Думу пойдут только между двумя лагерями: прогрессистами и правыми». «Подавать голоса придется не за партии, не за отдельных кандидатов, а за упрочение в России конституционного строя или против него». (Чрезвычайно мило это слово: «упрочение»!) «Политический смысл этого лозунга... – объективное признание того бесспорного факта, что правительственный курс вновь объединил всю оппозицию, правее и левее кадетов». Кадеты будут «центром этой политически-разнородной группы», причем, входя в нее, они «так же мало откажутся от своей прежней программы и тактики, как отказывались социал-демократы от своей программы и тактики, входя в дооктябрьские союзы» (передовица, 21 января).

«Господа, можем мы ответить всем официозам и официалам, не кто иной, как вы сами нас объединили... Теперь в России чем дальше, тем больше политические течения сливаются в два больших лагеря, за и против конституции... Наша задача теперь одна, опять одна, как до 17 октября...» (там же).

Следует отличать, при оценке этих рассуждений, вопрос об условиях выборов в IV Думу от вопроса о социально-политическом значении обсуждаемых перемен («лозунга» и группировок). Условия выборов вообще и в провинции особенно, наверное, вынудят «оппозицию» пользоваться неопределенным беспартийным термином: «прогрессисты» в еще более широких размерах, чем прежде. Отказ в легализации даже таких партий, как кадеты, неминуемо поведет к этому, и недоумения министерского официоза на этот счет, разумеется, одно сплошное лицемерие. В больших городах, как признают сами кадеты, в той же хотя бы передовице, будут выставлены самостоятельные кандидаты «более левых», по выражению «Русских Ведомостей», «групп». Уже отсюда видно, что о двух лагерях говорить не приходится.

Далее, про существование рабочей курии, выделенной современными избирательными законами, «Речь» пожелала совсем забыть. Наконец, относительно выборов в деревне (крестьянской) придется сказать, что даже *слово* «прогрессисты» будет здесь, несомненно, избегаться, но *реальным* «центром» «политически-разнородных» или политически-неопределенных групп будут, наверное, не кадеты.

К чему же сводится разговор о двух лагерях? К тому, что кадетам благоугодно, говоря о современном политическом положении, ограничить свой кругозор *только* теми элементами, из которых складывается третье-думское большинство. Только ту ничтожную долю населения, которая представлена этими элементами, господа кадеты и соблаговольают признавать за политические «лагери». До сих пор *основное* деление в этом небольшом третьеиюньском уголке было: правые, октябристы, кадеты. (Известно, что физиономия III Думы определялась, в последнем счете, двумя большинствами: право-октябристским и октябристско-кадетским.) Теперь будет (по предсказанию «Русских Ведомостей», с которыми согласна «Речь») деление *этих трех* элементов на два «лагеря»! правые и прогрессисты.

Мы вполне признаем, что в основе этих либеральных предсказаний лежат не одни либеральные пожелания, но и объективные факты: изменения в политическом положении и политическом настроении русской буржуазии. Непозволительно только было бы забывать о том, что о двух лагерях можно говорить, лишь ограничивая свое поле наблюдения большинством третьей Думы. Непозволительно забывать, что *реальное* значение всех этих разговоров ограничивается тенденцией к сближению, слиянию, соединению «лагерей»

октябристского и кадетского в «лагерь» прогрессистский (разумеется, при молчаливо подразумеваемом отпадении большей или меньшей части октябристского лагеря в лагерь правый). Когда кадеты говорят: «нас» объединили, «наша» задача опять одна и т. п., то эти слова: «мы», «нас», «наша» *реально* означают октябристов и кадетов, не более того.

На чем же «их» объединили? какова «их» задача? каков «их» лозунг для выборов в IV Думу? «Упрочение конституции», – *отвечают «Русские Ведомости» и «Речь»*. Этот ответ только кажется определенным, а на самом деле он ровно ничего не определяет, сводясь к тому же, совершенно бессодержательному, указанию на какую-то неопределенную «среднюю» между октябристами и кадетами. Ибо и Милюков, и Гучков согласны в том, что «у нас, слава богу, есть конституция», но сойтись они мечтают на «упрочении» не того, что у «нас» *есть*, а того, чего у нас нет. Мечтанием, и притом не очень осмысленным мечтанием, является также и то, чтобы Милюков и Гучков, кадеты и октябристы сегодня, «прогрессисты» завтра, могли сойтись на определении содержания желаемой конституции. Не сошлись бы они ни на правовых формулах, выражающих конституцию, ни на определении того, какие реальные интересы каких реальных классов должна удовлетворять и охранять эта конституция. Поэтому *действительное* значение этого общего лозунга сводится к тому, что, будучи сближаемы «*отрицательной* задачей: задачей борьбы с общим противником» (выражение «Речи» из той же передовицы), октябристы и кадеты не могут определить своих положительных задач, не могут найти в среде своих лагерей тех сил, которые обладали бы способностью сдвинуться с мертвой точки.

Это признание того, что точка действительно получилась мертвая, что сдвинуться с нее нужно, нужно и октябристам и кадетам, что сдвинутые с нее те и другие совершенно бессильны, взятые сами по себе, – выразилось особенно рельефно в рассуждении «Речи» по одному частному поводу о «разумном компромиссе».

«И если в течение думских споров о петербургской канализации, – читаем в передовице «Речи» от 20 января, – нездоровая подпочва спора немного затушеввалась, если оказалось даже для центра (т. е. для октябристов) возможным примкнуть к тому разумному компромиссу, который предложен был фракцией народной свободы и принят городским самоуправлением, – то вмешательство П. А. Столыпина грубо сорвало покров (а вы хотели бы, господа кадеты, чтобы большие вопросы оставались под покровом?) и вскрыло все ту же старую, давно всем опротивевшую подоплеку *политической* борьбы государства с самоуправлением».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Речь идет о Центральном Органе РСДРП – нелегальной газете «Социал-Демократ». Газета издавалась с февраля 1908 по январь 1917 года. Первый номер, подготовленный большевиками и частично уже отпечатанный в Вильно в частной типографии, был конфискован царской охранкой. Вскоре в Петербурге была сделана вторая попытка выпустить газету. Большая часть напечатанного тиража также попала в руки жандармов. В дальнейшем издание газеты было перенесено за границу: №№ 2–32 (февраль 1909 – декабрь 1913) вышли в Париже, №№ 33–58 (ноябрь 1914 – январь 1917) – в Женеве. Всего вышло 58 номеров, из них 5 имели приложения.

2.

«Русские Ведомости» – газета; выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции. В 80–90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский и др., печатались произведения либеральных народников. С 1905 года газета являлась органом правого крыла кадетов. Ленин указывал, что «Русские Ведомости» своеобразно сочетали «правый кадетизм с народническим налетом» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 111). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами.

3.

Трудовики (Трудовая группа) – группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах, состоявшая из крестьян и интеллигентов народнического толка. Фракция трудовиков образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы.

4.

«Голос Москвы» – ежедневная газета, орган октябристов; выходила в Москве с 1906 по 1915 год.

5.

Кадеты – члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были: П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. Для обмана трудящихся масс кадеты присвоили себе фальшивое название «партия народной свободы», на самом деле они не шли дальше требования конституционной монархии. Своей главной целью кадеты считали борьбу с революционным движением и стремились поделить власть с царем и помещиками-крепостниками. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской буржуазно-демократической революции они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американско-англо-французским империалистам. После победы Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали активное участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов. Находясь после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, члены партии кадетов не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности.

6.

«Речь» – ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля (8 марта) 1906 года под фактической редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена, при ближайшем участии М. М. Винавера, П. Д. Долгорукова, П. Б. Струве и других. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. До августа 1918 года продолжала выходить под разными названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь», «Наш Век».

7.

«Россия» – ежедневная газета реакционного, черносотенного характера; выходила в Петербурге с ноября 1905 по апрель 1914 года. С 1906 года – орган министерства внутренних дел. Газета субсидировалась из секретного («рептильного») фонда правительства, отпущенного в распоряжение министра внутренних дел. В. И. Ленин называл «Россию» «полицейски-продажной газеткой».

8.

Речь идет о III Государственной думе (официальное название – Государственная дума третьего созыва). III Дума работала с 1 (14) ноября 1907 по 9 (22) июня 1912 года (всего было пять сессий). Избранная на основе третьеиюньского избирательного закона, III Дума была черносотенно-октябристской по своей классовой природе и партийному составу; она являлась послушным орудием царского правительства в проведении его контрреволюционной политики насилия и репрессий по отношению к революционным силам России.

9.

Октябристы – члены партии «Союз 17 октября», образовавшейся в России после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года. Это была контрреволюционная партия, представлявшая и защищавшая интересы крупной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; возглавляли ее известный промышленник и московский домовладелец А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства.

10.

Прогрессисты – политическая группировка русской либерально-монархической буржуазии, которая на выборах в Государственные думы и в Думах пыталась объединить под флагом «беспартийности» элементы из разных буржуазно-помещичьих партий и групп.

11.

Польское коло – объединение польских депутатов в Государственных думах. Основное ядро в этом объединении составляли народовцы – члены реакционной, националистической партии польских помещиков и буржуазии. По всем основным вопросам думской тактики Польское коло поддерживало октябристов.

12.

Государственная дума (так называемая виттевская Дума) была созвана 27 апреля (10 мая) 1906 года по положению, разработанному председателем Совета министров С. Ю. Витте.

13.

Магдебургский съезд Германской социал-демократической партии состоялся 18–24 сентября 1910 года. В центре внимания работы съезда были два вопроса: 1) о нарушении партийной дисциплины социал-демократическими депутатами Баденского ландтага и 2) о борьбе за всеобщее избирательное право в Пруссии.

14.

Исключительный закон против социалистов был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература; за годы действия исключительного закона было распущено около 350 социал-демократических организаций, около 900 социал-демократов было выслано из Германии и 1500 брошено в тюрьмы, сотни газет, журналов и неперидических изданий были запрещены. Однако преследования и репрессии не сломили социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям нелегального существования: за границей издавался центральный орган партии газета «Социал-Демократ» и регулярно собирались партийные съезды (1880, 1883 и 1887); в Германии, в подполье, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Работая в подполье, партия широко использовала легальные возможности для укрепления связи с массами, и ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза. Огромную помощь немецким социал-демократам оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1890 году под напором массового и все усиливавшегося рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен.

15.

Национал-либералы – партия немецкой, в первую очередь прусской, буржуазии, образовавшаяся осенью 1866 года в результате раскола буржуазной партии прогрессистов. Национал-либералы ставили своей основной целью объединение немецких государств под главенством Пруссии; их политика отражала капитуляцию немецкой либеральной буржуазии перед Бисмарком. В 1878 году они голосовали за введение исключительного закона против социалистов. В дальнейшем национал-либералы стали партией германского монополистического капитала. Они были сторонниками империалистической внешней политики Германии, выступали за увеличение вооружений и расширение колониальных захватов. После Ноябрьской революции 1918 года большая часть национально-либеральной партии приняла новое название – «Народная партия». В 1933 году «Народная партия» способствовала захвату власти фашистами.

16.

«Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte») – журнал, главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного ревизионизма. Выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. Во время первой мировой войны (1914–1918) занимал социал-шовинистскую позицию.

17.

См. работу Ф. Энгельса «Социализм в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 245). Эту же мысль Энгельс повторил в «Введении» к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 108–109).

18.

«Голос Социал-Демократа» – газета, заграничный орган меньшевиков; выходила с февраля 1908 по декабрь 1911 года сначала в Женеве, затем в Париже. Редакторами ее были П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. Мартов, А. Мартынов и Г. В. Плеханов. С первого номера «Голос Социал-Демократа» встал на защиту ликвидаторов, оправдывая их антипартийную деятельность. После выхода из редакции Плеханова, осудившего ликвидаторскую позицию газеты, «Голос Социал-Демократа» окончательно определился как идейный центр ликвидаторов.

19.

«Die Neue Zeit» («Новое Время») – теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем – Г. Куновым. В «Die Neue Zeit» были впервые опубликованы некоторые произведения основоположников марксизма: «Критика Готской программы» К. Маркса, «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса и др. Энгельс помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускавшиеся в журнале отступления от марксизма. В «Die Neue Zeit» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX – начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Г. В. Плеханов, П. Лафарг и др. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов.

20.

«Господин Купон» – образное выражение, принятое в литературе 80-х и 90-х годов XIX в. для обозначения капитала и капиталистов. Выражение «господин Купон» пустил в ход писатель Глеб Успенский в очерках «Грехи тяжкие» (впервые напечатаны в журнале «Русская Мысль», 1888, книга 12, стр. 174). См. также очерк Глеба Успенского «На Кавказе».

21.

Веховцы – видные кадетские публицисты, представители контрреволюционной либеральной буржуазии Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве и С. Л. Франк, выпустившие весной 1909 года в Москве сборник своих статей под названием «Вехи». В этих статьях, посвященных русской интеллигенции, «веховцы» пытались опорочить революционно-демократические традиции освободительного движения в России, взгляды и деятельность В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева; они оплеывали революционное движение 1905 года, благодарили царское правительство за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Критический разбор и политическую оценку сборника кадетских черносотенцев В. И. Ленин дал в статье «О «Вехах»» (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 167–175). Сравнивая программу «Вех» в философии и в публицистике с программой черносотенной газеты «Московские Ведомости», Ленин называл сборник «энциклопедией либерального ренегатства», «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию». В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится экземпляр сборника «Вехи» с многочисленными пометками Ленина.

22.

«Новое Время» – ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, газета, после того как ее издателем в 1876 году стал А. С. Суворин, превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года – орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года газета поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. ««Нововременство», – писал он, – стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 251).

23.

Пленум ЦК РСДРП, известный под названием «объединительного», состоялся 2–23 января (15 января – 5 февраля) 1910 года в Париже.

24.

Отзовизм – оппортунистическое течение, возникшее среди большевиков. Прикрываясь революционными фразами, отзовисты (А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Соколов (С. Вольский), А. В. Луначарский, М. Н. Лядов и другие) требовали отзыва социал-демократических депутатов из III Государственной думы и прекращения работы в легальных организациях. Заявляя, что в условиях реакции партия должна вести только нелегальную работу, отзовисты отказывались от участия в Думе, в рабочих профессиональных союзах, кооперативных и других массовых легальных и полулегальных организациях и считали необходимым сосредоточить всю партийную работу в рамках нелегальной организации. Разновидностью отзовизма являлся ультиматизм. Ультиматисты отличались от отзовистов лишь по форме. Они предлагали предъявить социал-демократической думской фракции ультиматум о беспрекословном подчинении фракции решениям Центрального Комитета партии и в случае невыполнения его отозвать социал-демократических депутатов из Думы. Ультиматизм фактически был прикрытым, замаскированным отзовизмом. Ленин называл ультиматистов «стыдливymi отзовистами».

25.

Впередовцы, группа «Вперед» – антипартийная группа отзовистов, ультиматистов и богостроителей; организована по инициативе А. Богданова и Г. А. Алексинского в декабре 1909 года, после развала отзовистско-ультиматистского фракционного центра – школы на Капри; имела печатный орган того же названия.

26.

«Рабочая Газета» – нелегальный популярный орган большевиков; издавалась неперiodически в Париже с 30 октября (12 ноября) 1910 года по 30 июля (12 августа) 1912 года; вышло 9 номеров. Инициатором создания «Рабочей Газеты» был В. И. Ленин. Официально вопрос об ее издании был решен на совещании представителей РСДРП – большевиков, меньшевиков-партийцев, представителей социал-демократической думской фракции и др. – во время международного социалистического конгресса в Копенгагене (август 1910). В совещании участвовали: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, Н. Г. Полетаев, И. П. Покровский и другие.

27.

Имеются в виду резолюции V Общероссийской конференции РСДРП, которая состоялась в Париже 21–27 декабря 1908 года (3–9 января 1909). На конференции присутствовало 16 делегатов с решающим голосом, из них 5 большевиков (2 от Центрально-промышленной области, 2 – от петербургской организации, 1 – от уральской), 3 меньшевика по мандатам от Кавказского областного комитета, 5 польских социал-демократов и 3 бундовца. Делегаты-большевики, непосредственно работавшие в России, представляли крупнейшие партийные организации РСДРП. Меньшевицкая делегация, получившая мандаты путем различных фальсификаций, состояла из лиц, живших за границей и не связанных с партийной работой в России. Делегация польской социал-демократии поддерживала на конференции большевиков. Бундовцы по многим вопросам шли за меньшевиками-ликвидаторами.

28.

Имеется в виду группа литераторов-отзовистов, сторонников махизма.

29.

Имеется в виду школа, организованная в 1909 году на острове Капри (Италия) отзовистами, ультиматистами и богостроителями («школа в NN»).

30.

Группа 16-ти – группа меньшевиков-ликвидаторов, подписавших открытое письмо в ответ на выступление Г. В. Плеханова в № 9 «Дневника Социал-Демократа» (август 1909 года) против ликвидаторов и их лидера А. Н. Потресова. Письмо 16-ти было опубликовано в «Голосе Социал-Демократа» № 19–20 (январь – февраль 1910). Ленин называл это письмо «геростратовски знаменитым» документом.

31.

Плехановцы – меньшевики-партийцы, во главе с Г. В. Плехановым выступившие в годы реакции против ликвидаторов. В декабре 1908 г. Плеханов вышел из редакции ликвидаторской газеты «Голос Социал-Демократа» и в 1909 г. возобновил издание «Дневника Социал-Демократа» для борьбы против ликвидаторов. Оставаясь на позициях меньшевизма, плехановцы в то же время стояли за сохранение и укрепление нелегальной партийной организации и шли с этой целью на блок с большевиками. В 1909 году группы меньшевиков-партийцев образовались в Париже, Женеве, Сан-Ремо, Ницце и др. городах. В Петербурге, Москве, Екатеринославе, Харькове, Киеве, Баку многие рабочие-меньшевики выступили против ликвидаторов, за возрождение нелегальной РСДРП.

32.

Заграничное бюро Центрального Комитета РСДРП (ЗБЦК) было учреждено пленумом ЦК РСДРП в августе 1908 года в качестве общепартийного представительства за границей (в составе трех человек), подчиненного Русскому бюро ЦК. В обязанности ЗБЦК входило поддержание постоянной связи с действующим в России Центральным Комитетом и членами ЦК, работающими за границей, наблюдение за деятельностью заграничных групп содействия РСДРП и их Центральное бюро, прием денежных отчислений заграничных организаций в кассу ЦК и организация денежных сборов в пользу Центрального Комитета. С целью объединения всех заграничных групп содействия РСДРП и подчинения их единому общепартийному руководству августовский пленум ЦК (1908) поручил ЗБЦК провести специальный съезд этих групп. Но в течение 1909 года ЗБЦК не удалось созвать съезд

вследствие упорного сопротивления Центрального бюро заграничных групп, захваченного меньшевиками-ликвидаторами.

33.

Статья «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» была напечатана в газете «Наш Путь».

34.

Речь идет о телеграмме, посланной социал-демократическими депутатами III Думы в Астапово на имя В. Г. Черткова – близкого друга и последователя Л. Н. Толстого. В ней говорилось: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства русского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого, непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых».

35.

Российская коллегия ЦК – действовавшая в России коллегия членов и кандидатов ЦК, выбранных на V (Лондонском) съезде РСДРП (1907); первоначально сформирована на пленуме ЦК РСДРП в августе 1908 года в составе пяти членов (1 меньшевик, 1 большевик и 3 представителя национальных организаций). Согласно уставу Центрального Комитета, принятому Январским пленумом ЦК 1910 года, Российская коллегия должна была состоять из 7 членов (4 члена ЦК и 3 представителя национальных организаций). Коллегии, в случае выбытия кого-либо из ее членов, предоставлялось право кооптации. Однако после Январского пленума ЦК организовать работу Российской коллегии не удалось. Всю общепартийную работу в России (подбор агентов, объезд организаций, связь с думской социал-демократической фракцией и др.) вели члены и кандидаты ЦК – большевики; вначале И. П. Гольденберг (Мешковский), И. Ф. Дубровинский (Иннокентий), потом после их ареста В. П. Ногин (Макар) и Г. Д. Лейтейзен (Линдов), которые составляли в 1910–1911 годах Русское бюро ЦК. Меньшевики-ликвидаторы – члены и кандидаты ЦК устроились от работы, а И. А. Исув (Михаил), П. А. Бронштейн (Юрий) и К. М. Ермолаев (Роман) не только отказались участвовать в работе, но и заявили, что считают само существование ЦК вредным. Все попытки бюро создать Российскую коллессию не увенчались успехом.

36.

Имеются в виду члены ЗБЦК – представители польской социал-демократии.

37.

Имеются в виду члены ЗБЦК – представители Социал-демократии Латышского края и Бунда.

38.

Имеется в виду представитель большевиков в Заграничном бюро ЦК РСДРП Н. А. Семашко.

39.

Имеется в виду международный социалистический конгресс в Копенгагене (VIII конгресс II Интернационала), который происходил с 28 августа по 3 сентября 1910 года. На конгрессе присутствовало 896 делегатов, которые представляли страны Европы, Северной и Южной Америки, Южной Африки и Австралии. Россия наравне с Австрией, Англией, Германией

и Францией располагала на конгрессе 20 голосами: из них социал-демократы (включая литовскую и армянскую с.-д.) имели 10 голосов, эсеры – 7, профсоюзы – 3 голоса. РСДРП на конгрессе представляли В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский и другие.

40.

«Правда» (венская) – фракционная газета троцкистов; издавалась в 1908–1912 годах. Первые три номера напечатаны во Львове, затем издание было перенесено в Вену (Австрия); всего вышло 25 номеров. Газета, кроме двух первых номеров, вышедших в качестве органа украинского союза «Спилка», не представляла какой-либо партийной организации России и являлась, по выражению В. И. Ленина, «частным предприятием». Редактором газеты был Л. Д. Троцкий.

41.

«Молодые» – мелкобуржуазная полу анархистская оппозиция в германской социал-демократии; возникла в 1890 году. Основное ядро ее составляли молодые литераторы и студенты (отсюда и название), претендовавшие на роль теоретиков и руководителей партии. Эта оппозиция, не понимая изменившихся после отмены исключительного закона против социалистов (1878–1890) условий деятельности партии, отрицала необходимость использования легальных форм борьбы, выступала против участия социал-демократии в парламенте, обвиняла партию в защите интересов мелкой буржуазии, в оппортунизме. Ф. Энгельс вел борьбу против оппозиции «молодых». Когда «Саксонская Рабочая Газета» – орган «молодых» – попыталась объявить Энгельса солидарным с оппозицией, он дал решительный отпор этому, по его словам, «колоссальному бесстыдству» и подверг взгляды и тактику «молодых» уничтожающей критике.

42.

II Государственная дума собралась 20 февраля (5 марта) 1907 года. Выборы в Думу были непрямыми, неравными и проходили в обстановке военно-полевых судов и репрессий. Несмотря на это, вторая Дума оказалась по составу левее первой. Причиной этого явилось более ясное и резкое, чем в период первой Думы, размежевание партий, рост классового сознания масс, а также участие большевиков в выборах.

43.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», организованный В. И. Лениным осенью 1895 года, объединял около двадцати марксистских кружков Петербурга. Вся работа «Союза борьбы» была построена на принципах централизма и строгой дисциплины. Во главе «Союза борьбы» стояла Центральная группа, в которую входили В. И. Ленин, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, Л. Мартов, М. А. Сильвин, В. В. Старков и др. Непосредственное руководство было сосредоточено в руках пяти членов группы во главе с Лениным. Организация была разделена на районные группы. Передовые, сознательные рабочие (И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов и др.) связывали эти группы с фабриками и заводами. На заводах имелись организаторы по сбору информации и распространению литературы; на крупных предприятиях были созданы рабочие кружки.

44.

«Искра» – первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России.

45.

«Наша Заря» – ежемесячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил в Петербурге с января 1910 по сентябрь 1914 года. Руководил журналом А. Н. Потресов, сотрудничали в нем Ф. И. Дан, С. О. Цедербаум (В. Ежов) и другие. Вокруг «Нашей Зари» сложился центр ликвидаторов в России. В резолюции VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года отмечалось, что «часть с.-д., группирующаяся вокруг журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни», открыто стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 283).

46.

«Vorwärts» («Вперед») – ежедневная газета, центральный орган Германской социал-демократической партии; выходила в Берлине с 1891 года по постановлению Галльского съезда партии как продолжение издававшейся с 1884 года газеты «Berliner Volksblatt» («Берлинская Народная Газета») под названием «Vorwärts. Berliner Volksblatt». На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, редакция «Vorwärts» оказалась в руках правого крыла партии и систематически печатала статьи оппортунистов. Тенденциозно освещая борьбу против оппортунизма и ревизионизма в РСДРП, «Vorwärts» поддерживал «экономистов», а затем, после раскола партии, – меньшевиков. В годы реакции «Vorwärts» печатал клеветнические статьи Троцкого, не давая Ленину, большевикам выступать с опровержениями и объективной оценкой положения дел в партии. В период первой мировой войны «Vorwärts» стоял на позициях социал-шовинизма; после Великой Октябрьской социалистической революции вел антисоветскую пропаганду. Выходил в Берлине до 1933 года.

47.

Имеется в виду Школьная комиссия (Школьный комитет), назначенная Январским пленумом ЦК РСДРП 1910 года для организации партийной школы за границей в составе девяти человек: двух большевиков, двух меньшевиков, двух впередовцев и по одному представителю от национальных организаций – Бунда, латышской и польской социал-демократии.

48.

Социалисты-революционеры (эсеры) – мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 – начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», Партия социалистов-революционеров и др.). Ее официальными органами стали газета «Революционная Россия» (1900–1905) и журнал «Вестник Русской Революции» (1901–1905). Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и мелкими собственниками, затушевывали классовое расслоение и противоречия внутри крестьянства, отвергали руководящую роль пролетариата в революции. Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 285). Тактика индивидуального террора, которую эсеры проповедовали как основной метод борьбы с самодержавием, наносила большой вред революционному движению, затрудняла дело организации масс для революционной борьбы.

49.

«L'Humanité» («Человечество») – ежедневная газета, основанная в 1904 году Ж. Жоресом как орган Французской социалистической партии. В 1905 году газета приветствовала начавшуюся революцию в России, выражая солидарность французского народа «с русской нацией, творящей свой 89 год». Редакция газеты организовала сбор средств в пользу русской революции. В годы первой мировой войны (1914–1918) газета, находясь в руках крайне правого крыла Французской социалистической партии, занимала шовинистскую позицию.

50.

«Народная воля» – тайная политическая организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 года в результате раскола народнической организации «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. А. Квятковский, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко и др. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. Их программа предусматривала организацию «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу и разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. «Народовольцы, – писал В. И. Ленин, – сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось» (Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 179).

51.

«Вестник Народной Воли» – заграничный орган партии «Народная воля», выходил в Женеве с 1883 по 1886 год; всего вышло 5 номеров. В состав редакции входили: П. Л. Лавров, М. Н. Оловенникова (Полонская), Л. А. Тихомиров.

52.

«Биржевые Ведомости» – буржуазная газета; основана в 1880 году в коммерческих целях. Издавалась в Петербурге вначале три раза в неделю, потом четыре, а затем ежедневно. С ноября 1902 года выходила два раза в день: утром и вечером. Приспособленчество, продажность, беспринципность сделали название газеты нарицательным («биржевка»). «Биржевые Ведомости» были закрыты Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете в конце октября 1917 года.

53.

Здесь и ниже Ленин имеет в виду и цитирует «Манифест Коммунистической партии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 448–449, 456).

54.

«Дело Жизни» – легальный журнал, орган меньшевиков-ликвидаторов; издавался в Петербурге в январе – октябре 1911 года. Вышло 9 номеров.

55.

Статья «Марксизм и «Наша Заря»» была напечатана в № 3 журнала «Современная Жизнь». Статья была написана В. И. Лениным по просьбе С. Г. Шаумяна.

56.

«Звезда» – большевистская легальная газета; издавалась в Петербурге с 16 (29) декабря 1910 по 22 апреля (5 мая) 1912 года. Первоначально газета выпускалась еженедельно; с 21 января (3 февраля) 1912 года стала выходить 2 раза в неделю, а с 8 (21) марта 1912 года – 3 раза в неделю. Прямым продолжением «Звезды» была газета «Невская Звезда», издание которой было предпринято в связи с частыми конфискациями «Звезды». Первый номер «Невской Звезды» вышел 26 февраля (10 марта) 1912 года, когда «Звезда» еще не была закрыта, последний №, 27-ой, – 5 (18) октября 1912 года.

57.

Речь идет о тезисе, выдвинутом Э. Бернштейном, наиболее открытым выразителем ревизионизма, родоначальником враждебного марксизму оппортунистического течения в международной социал-демократии – бернштейнианства, возникшего в конце XIX века в Германии.

58.

Речь идет о тезисе «экономистов», выдвинутом в их программном документе – так называемом «Credo», написанном в 1899 году Е. Д. Кусковой.

59.

Ленин имеет в виду взгляды немецкого буржуазного экономиста Луйо Брентано (1844–1931) – основоположника разновидности буржуазного извращения марксизма – «брентанизма». Брентано проповедовал «социальный мир» в капиталистическом обществе, возможность преодоления социальных противоречий капитализма без классовой борьбы, утверждал, будто путем организации реформистских профсоюзов и фабричного законодательства можно решить рабочий вопрос, примирить интересы рабочих и капиталистов.

60.

Имеются в виду решения V Общероссийской конференции РСДРП, состоявшейся 21–27 декабря 1908 года (3–9 января 1909) (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, 1954, стр. 195–205).

61.

Ленин имеет в виду брошюру Н. Череванина «Лондонский съезд РСДРП 1907 г.», в последней главе которой автор критиковал с позиций ликвидаторства решение съезда по вопросу о рабочем съезде и беспартийных рабочих организациях.

62.

«Освобождение» – двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) 1902 по 5 (18) октября 1905 года под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводил идеи умеренно-монархического либерализма. В 1903 году вокруг журнала сложился (и в январе 1904 года оформился) «Союз освобождения», просуществовавший до октября 1905 года. Наряду с земцами-конституционалистами «освобожденцы» составили ядро образовавшейся в октябре 1905 года конституционно-демократической партии (кадетов).

63.

Ленин имеет в виду свою работу «Победа кадетов и задачи рабочей партии», написанную в марте и вышедшую в свет отдельной брошюрой в апреле 1906 года (см. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 271–352).

64.

Ленин имеет в виду указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», подготовленный Столыпиным и изданный царским правительством 9 (22) ноября 1906 года. Этот указ после прохождения его через Государственную думу и Государственный совет стал называться законом 14 июня 1910 года. 15 (28) ноября 1906 года был издан также указ «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог наделных земель». По этим указам крестьянам было предоставлено право закрепления их наделов в личную собственность и право выхода из общины на отруба и хутора. Хуторяне или отрубники могли получать на приобретение земли субсидии через Крестьянский банк. Целью столыпинских аграрных законов было создание в лице кулачества новой социальной опоры царского самодержавия в деревне, при сохранении помещичьей собственности на землю и насильственном разрушении общины.

65.

Платформа 104-х – аграрный законопроект за подписью 104-х членов I Государственной думы; внесен трудовиками 23 мая (5 июня) 1906 года на 13-м заседании Думы. Законопроект ставил целью земельного законодательства «стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом» («Государственная дума в России в документах и материалах». М., 1957, стр. 172). Для этого выдвигалось требование создания «общенародного земельного фонда», в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и прочие частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышали установленную для данной местности трудовую норму. За отчуждаемые частновладельческие земли предусматривалось некоторое вознаграждение. Наделные и мелкие частновладельческие земли должны были на время сохраняться за их владельцами; в то же время законопроект предусматривал в дальнейшем постепенный переход и этих земель в общенародную собственность. Аграрную реформу должны были проводить местные комитеты, избранные путем всеобщего голосования. Эти требования выражали интересы зажиточных крестьян, боявшихся немедленной и полной отмены частной собственности на землю и допускавших выкуп отчуждаемых земель. В. И. Ленин отмечал, что «проект 104-х» «проникнут боязнью мелкого собственника произвести слишком крутой переворот, втянуть в движение слишком большие и слишком бедные массы народа» (Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 287). Несмотря на непоследовательность и утопичность, «проект 104-х», как указывал Ленин, являлся платформой борьбы за превращение состоятельной части закабаленного крестьянства в свободное фермерство.

66.

Ленин цитирует лирическую комедию Н. А. Некрасова «Медвежья охота».

67.

Ленин приводит слова Базарова из произведения И. С. Тургенева «Отцы и дети».

68.

Макиавеллистический план – план в духе политики Макиавелли (итальянского политического деятеля конца XV – начала XVI века), который в борьбе за достижение поставленной цели не пренебрегал никакими средствами, в том числе вероломством, предательством, обманом, убийством и т. п.

69.

Ленин имеет в виду книгу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (см. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», 1957).

70.

Ленин имеет в виду книгу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшую в 1895 году под псевдонимом «Н. Бельтов».

71.

«Общественное движение в России в начале XX-го века» – меньшевистский пятитомник (вышло четыре тома) под редакцией Л. Мартова, П. П. Маслова, А. Н. Потресова. Г. В. Плеханов, входивший в первоначальный состав редакции, вышел из нее осенью 1908 года, не согласившись на включение в первый том этого издания ликвидаторской статьи Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху».

150.

Имеются в виду члены и кандидаты ЦК РСДРП, выбранные на V (Лондонском) съезде РСДРП, который происходил 30 апреля – 19 мая (13 мая – 1 июня) 1907 года.

151.

«Русская Мысль» – ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 год; до 1905 года – либерально-народнического направления (до 1885 года – редактор В. М. Лавров). В 90-х годах, во время борьбы марксистов с либеральными народниками, иногда печатал на своих страницах статьи марксистов. В это время в «Русской Мысли» печатались прогрессивные писатели – А. М. Горький, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и др. После революции 1905 года – орган правого крыла кадетской партии, выходил под редакцией П. Б. Струве. Выступал с проповедью национализма, «веховства», поповщины, с защитой помещичьей собственности.